МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Актуальные проблемы науки и образования», посвященной
80-летию Пензенского государственного университета

г. Пенза, 19–25 октября 2023 г.

Под редакцией
В. А. Терехина, Д. И. Артемовой

Пенза
Издательство ПГУ
2024

УДК 34.03
ББК 67.042; 67.71
М74

Модернизация правозащитной системы : материалы
М74 Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы науки и образования», посвящ. 80-летию Пензенского государственного университета (г. Пенза, 19–25 октября 2023 г.) / под ред. В. А. Терехина, Д. И. Артемовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. – 228 с.

ISBN 978-5-907807-79-2

Рассмотрены актуальные вопросы судебно-правовой политики в условиях цифровизации. Представлены исследования по гуманизации уголовного права, деятельности суда присяжных. Уделено особое внимание способам заключения электронных сделок, правозащитным правомочиям прокурора и иным аспектам деятельности органов прокуратуры, адвокатуры и суда.

Издание предназначено для юристов, ученых, преподавателей, аспирантов и обучающихся юридических вузов, а также всех, кто интересуется вопросами повышения эффективности правозащитной системы.

УДК 34.03
ББК 67.042; 67.71

П р и к а з
о проведении Всероссийской научно-практической
конференции «Актуальные проблемы науки и образования»,
посвященной 80-летию Пензенского государственного университета,
№ 716/о от 28.06.2023

ISBN 978-5-907807-79-2
© Пензенский государственный университет, 2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

***Никита Владиславович Авдеев*[1],**
***Павел Константинович Сутягин*[2]**

[1,2]*студент Юридического института*
Пензенского государственного университета

В настоящее время цифровизация является одним из главных трендов в различных сферах деятельности. Она позволяет ускорить и упростить различные процессы, повысить качество услуг и снизить затраты на их производство. Гражданское судопроизводство не стало исключением из этой тенденции. Однако, внедрение цифровых технологий в судебную практику сопровождается рядом актуальных проблем, которые затрагивают как интересы граждан, так и работу самой системы юстиции. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы цифровизации гражданского судопроизводства и возможные пути их решения.

Цифровизация гражданского судопроизводства является одним из ключевых направлений современных реформ в юридической сфере России. Современные технологии могут значительно улучшить доступ граждан к правосудию, ускорить возможные процедуры и повысить прозрачность судебных процессов. Цифровизация, как правило, сопровождается рядом проблем, которые нуждаются в серьезном анализе и решении. В целом, цифровизация гражданского судопроизводства является важным шагом в развитии судебной системы России, но требует комплексного подхода и учета различных факторов для достижения максимальной эффективности и удобства граждан.

Многие авторы отмечают успехи цифровизации правосудия в системе арбитражных судов России. По нашему мнению, хотя система арбитражных судов и достигла значительных успехов в цифровизации процедур, включая использование ресурсов «Картотека арбитражных дел» и «Мой арбитр», а также создание системы «Электронный страж» и других сервисов, это все еще недостаточный уровень цифровизации. Цифровизация, в данном случае, наблюдается лишь от части, так как при создании данных сервисов не использовались инновационные технологии, а только

лишь создавалась и усложнялась система виртуальных баз данных. Несомненно, необходимо продолжать работу над разработкой и внедрением новых инновационных решений для совершенствования электронного правосудия.

Принятие Федерального закона № 440-ФЗ стало значимым шагом в сфере цифровизации правосудия, так как он внес изменения в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, включая возможность использования портала госуслуг для подачи документов в суд в электронном виде с 1 января 2022 года [2]. Распространение COVID-19 и необходимость адаптации судебной системы к условиям пандемии стали одними из главных причин принятия Федерального закона № 440-ФЗ. В связи с ограничениями и карантином, суды были вынуждены перейти на удаленный формат работы, включая проведение заседаний в видеоконференц-формате (ВКС). Опыт показал, что удаленный формат работы может быть эффективным и удобным для всех участников процесса, поэтому законодательство было изменено в соответствии с новыми реалиями. Кроме того, было закреплено использование личных средств связи для участия в судебных заседаниях в формате веб-конференций. Однако, порядок организации ВКС вызвал дискуссии в юридическом сообществе.

Адвокаты считают, что использование Единого портала госуслуг для авторизации достаточно для идентификации личности, так как государство собирает и использует биометрические параметры. Однако некоторые граждане опасаются сохранности своих персональных данных и не хотят использовать биометрию из-за возможных противоправных действий на информационные системы. Введение санкций может вызвать дефицит технических средств, а меры по импортозамещению в IT-сфере потребуют долгого времени. Без должного технического сопровождения меры по улучшению дистанционного участия в судебном процессе могут не быть так востребованы, как ожидалось. В данном контексте важно отметить, что не только государство, но и банки собирают биометрические данные. В этом случае граждане, вероятно, будут более склонны соглашаться на сбор таких данных, чтобы защитить свои финансовые сбережения. Можно обратиться к опыту банков, например, Сбер или Тинькофф, и использовать их методы обра-

ботки биометрических данных при идентификации участников судебного процесса.

Вопрос возникает в контексте возможности оплаты госпошлин и судебных расходов с использованием цифрового рубля в рамках цифровизации судопроизводства. Цифровой рубль представляет собой национальное платежное средство и форму национальной валюты, выпуск которой осуществляется Банком России. Как отмечено в докладе ЦБ РФ, с использованием цифровых рублей будет возможность оплаты любых товаров, работ и услуг, а также получение оплаты от других организаций и физических лиц [10]. На первых этапах внедрения новой формы национальной валюты, с помощью цифрового рубля нельзя будет напрямую оплачивать госпошлины и судебные расходы, но это можно будет сделать косвенно – при помощи перевода цифровых рублей в рубли, находящиеся на счете в банке. Обменять цифровые рубли на рубли, хранящиеся на счете в банке можно будет через безналичную форму в соотношении один к одному. Таким образом, для оплаты судебных расходов, цифровые рубли нужно будет перевести на счет в банке или карту (то есть в безналичную форму) [9, с. 14].

На данный момент оплата государственных пошлин и судебных расходов с использованием цифрового рубля не регулируется законодательно. Однако, с учетом активного стремления Российской Федерации к инновациям, это скоро станет возможным. Введение соответствующих законов и разработка технической инфраструктуры, подходящей для использования цифровых технологий, будут важными шагами для защиты прав и интересов граждан и организаций, а также для повышения прозрачности и эффективности денежных операций.

На наш взгляд, одной из основных составляющих процесса цифровизации гражданского судопроизводства является повсеместное, превентивное, внедрение электронного документооборота. Электронный документ представляет собой цифровую форму информации, записанную в электронном виде, которую можно использовать с помощью компьютера, передавать по сети связи или обрабатывать в информационных системах. Обычно такой документ создается с помощью компьютерных программ, содержит электронную цифровую подпись и сохраняется на электронном носителе в соответствующем формате.

Можно сказать, что электронная цифровая подпись играет важную роль в системе электронного документооборота. Она является аналогом рукописной подписи и используется для обеспечения целостности и подлинности электронных документов путем постоянного контроля. Внедрение системы электронного документооборота возможно в любой организации, независимо от ее размера и формы собственности. Она может быть применена как в небольших структурах, так и в организациях со сложными информационными потоками, например, в судебных учреждениях. Для успешной реализации такой системы требуются комплексные меры, включающие специальные программы, технические средства и обученный персонал. Чтобы более полно понять эту тему, следует также рассмотреть преимущества и недостатки электронного документооборота в общем смысле.

Преимущества использования электронного документооборота включают:

1) создание единой базы документов, чтобы предотвратить дублирование и несанкционированный доступ к документам;

2) ускорение процесса согласования и утверждения документов, а также контроля за их исполнением;

3) создание единого информационного пространства в организации;

4) экономия трудовых, материальных, технических ресурсов;

5) эффективная система отчетности и планирования;

6) контроль над движением документа на каждом этапе документооборота и сокращение времени, затрачиваемого на создание, хранение и обработку документов.

При переходе на использование электронного документооборота могут возникнуть следующие трудности [6, с. 167]:

1) необходимость разработки точечных законодательных норм (как материальных, так и процессуальных) для всестороннего регулирования электронного документооборота, а также общественных отношений, вытекающих из использования данных технологий;

2) возможные бюрократические трудности с подтверждением подлинности электронных документов;

3) проблема долгосрочного централизованного хранения электронных документов.

Электронный документооборот в гражданском судопроизводстве значительно улучшит работу судебной системы Российской Федерации. Использование информационных технологий позволит сократить время рассмотрения дел и снизить количество нарушений. Граждане будут получать доступ к механизму судебной защиты прав быстрее, а работа судов общей и арбитражной юрисдикции станет более качественной. Электронное судопроизводство включает информационно-телекоммуникационные системы и сервисы, позволяющие размещать судебные акты, осуществлять электронный документооборот и принимать электронные заявления от граждан и организаций. Обмен электронной информацией расширяет возможности взаимодействия между органами правосудия и участниками судебного процесса [4, с. 104].

С 1 января 2017 года арбитражные суды и федеральные суды общей юрисдикции внедрили новую систему подачи документов в электронном формате. Теперь возможно создавать электронные заявления, исковые заявления и жалобы, которые необходимо подписывать электронной цифровой подписью и отправлять через личный кабинет в ГАС «Правосудие». Для этого требуется учетная запись на портале государственных услуг или усиленная квалифицированная электронная подпись [7, с. 9].

Верховный Суд РФ провел работу по разъяснению Постановления Пленума Верховного Суда РФ относительно использования электронного документооборота в системе судов общей и арбитражной юрисдикции [3]. Если граждане обратились в суд, информация о процессе, включая время и место судебного заседания, размещается на сайте в интернете. Доказательством размещения такой информации является отчет автоматизированной системы в интернете, а также скан официальной страницы суда, на которой указано о принятии дела или других процессуальных действий. Бумажная распечатка страницы добавляется в материалы дела. Гражданам также доступен сервис на сайтах судов, который позволяет оперативно получать информацию о ходе дела, дате, времени и месте судебного заседания, а также о решении суда.

Несмотря на то, что система электронного документооборота в судебной системе имеет свои преимущества, она также сталкивается с некоторыми сложностями. Например, при отправке электронных документов необходимо идентифицировать личность отправителя. Для этого часто используется электронная цифровая

подпись. Таким образом, чтобы гарантировать надежность отправки электронного обращения, отправителю потребуется цифровая подпись. Однако до сих пор многие отправители не применяют цифровую подпись из-за незнания или недоверия. Эта проблема усугубляется сложностью законодательства о цифровой подписи и отсутствием единого удостоверяющего центра, где все заинтересованные лица могли бы получить подпись. Некоторые положения ГПК РФ все еще позволяют изготавливать решение суда в электронной форме, но это не обязательное требование. Например, статья 130 ГПК РФ говорит о том, что судебный приказ может быть создан в электронном виде только по просьбе взыскателя, но при этом он должен быть опубликован в бумажном виде с печатью суда. Также статья 214 ГПК РФ указывает, что копии решения суда могут быть выданы уполномоченным лицам в течение пяти дней только с согласия участников дела или их представителей [11, с. 133].

Можно сделать вывод, что развитие электронного документооборота в российской судебной системе является неотъемлемой частью успешной реформы судов России. Это поможет решить ряд проблем и улучшить качество и оперативность судебного процесса. Использование электронных технологий значительно облегчит доступ к правосудию и способствует осуществлению его основных принципов – диспозитивности, состязательности и доступности. В настоящее время очень важно оперативно решить вопрос технического обеспечения электронного судопроизводства, особенного мировых судов. Согласно ФКЗ «О судебной системе РФ» [1], эта задача возложена на Судебный департамент при Верховном Суде РФ, но ее решение затягивается. Кроме того, законодательство не разработало единообразную регуляторную базу для электронного документооборота в судах общей юрисдикции. Все это препятствует формированию электронного правосудия в России и затрудняет реализацию гражданских прав на обращение в суд с использованием информационных технологий.

Важно отметить, что электронный документооборот требует рассмотрения вопроса об электронной цифровой подписи. Согласно Закону № 63-ФЗ, электронная подпись – это информация в электронной форме, присоединенная или связанная с другой информацией и используемая для определения лица, подписывающего информацию. Закон № 63-ФЗ устанавливает условия, при кото-

рых электронные документы с электронной подписью признаются равнозначными бумажным документам с собственноручной подписью.

Электронная подпись может быть простой, усиленной неквалифицированной или усиленной квалифицированной. Простая подтверждает формирование подписи определенным лицом с использованием кодов или паролей. Усиленная неквалифицированная позволяет определить лицо, подписавшее документ, и обнаружить изменения после подписания. Усиленная квалифицированная подпись равнозначна собственноручно подписанному документу и хранится на флеш-карте с зашифрованной информацией. Граждане могут использовать простую электронную подпись для обращений в суд, а в некоторых случаях требуется усиленная квалифицированная подпись. Документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде через официальный сайт суда в Интернете, согласно законодательству Российской Федерации.

Согласно положениям ГПК РФ, применение усиленной квалифицированной электронной подписи требуется при подаче искового заявления с ходатайством об обеспечении иска (ч. 4 ст. 131 ГПК РФ), заявлениями об обеспечении иска (ч. 1 ст. 139 ГПК РФ), заявлениями организации или гражданина о принятии предварительных обеспечительных мер для защиты авторских и (или) смежных прав (ч. 1 ст. 144.1 ГПК РФ), а также ходатайствами о приостановлении исполнения решения суда до окончания производства в суде кассационной инстанции (ч. 1 ст. 381 ГПК РФ) и надзорной инстанции (ч. 1 ст. 391.5 ГПК РФ). Важно отметить, что суд будет принимать документы только в том случае, если электронная подпись принадлежит заявителю, то есть документ должен быть подписан именно тем лицом, которое его подает [5, с. 160].

Граждане с электронной подписью могут подавать документы в суд онлайн, независимо от местоположения и времени. Это быстрее и экономичнее, чем обращение в канцелярию или отправка почтой. Документы, полученные через онлайн-сервисы и подписанные электронной подписью, рассматриваются быстрее. Гражданин может отслеживать статус и ход разбирательства. Главное преимущество электронной подписи – удобство использо-

вания и защита от подделки. Это дает гарантии для участников судопроизводства [8, с. 152].

В общем, в России сталкиваются с рядом проблем при цифровизации гражданского судопроизводства, которые требуют комплексного подхода для их решения. Несмотря на сложности, цифровизация является неизбежным процессом, который поможет ускорить и упростить судебные процедуры, сделать правосудие доступнее и защитить права граждан. Одной из основных трудностей является идентификация участников судебных процессов. Опыт крупных банков в сборе биометрических данных может быть полезен для разработки эффективных методов идентификации. Кроме того, стоит уточнить законодательство в области электронного документооборота и использования цифрового рубля, чтобы избежать возможных конфликтов в судебных процессах, связанных с новыми технологиями.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 440-ФЗ от 30.12.2021.

2. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 09.10.2023).

3. Равоян Р. А. Правовое регулирование обращения цифрового рубля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 39–42.

4. Афонюшкина О. И. Электронный документооборот: особенности, преимущества и недостатки // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 10. С. 164–168.

5. Абдеев М. Р. Проблемы, особенности и перспективы использования электронных документов в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1 (80). С. 103–106.

6. Балашов А. Н., Ефремова Н. Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 8–12.

7. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 57 от 26.12.2017.

8. Шатковская Т. В., Гончаров Е. И. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 131–135.

9. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон № 1-ФКЗ от 31.12.1996 (ред. от 16.04.2022 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

10. Аннин А. Г., Новиков С. С. Электронная подпись: понятие и практика применения // Аграрное и земельное право. 2020. № 8 (188). С. 159–163.

11. Пастухова С. С. Электронная подпись в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 148–154.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Денис Владимирович Акулов

доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке

Характерной чертой отечественного уголовного процесса, присущей ему несмотря на общий вектор гуманизации уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики, является избыточное использование наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу.

Отмечаемая системная проблема признана и Европейским судом по правам человека в постановлении от 10.01.2012 по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», которое несмотря на выход России из Совета Европы не утратило своей актуальности и в настоящее время.

На этом фоне, выступающая в качестве альтернативы заключению под стражу, такая мера пресечения как домашний арест не получила столь широкого применения.

Так из сводных статистических данных о деятельности федеральных судов общей юрисдикции следует, что в 2022 году судами удовлетворено 7407 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в то время как заключение под стражу избрано в отношении 87687 лиц[1].

Сложившееся соотношение, когда на каждое лицо, подвергнутое домашнему аресту, приходится десять и более лиц заключенных под стражу остается стабильным на протяжении нескольких последних лет, существенно не изменившись и в 2023 году.

Не претендуя на подробный анализ и классификацию этапов исторического развития института домашнего ареста, тезисно остановимся на основных причинах организационного и правового характера, которые в ретроспективе влияли на незначительность его распространения.

Представляется, что применительно к имперскому периоду таковыми, вплоть до судебной реформы 1864 года, выступали сословный характер и привилегированность данной меры пресечения, предполагавшие весьма затратный порядок её исполнения, заключавшийся в постоянном нахождении по месту жительства обвиняемого и за его счёт специального полицейского чина. При таких условиях, говорить о сколько-нибудь массовом её применении, разумеется, не приходится.

После судебной реформы 1864 года и принятия Устава уголовного судопроизводства, хотя и предусмотревшего домашний арест в качестве одной из мер пресечения, его использование практически сошло на нет.

Как справедливо заметил П. И. Люблинский, данная мера пресечения совершенно упразднена и за 1898 год установлено всего 2 случая её применения, а за 1899 ни одного [1, с. 372–373].

Очевидно, причины сложившейся ситуации крылись в недостатках правового регулирования, заключавшихся в дублировании содержательной сущности различных мер пресечения, а также в неопределенности условий и порядка применения домашнего ареста (что отчасти схоже с проблемами, вставшими перед правоприменителями в начале XXI века после вступления в силу УПК РФ).

---

[1] «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 28.08.2023).

Несмотря на то, что первые уголовно-процессуальные кодексы (1922 и 1923 гг.) молодого советского государства предусматривали домашний арест в качестве меры пресечения и даже содержали его легальное определение, сформировавшийся государственный строй и очевидная направленность уголовно-процессуальной политики на применение наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу привели к тому, что практика его применения, как и в поздний имперский период, так и не сформировалась.

Закономерным итогом сложившейся ситуации явилось исключение домашнего ареста из числа мер пресечения при принятии как Основ уголовного судопроизводства Союза ССР, так и УПК РСФСР 1960 г.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством домашний арест является одной из мер пресечения, содержащихся в главе 13 УПК РФ с момента его вступления в законную силу.

Вместе с тем, на протяжении практически всего первого десятилетия действия нового уголовно-процессуального кодекса данная мера пресечения выглядела достаточно архаично, по меткому замечанию Головко Л. В. напоминая уголовно-процессуальный стиль XIX столетия, с присущими ему отсутствием технических коммуникаций, гужевым транспортом и обязыванием некоего помещика находиться под домашним арестом [2, с. 548].

В этой связи вплоть до 2012 года удельный вес домашнего ареста в общей структуре избранных судом и органами расследования мер пресечения составлял не более одного процента.

После принятия Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, изложившего ст. 107 УПК РФ в новой редакции[1], обозначилось несколько актуальных вопросов, требующих детального анализа и осмысления.

Достаточно распространенной является точка зрения о том, что домашний арест в прежней редакции механически разбит на две самостоятельные меры пресечения, предусмотренные отдельными статьями (105.1 и 107) УПК РФ [3, с. 97–103].

---

[1] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

Другие исследователи полагают, что пояснительная записка к законопроекту свидетельствует о том, что его инициаторы хотели сделать более справедливым порядок зачета сроков мер пресечения, избираемых в отношении обвиняемых, в окончательный срок наказания [4, с. 53].

Однако представляется, что основной посыл законодателя при формулировании новой редакции правовой нормы заключался с одной стороны в усилении степени изоляции лица, которому избран домашний арест, а с другой в обязательном установлении запретов и осуществлении контроля за обвиняемым и подозреваемым. Как следствие произошла замена частичной изоляции лица, находящегося под домашним арестом, на полную путем исключения возможности обвиняемого покидать место жительства, в том числе для совершения прогулок, а домашний арест по степени своей строгости фактически приблизился к заключению под стражу.

Вместе с тем обозначенный в тексте закона подход относительно полной изоляции лица при домашнем аресте не нашел однозначной поддержки в теории и правоприменительной практике.

Например, Е. П. Харьковский и Н. В. Пальчикова, фактически соглашаясь с законодателем, утверждают, что домашний арест должен гарантировать изоляцию обвиняемого с его пребыванием в жилище на постоянной, а не временной основе [5, с. 110–111].

Алексеев И. М., Данильян А. С. и Данильян С. А. отмечают, что несмотря на отсутствие в ст.107 УПК РФ прямого запрета на прогулки, он вытекает из системного толкования положений указанной статьи и п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ [4, с. 54].

В то же время А. С. Червоткин полагает, что обвиняемый, содержащийся под домашним арестом, должен иметь равные права с лицом, содержащимся под стражей, поскольку это лицо в соответствии с законом может совершать ежедневные прогулки продолжительностью не менее одного часа [6, с. 30].

Аналогичную, по сути, позицию высказывает и О. В. Качалова, указавшая, что ч. 1 ст. 107 УПК РФ не содержит прямого запрета на прогулки, которые сами по себе не меняют сущности домашнего ареста, в то время как домашний арест без разрешения прогулок может нарушать право лица на достойное обращение [7, с. 9].

Изучение судебных решений, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде домаш-

него ареста, свидетельствуют о том, что многие суды руководствуясь общеправовыми принципами гуманизма и уважения чести и достоинства личности, не ограничивают права обвиняемых покидать место постоянного проживания для кратковременной прогулки.

Например из кассационного определения третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 следует, что право лица, находящегося под домашним арестом, покидать жилище в установленный судом промежуток времени ежедневно для прогулки является составной частью его конституционного права на охрану здоровья и обусловлено требованиями законодательства в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, а потому не может быть произвольно ограничено.

Запрет права пользоваться ежедневной прогулкой лицу, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, без учета данных о его личности, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, продлении его срока, рассмотрении соответствующих ходатайств заинтересованных лиц – недопустим, это следует из анализа положений ч. 7, 8 ст. 107 УПК РФ[1].

Вместе с тем, другими судами принимаются и диаметрально противоположные решения, основанные на буквальном толковании ст.107 УПК РФ.

Так, постановлением Московского городского суда от 18.12.2021 отклонена апелляционная жалоба стороны защиты на постановление Пресненского районного суда от 09.11.2021 о продлении меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении С.

Опровергая доводы жалобы в части необходимости обвиняемому прогулок на свежем воздухе, суд апелляционной инстанции указал, что согласно положений ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения заключается в нахождении обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, то есть в полной изоляции, при этом судом по ходатайству обвиняемого, его защитника, законного представителя, следователя могут быть изменены лишь ранее установленные в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ запреты. Разрешение прогулок лицу,

[1] Кассационное определение третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 77-2528/2021// КонсультантПлюс.

находящемуся под домашним арестом ст. 107 УПК РФ не предусмотрено[1].

Аналогичная правовая позиция приведена и в апелляционном постановлении Верховного Суда республики Крым от 23.01.2020 из содержания, которого следует, что суд, вопреки доводам стороны защиты, полагает, что закон не предусматривает возможности выходить за пределы жилого помещения лицу, находящемуся под домашним арестом, для прогулок, посещения магазинов или каких-то других нужд[2].

Ещё одной новеллой принятого закона является выделение новой меры пресечения в виде запрета определенных действий и связанную с этим попытку объединить конструктивные элементы данной меры пресечения и домашнего ареста.

Подобный подход объясняется необходимостью использования запретов определенных действий как дополнительных средств ограничения обвиняемого. Например, запрет общаться с определенным лицами и получать почтово-телеграфные отправления позволяет изолировать лицо, находящееся под домашним арестом, от социума и усилить и упростить контроль за ним [8, с. 43–46].

В тоже время контроль за фактическим соблюдением данных запретов является достаточно проблематичным, поскольку какой-либо правовой механизм, позволяющий пресекать возможность общения обвиняемого с определенными лицами или отправления почтово-телеграфной корреспонденции при помощи совместно проживающих близких родственников отсутствует. В этой связи исполнение запретов, по сути, поставлено в зависимость от добросовестного исполнения обвиняемым своих процессуальных обязанностей, однако презумпция подобного поведения данного лица представляется излишне оптимистичной.

Отдельного и весьма серьезного исследования, выходящего за рамки настоящей работы, требует и вопрос порядка осуществления контроля за соблюдением обвиняемым запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Одним из необходимых условий применения домашнего ареста выступает определение места исполнения меры пресечения.

---

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда от 08.12.2021 по делу № 10-24581/2021// КонсультантПлюс.

[2] Апелляционное постановление Верховного Суда республики Крым от 23.01.2020 по делу № 3/12-207// КонсультантПлюс.

В этом смысле сложно переоценить разъяснения, содержащиеся в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41[1].

Однако в разъяснениях высшей судебной инстанции не содержится ответа на вопрос о возможности применения домашнего ареста к лицам, проживающим в жилых помещениях специализированного жилищного фонда или номерах отелей, гостиниц.

Очевидная значимость данной проблемы ярко обозначилась с момента начала проведения специальной военной операции и происходящих в этой связи миграционных процессах, связанных с размещением беженцев и вынужденных переселенцев, как правило, в общежитиях, загородных оздоровительных лагерях, гостиницах, профилакториях и санаториях.

Полагаем, что обозначенные дискуссионные вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в определенной степени влияют на масштабы её применения и как следствие влекут необходимость дальнейшего совершенствования действующего законодательства, путем внесения изменения в ст. 107 УПК РФ.

В частности, представляется обоснованным предложение конкретизировать в диспозиции данной нормы возможность либо невозможность реализации обвиняемым права покидать жилое помещение, в том числе для ежедневной прогулки.

Для надлежащего исполнения установленных запретов и ограничений при домашнем аресте целесообразно закрепить в ст. 107 УПК РФ перечень возлагаемых на обвиняемого обязательств, сочетающихся с применяемыми к нему ограничениями.

Кроме того, для уточнения места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 следует изложить позицию относительно возможности включения в перечень жилых номеров в отелях, гостиницах и помещений специализированного жилищного фонда.

Список литературы

1. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб. : Сенат, 1906. 701 с.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // КонсультантПлюс.

2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 548.

3. Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовный процесс. 2019. № 6. С. 97–103.

4. Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3. С. 53.

5. Харьковский Е. Л., Пальчикова Н. В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 4 (14). С. 110–111.

6. Червоткин А. С. Новые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам применения мер пресечения // Уголовный процесс. 2020. № 8. С. 30.

7. Качалова О. В. Домашний арест: с прогулками или без? // Уголовный процесс. 2019. № 9. С. 9.

8. Гапонова В. Н., Виноградова В. А. Домашний арест обвиняемого (подозреваемого): полная изоляция и право на прогулку // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 43–46.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Денис Владимирович Акулов

доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета, судья в почетной отставке

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» уголовное преследование является одной из так называемых ненадзорных функций, иначе говоря, видов деятельности прокуратуры. Традиционно считается, что данная функция осуществляется как в досудебных, так и судебных стадиях уголовного

судопроизводства. Применительно к ключевой стадии уголовного процесса – рассмотрению дела в суде первой инстанции, функция уголовного преследования реализуется путем поддержания прокурором государственного обвинения и каких-либо значимых вопросов относительно её содержания, требующих научного осмысления попросту не имеется.

Иначе обстоят дела в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В период действия УПК РСФСР и первые годы после принятия УПК РФ реализация данной функции прокурором проявлялась в его полномочиях по возбуждению уголовного дела, проведению отдельных следственных действий без принятия уголовного дела к своему производству, а в конечном итоге и проведению предварительного следствия в полном объеме, тем самым отчасти пересекаясь с выделяемой уголовно-процессуальной наукой функцией предварительного расследования.

Подобное понимание уголовного преследования прокурором, разделяли и отечественные ученые-процессуалисты. Например, профессор Петрухин И. Л. отмечал, что прокурор, как «хозяин» процесса на предварительном следствии и дознании, осуществляя уголовное преследование, в необходимых случаях лично проводил отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу; возбуждал уголовные дела или отказывал в их возбуждении; прекращал или приостанавливал производство по уголовному делу [1, с. 72].

В свою очередь профессор Шейфер С. А., фактически заявляя о том, что именно прокурор возглавляет уголовное преследование, указывал о руководстве прокурором предварительным расследованием и ответственности за его исход [2, с. 95].

Однако Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ ст. 37 УПК РФ изложена в новой редакции, а прокурор лишился ряда полномочий, составляющих основное содержание реализуемой им функции уголовного преследования. Последующие изменения в уголовно-процессуальный закон, частично возвратившие ряд полномочий прокурора, даже по самым оптимистичным оценкам следует рассматривать как некий паллиатив, не позволяющий утверждать о полноценном восстановлении функции прокурора по осуществлению уголовного преследования применительно к стадиям возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Полагаем, чтодля аргументированного ответа на вопрос относительно наличия у прокурора данной функции в досудебном производстве и уяснения её содержания, необходимо разобраться с современным определением уголовного преследования в его легальном и доктринальном понимании.

В словаре русского языка под одним из лексических значений слова преследование понимается стремление достичь какой-либо цели [3, с. 505].

Законодатель, конструируя соответствующую дефиницию, обозначил в качестве такой цели изобличение подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, определяя само уголовное преследование как «процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения» (п. 55 ст. 55 УПК РФ).

Однако определив цель уголовного преследования и проявив вполне объяснимую лаконичность, содержание отмеченной процессуальной деятельности законодатель не раскрыл. В этой связи представляется, что ключевыми, являются вопросы об установлении момента начала осуществления уголовного преследования и его сущности, до настоящего времени окончательно не разрешенные отечественной уголовно-процессуальной наукой и являющиеся предметом дискуссий.

Обозначенная проблематика, применительно к уяснению начала уголовного преследования, сформировала два научных подхода, к настоящему времени ставшие каноническими.

Ярчайшим представителем первого являлся профессор М. С. Строгович, утверждавший, что уголовное преследование может осуществляться лишь с момента установления лица, совершившего преступление и наделения его процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого [4, с. 59–65].

Диаметрально иную позицию высказывал профессор М. А. Чельцов-Бебутов, полагая, что уголовное преследование начинается с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела, вне зависимости от того возбуждено ли оно в отношении конкретного лица или по факту совершения преступления [5, с. 348].

По мнению некоторых современных авторов именно мнение Строговича М. С. относительно понятия и начала уголовного преследования нашло свое воплощение в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ [6, с. 24–29].

Весьма конкретно о моменте начала уголовного преследования высказывается и Кузнецова Н. Н., указав, что проверка сообщения о преступлении не относится к уголовному преследованию, поскольку еще не сделан вывод о наличии признаков преступления, а также не предусмотрен механизм уведомления лица, в отношении которого проводится проверка о такой уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 19–23]

Несмотря на отмечаемые концептуальные отличия, заключающиеся в потенциальной возможности осуществления преследования в зависимости от наличия либо отсутствия лица, подозреваемого в совершении преступления, объединяющим началом данных воззрений является то обстоятельство, что момент начала уголовного преследования связывается именно с фактом возбуждения уголовного дела. Упрощенно говоря, пока нет возбужденного уголовного дела, невозможно вести речь и об уголовном преследовании.

В то же время предлагаемый критерий, нашедший свое отражение в действующем уголовно-процессуальном законе и не позволяющий отнести к уголовному преследованию процессуальную деятельность, осуществляемую при проверке сообщения о совершении преступления, подвергается критике, содержащей достаточно серьезную аргументацию относительно правовой природы изобличения и его содержания [8, с. 59–61].

Полагаем, что некий ориентир в научных дискуссиях обозначил Конституционный Суд РФ, связавший момент начала уголовного преследования с «принятием в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в части первой статьи 46 или части первой статьи 47 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым, обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым»[1].

Таким образом, Конституционный Суд РФ, допускает возможность начала осуществления уголовного преследования при

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» // КонсультантПлюс.

проверке сообщения о преступлении как до момента возбуждения уголовного дела так и до приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, при условии если в отношении такого лица производятся процессуальные действия, направленные на его изобличение в совершении преступления и затрагивающие интересы данного лица.

Высказанная правовая позиция представляется вполне обоснованной, поскольку в соответствии с ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ сведения полученные в ходе проверки сообщения о преступлении могут использоваться в процессе доказывания, как правило, признаваясь в качестве таких видов доказательств как иные документы и протоколы следственных действий. В свою очередь взаимосвязь доказывания и процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица в совершении преступления (уголовного преследования) не нуждается в какой-либо дополнительной аргументации.

Сформулировав промежуточный вывод о возможности начала уголовного преследования со стадии возбуждения уголовного дела, сопоставим порядок его осуществления при проверке сообщения о преступлении с полномочиями прокурора, предусмотренными уголовно-процессуальным законом.

При анализе содержания полномочий прокурора, предусмотренных ч. 2 ст. 37 УПК РФ, становится очевидным, что в указанной стадии процесса каких-либо действий по уголовному преследованию, он не осуществляет, поскольку право прокурора выносить по выявленным нарушениям уголовного закона постановление и направлять его для решения вопроса об уголовном преследовании, выступает лишь в качестве повода для возбуждения уголовного дела и само по себе не влечет возникновение безусловной обязанности органов расследования по выполнению определенных процессуальных действий направленных на изобличение лица в совершении преступления либо возбуждению уголовного дела. В тоже время иные полномочия прокурора, такие как проверка исполнения закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях или отмена незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела скорее соотносятся с содержанием функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

В качестве ремарки отметим, что уголовное преследование при проверке сообщений о преступлениях, вне зависимости от субъектов его осуществления, не столь частое явление и скорее выступает в качестве некоего исключения из правил, тогда как наиболее типичны как раз случаи начала уголовного преследования уже после возбуждения уголовного дела и приобретения лицом формального статуса подозреваемого или обвиняемого.

В этой связи необходимо проанализировать содержание уголовного преследования, осуществляемого при производстве предварительного расследования, после чего провести его сопоставление с полномочиями прокурора, реализуемыми им в данной стадии судопроизводства.

Классическая схема, актуальная в советский и ранний постсоветский периоды вплоть до принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, заключалась в том, что уголовное преследование состоит из следующих элементов:

– действия следственных органов и прокуратуры по собиранию доказательств, уличающих обвиняемого или устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства;

– действия следственных органов и прокуратуры по применению к обвиняемому различных принудительных мер;

– действия прокурора по передаче уголовного дела в суд и поддержание по нему государственного обвинения [9, с. 196].

В то же время произошедшая в 2007 году процессуальная реформа фактически списала данную схему в анналы истории, и в первую очередь потому, что в досудебных стадиях судопроизводства кардинальным образом изменилась роль прокурора в уголовном преследовании.

Представляется, что содержание уголовного преследования находится в прямой зависимости от субъекта его осуществления и применительно к прокурору, следователю или дознавателю не является тождественным.

Очевидно, что определение сущности уголовного преследования осуществляемого следователем, дознавателем, а равно иным лицом, производящем предварительное расследование, не вызывает особых затруднений и в сжатом виде заключается в наличии у них полномочий по возбуждению уголовного дела, самостоятельном направлении хода расследования, производстве необходимых следственных и процессуальных действий, направленных

на изобличение лица в совершении преступления, а при достижении указанной цели в пределах данной стадии судопроизводства, направлении дела прокурору для решения вопроса о направлении уголовного дела в суд для разрешения по существу.

Сложнее обстоит ситуация с уяснением содержания уголовного преследования, осуществляемого прокурором.

Полагаем, что обозначенную проблему следует рассматривать в нескольких плоскостях, в частности на первом этапе необходимо определиться с наличием как таковой функции прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, а при положительном ответе на данный вопрос провести дифференциацию функций уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебном производстве.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» прокуратура реализует функцию надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, а также ненадзорную функцию уголовного преследования.

Исходя из ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. При этом если уголовное преследование (обвинение) прямо обозначено в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной функции через установление принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), то надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования в качестве таковой законодателем не определен.

В этой связи в науке возникает вопрос о самостоятельности функции прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве.

Отдельными учеными сформулирован тезис о деформации прокурорских функций, проявляющейся в том, что руководящая роль прокурора относительно органов расследования фактически «скрывается» за термином «надзор» [10, с. 324].

С точки зрения других в уголовном судопроизводстве России сформировался принцип руководства прокурором уголовным преследованием от имени государства, в процессе которого он осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования [11, с. 38–42].

Высказывается также мнение, что прокурорский надзор в уголовном процессе, ввиду отсутствия нормативно-правового ре-

гулирования данной функции, выступает в качестве специфической формы уголовного преследования [12, с. 23].

При всем уважении к последней позиции, представляется, что такой подход является излишне формализованным, основанным исключительно на признаке нормативной закрепленности функций и не соответствует смыслу уголовно-процессуального закона.

Например, можно ли расценивать как уголовное преследование процессуальные действия и решения прокурора, в тех случаях, когда они не преследуют цель изобличения лица в совершении преступления, не влияют на движение уголовного дела и его переход в иные стадии судопроизводства?

Не секрет, что в практической работе прокурора отмена незаконных и необоснованных решений органов расследования (таких как приостановление предварительного следствия или дознания, прекращение уголовного дела) сама по себе зачастую выступает в качестве конечного результата, соотносящегося с целями прокурорского надзора и отчасти позволяющего формировать необходимые статистические показатели. В этом смысле действия прокурора, по сути, имеют весьма притянутое отношение к уголовному преследованию.

Более того, существенная часть полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве и применяемых им актов реагирования направлены исключительно на обеспечение верховенства закона, защиту прав и свобод участников процесса, интересов общества и государства и не преследуют цели изобличения подозреваемого в совершении преступления.

Таким образом, полагаем, что надзор и уголовное преследование выступают в качестве самостоятельных уголовно-процессуальных функций, а основным критерием позволяющим провести их разграничение является цель данных видов деятельности прокурора. И если в первом случае в качестве таковой выступают содержащиеся в ч.2 ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» цели прокурорского надзора, то во втором, закрепленные в уголовно-процессуальном законе цели уголовного преследования.

Определившись относительно автономности обозначенных функций, проанализируем перечисленные в ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочия прокурора, реализуемые им в досудебном производстве, часть из которых, очевидно, соотносится с уголовным

преследованием, а другая с надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, либо, как отмечается отдельными авторами, носящими смешанный характер [13, с. 65–68].

Поскольку с момента вступления в силу Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ прокурор не осуществляет собирание доказательств в досудебном производстве, возникает резонный вопрос можно ли расценивать в качестве уголовного преследования полномочия прокурора давать дознавателю указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий? Полагаем, что, ввиду обязательности для исполнения указаний прокурора и при условии, что содержательно они направлены на достижение дознавателем цели изобличения подозреваемого в совершении преступления, данное полномочие прокурора возможно рассматривать как некое опосредованное участие в собирании доказательств, являющееся элементом уголовного преследования.

Аналогичный подход можно применить и к таким полномочиям прокурора как право давать дознавателю согласие на возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения, либо производстве процессуального действия, требующего судебного решения, а также по участию в судебных заседаниях для разрешения данных вопросов, расценивая их в качестве согласованных действий, направленных на применение к обвиняемому принудительных мер, что в полной мере соотносится с содержанием уголовного преследования.

Продолжая данный логический ряд, считаем, что и право прокурора отменять процессуальные решения органов расследования в отдельных случаях (при наличии в постановлениях прокурора требования, направленного на достижение цели изобличения лица в совершении преступления) возможно рассматривать в качестве опосредованного уголовного преследования, тем самым разделяя высказанное Левичевым Д. А. мнение о наличии у прокурора полномочий смешанного характера.

Представляется, что без каких-либо дополнительных условий в качестве уголовного преследования прокурора необходимо рассматривать его полномочия по:

– рассмотрению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

– самостоятельному возбуждению перед судом ходатайств о продлении сроков запрета определенных действий, домашнего

ареста и заключения под стражу по уголовному делу, поступившему или направляемому в суд;

– утверждению постановлений дознавателя о прекращении производства по уголовному делу, утверждению обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления по уголовному делу;

– самостоятельному принятию решения о прекращении уголовного дела в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8, п. 3 ч. 5 ст. 439 УПК РФ).

Что касается иных полномочий прокурора, содержащихся в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, то, по нашему мнению, они в полной мере соотносятся с функцией надзора и не могут составлять содержание с уголовного преследования, исходя ранее выделенного целевого критерия их разграничения.

Подводя итог исследования, полагаем, что в досудебном производстве современного отечественного уголовного судопроизводства прокурор осуществляет уголовное преследование в достаточно усеченном формате исключительно в стадии предварительного расследования, а вести речь о сколько-нибудь его полноценном восстановлении до уровня моделей процесса европейского континентального смешанного типа возможно лишь после возвращения прокурору права на возбуждение и прекращение производства по уголовному делу, что является исключительной прерогативой законодателя.

Список литературы

1. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М. : Велби, 2004. Ч. 1. С. 72.

2. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 95.

3. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М. : Русский язык, 1986. С. 505.

4. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 59–65.

5. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 348.

6. Шадрина Е. Г. Значение принципа процессуальной справедливости для уголовного преследования // Российский судья. 2023. № 5. С. 24–29.

7. Кузнецова Н. Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного преследования по законодательству федеративной республики Германии и Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 19–23.

8. Османова Н. В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // Российский следователь. 2021. № 4. С. 59–61.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 196.

10. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 324.

11. Кругликов А. П., Бирюкова И. А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного процесса // Законность. 2019. № 2. С. 38–42.

12. Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе : учебник и практикум. М. : Юрайт, 2020. С. 23.

13. Левичев Д. А. К вопросу о соотношении прокурорского надзора и уголовного преследования // Российский следователь. 2022. № 2. С. 65–68.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА

Дарья Игоревна Артемова[1],
Ксения Вячеславовна Барбакова[2]

[1]кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета
[2]студентка Юридического института Пензенского государственного университета

Актуальность темы состоит в том, что инновационное развитие важно для обеспечения экономического роста, конкурентоспо-

собности и улучшения качества жизни. Инновации способствуют созданию новых продуктов, технологий и услуг, улучшению производственных процессов и повышению эффективности бизнеса. Они также способствуют развитию новых отраслей и решению глобальных вызовов, таких как изменение климата, здравоохранение и устойчивое развитие. Поэтому инновационное развитие играет ключевую роль в современном мире и необходимо для успешного развития общества [1, 2].

Российская Федерация является уникальным государством, обладающим рядом особенностей: размах территорий, стратегическое расположение между Западом и Востоком, многонациональность, мультикультурализм и многоконфессиональность, наличие значительного числа природных богатств и многое другое. Россия – федеративное государство, включающее в себя разнопорядковые субъекты, часть из которых (республики) в соответствии с Конституцией провозглашены государствами. Приведенное разнообразие обусловливает особый подход к региональному развитию , требующего пристального внимания. В условиях новой промышленной революции нашей стране требуется быстрый рост экономического развития, который возможен в условиях обеспечения инновационных прорывов.

Понятие инноваций появилось в российском праве относительно недавно. В соответствии с Федеральным законом от 21.07.2011 г. № 254-ФЗ были внесены дополнения в Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», благодаря которым закреплены следующие определения:

Инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Инновационная деятельность – деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Несмотря на это, развитие терминологии произошло в большей мере в законодательстве субъектов Российской Федерации, это мы рассмотрим позже. Необходимо отметить программный документ – Государственную программу Российской Федерации

«Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденную Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 316[1], которая относит к своим целям : запуск нового инвестиционного цикла и улучшение делового климата (в это понятие входит: достижение значения индекса физического объема инвестиций в основной капитал по отношению к 2020 году в 2030 году не ниже 170 процентов; достижение ежегодного 50-процентного прироста доли предприятий, достигших ежегодного 5-процентного прироста производительности труда на предприятиях – участниках национального проекта «Производительность труда», внедряющих мероприятия национального проекта под федеральным и региональным управлением в течение 3 лет участия в проекте; создание более 118 тыс. новых рабочих мест в рамках реализации мероприятий, направленных на повышение потенциала региональных экономик, к 2024 году; достижение объема поддержанного экспорта за счет инструментов поддержки акционерного общества «Российский экспортный центр», акционерного общества «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций», Государственного специализированного Российского экспортно-импортного банка (акционерное общество) и их дочерних хозяйственных обществ в 2024 году в размере 21,8 млрд долларов США). Также целью программы является ускорение технологического развития экономики(а именно достижение общего объема выручки поддержанных технологических компаний в 2030 году в размере порядка 650 млрд рублей; достижение объема размещения устойчивых облигаций в секторе устойчивого развития публичного акционерного общества «Московская биржа ММВБ-РТС» в 2024 году в размере 400 млрд рублей),увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых(обеспечение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, к 2030 году не менее 25,65 млн человек). И последней целью Государственной программы стоит назвать повышение эффективности государственного управления (сохранение удовлетворенности граждан

[1] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Экономическое развитие и инновационная экономика"» (с изм. и доп.).

Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг на уровне не менее 90 процентов; подготовка к 2024 году 52,1 тыс. управленческих кадров, участвующих в реализации национальных и региональных проектов; снижение отчетной нагрузки на респондентов по предоставлению статистической отчетности в 2024 году на 50 процентов).В программу вносятся постоянные изменения. Она включает в себя 9 основных подпрограмм (среди которых «Инвестиционный климат», «Развитие малого и среднего предпринимательства», «Стимулирование инноваций» и др.) и 5 дополнительных («Создание и развитие инновационного центра "Сколково"», «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности», «Туризм» и др.).

Стоит уделить внимание развитию инновационных центров.

Инновационный центр «Сколково» – первый и единственный в России город, задуманный и спроектированный с целью концентрации российского научного и бизнес-потенциала для разработки и коммерциализации наиболее перспективных проектов в стратегических для страны направлениях:

- энергоэффективности;
- информатики и телекоммуникаций;
- биомедицины;
- передовых промышленных технологий.

За десять лет территорию застроили жилыми домами, учебными центрами, создали инфраструктуру, организовывали научно-исследовательские лаборатории, зоны отдыха, досуга и развлечений.

В 2011 году были организованы Сколтех – институт науки и технологий – и Технопарк. В 2017 основной упор был сделан на создание международного медицинского кластера. Тогда же открылась международная гимназия Сколково. В 2018 запустили пассажирскую платформу РЖД «Сколково», связавшую Белорусский вокзал с центром.

Важной вехой в развитии наукограда стало решение, принятое в 2019 году, о снятии территориальных ограничений. Теперь стало возможным сотрудничать с организациями, расположенными за пределами технополиса. В этом же году сняли ограничение на работы с разработками, строго соответствующими 5 приоритетным направлениям.

В ноябре 2020 г. Премьер-министр М. Мишустин объявил о начале институционной реформы, целью которой станет оптимизация деятельности экономических и инвестиционных структур и их переориентирование на решение национальный задач. В рамках реформы предполагается сохранить институты с уникальными задачами, но объединить те, чьи виды деятельности схожи, а также сформировать единый институт экономического развития на базе ВЭБ РФ. Реформа коснётся «Сколково»: Фонд наравне с ещё семью компаниями будет переведён под управление госкорпорации [3, 4].

Следующим технополисом является Военный инновационный технополис «ЭРА», расположенный в городе-курорте Анапа на побережье Черного моря. В наукограде создана инновационная инфраструктура, обеспечивающая минимизацию сроков разработки и внедрения в производство передовых идей и прорывных технологий в интересах Вооруженных Сил РФ. В настоящее время проводятся исследования по 16 научным направлениям, определенным приоритетами научно-технологического развития [5]. Среди этих направлений можно отметить такие, как:

- робототехника;
- технологии искусственного интеллекта;
- информационная безопасность;
- биомедицинские технологии;
- нанотехнологии и наноматериалы;
- оружие на новых физических принципах;
- и многие другие.

Общее руководство научно-исследовательскими проектами Технополиса осуществляет президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт».

В течение года молодые ученые – операторы научных рот Технополиса – проводят теоретико-экспериментальные исследования на современном лабораторном оборудовании, работают с крупнейшими научно-исследовательскими организациями и предприятиями оборонно-промышленного комплекса, а также представляют инновационные проекты и прорывные технологии на престижных всероссийских конференциях и международных форумах от лица Минобороны России.

Сегодня Технополис представляет собой единую площадку для реализации межведомственных проектов, направленных на

развитие перспективных военных технологий. Многое сделано, но многое еще и предстоит для достижения новых значимых результатов в интересах Вооруженных Сил РФ.

Цели деятельности Технополиса:

- Создание инновационной инфраструктуры, обеспечивающей продвижение, поддержку и внедрение в производство передовых идей и прорывных технологий;
- Формирование эффективной модели организации научных исследований в интересах укрепления обороноспособности страны.

Также Согласно Постановлению Правительства РФ № 1805 от 24.12.2019 г. создан инновационный научно-технологический центр «Долина Менделеева», а согласно Постановлению Правительства РФ от 08.11.2019 г. № 1428 – инновационный научно-технологический центр «Инновационный научно-технологический центр "Сириус"», Постановлению Правительства РФ от 28.03.2019 г. № 332 – инновационный научно-технологический центр «Инновационный научно-технологический центр МГУ "Воробьевы горы"».

Одним из важных нормативных актов в сфере инноваций является Стратегия инновационного развития Российской Федерации, призванная ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики. Целью Стратегии являлся перевод к 2020 году экономики России на инновационный путь развития. Для этого в ней предусматривались конкретные показатели :

– увеличение доли предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации;

– увеличение доли России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг до 5–10 процентов в 5–7 и более секторах экономики к 2020 году;

– увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров до 2 процентов к 2020 году ;

– увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции до 25–35 процентов к 2020 .

Можно констатировать, что большинство показателей в 2020 г. не достигнуто. Есть этому и объективные причины (спад мировой

экономики, объявление в отношении России односторонних санкций в 2014 г., пандемия коронавируса и др.).

В следствии чего, стоит отметить параметры правового оформления государственной инновационной политики, определённые советским и российским учёным-правоведом Суреном Авакьяном:

1. Общие начала стратегии отражаются государством в политических и юридических документах, они фиксируют собственную деятельность государства как организатора и активного участника осуществления инновационной политики

2. Государственная инновационная политика должна опираться на многообразие форм собственности в Российском государстве и разнообразие видов хозяйственно-экономической деятельности.

3. Для реализации государственной инновационной политики нужны система государственных и муниципальных органов, а также четкое определение их задач и полномочий.

4. Инновационная стратегия воплощается в наличии государственной политики в области развития, поддержки и поощрения фундаментальных и прикладных научных исследований.

5. Формирование государственной научно-технической и конкретно промышленной политики в целях организации, развития, поощрения создания инновационных продуктов и их использования.

6. Неотъемлемым элементом государственной политики и стратегии в данной сфере становится поддержка и гарантирование индивидуальной творческой деятельности в целях стимулирования участия человека в инновационных технологиях.

7. Необходимо создание государственно-правовых основ прогнозирования, планирования и ответственности за реализацию инновационной политики.

8. При формировании государственной стратегии в области инновационного развития на одно из первых мест надо поставить так называемый человеческий фактор во всех его проявлениях.

Правовые основы инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации

Несмотря на то, что понятие инноваций представлено в федеральном законодательстве, наиболее подробное правовое зак-

репление их реализации осуществлено в нормативных актах субъектов Российской Федерации. Приведем некоторые законы субъектов Российской Федерации, иллюстрирующие правовые подходы к регулированию инновационной деятельности.

Обратим внимание на Закон Московской области от 10.02.2011 г. № 15/2011-ОЗ «Об инновационной политике органов государственной власти Московской области»[1]. Статья 3 предусматривает принципы инновационной политики:

– законности;

– экономической эффективности;

– рационального использования научно-промышленного потенциала;

– равноправия и презумпции добросовестности субъектов инновационной деятельности;

– невмешательства в деятельность субъектов инновационной деятельности, за исключением случаев защиты законных прав и интересов иных лиц;

– защиты законных прав субъектов инновационной деятельности;

– взаимной ответственности органов государственной власти Московской области и субъектов инновационной деятельности;

– программном подходе и измеримости целей при планировании и осуществлении стимулирования инновационной деятельности;

– регламентации, открытости, гласности процедур по стимулированию субъектов инновационной деятельности;

– доступности мероприятий по стимулированию инновационной деятельности для всех ее участников, включая субъекты малого и среднего предпринимательства;

– целевом характере использования бюджетных средств, направляемых на стимулирование инновационной деятельности.

Закон Республики Мордовия от 19.06.2017 г. № 47-З «Об инновационной деятельности в Республике Мордовия» предусматривает региональный мониторинг инновационной деятельности.

---

[1]Закон Московской области от 10.02.2011 № 15/2011-ОЗ (ред. от 18.12.2019) «Об инновационной политике органов государственной власти Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 03.02.2011 № 5/144-П).

Закон Республики Татарстан от 02.08.2010 г. № 63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан» устанавливает содержание инновационной деятельности, включая в нее:

1) внедрение новых идей и научных знаний в сфере государственного управления;

2) выполнение и обслуживание научно-исследовательских, проектных, изыскательских, опытно-конструкторских и технологических работ, направленных на создание новой или усовершенствованной продукции (работы, услуги), новой или усовершенствованной технологии, реализуемых в экономическом обороте;

3) деятельность по продвижению инновационного продукта на внутренний и мировой рынки;

4) осуществление технологического переоснащения и подготовки производства к выпуску новой или усовершенствованной продукции, внедрению новой или усовершенствованной технологии;

5) проведение испытаний с целью сертификации и стандартизации новых продукций (работ, услуг), технологий;

6) производство новой или усовершенствованной продукции (работы, услуги) и (или) применение новой или усовершенствованной технологии в начальный период до достижения нормативного срока окупаемости инновационного проекта;

7) создание и развитие инновационной инфраструктуры;

8) охрану, приобретение и передачу прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с целью их освоения и реализации способами, не противоречащими законодательству;

9) иные виды деятельности, направленные на создание инноваций и их практическое внедрение, в соответствии с законодательством.

Закон Красноярского края от 01.12.2011 № 13-6629 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Красноярском крае» особое место уделяет созданию инновационной инфраструктуры, где приоритетное место отдано государственному фонду.

Многие региональные законы имеют краткое содержание. К таковым можно отнести Закон Республики Карелия от 09.10.2012 № 1639-ЗРК «О государственной поддержке инноваци-

онной деятельности в Республике Карелия», лишь определяющий дополнительные полномочия Правительства Республики Карелия.

Правовые основы стратегического планирования в субъектах Российской Федерации

Современные условия, в которых развивается Россия, характеризуются постоянно возрастающей степенью неопределенности, риска, социально-экономической и политической напряженности. Вся мировая экономика переживает кризисный период смены технологического уклада. В таких условиях требуется мобилизация внутренних резервов для устойчивого развития, а главное – четкая организация и управление всей государственной системой, начиная от предприятия, муниципального образования до страны в целом. В этой связи огромную актуальность приобретает вопрос о формировании целостной системы стратегического планирования, способствующей тесной координации между Федеральным центром, субъектами РФ, муниципалитетами и гражданским обществом в целом. Эффективная система стратегического планирования позволит решить комплекс проблем пространственной организации территории и социально-экономического развития страны и регионов, требующих в настоящее время особого внимания и усилий со стороны органов власти.

Новаторским шагом стал Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Им установлены правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования. Для осуществления масштабных целей в развитии экономики, социальной сферы, науки, культуры и спорта были подготовлены 13 национальных проектов, устанавливающих амбициозные, прозрачные и понятные ориентиры для всей страны. На сегодняшний день законодательная база для развития субъектов Российской Федерации на федеральном уровне почти сформирована, но она не в полной

мере приспособлена к особенностям региона. Сам закон о стратегическом планировании является рамочным нормативным актом, предполагающим принятие собственных документов на уровне субъектов Федерации, но допускающим отход от некоторых федеральных позиций. Например, в Законе Ленинградской области от 11.07.2018 г. № 63-оз «О стратегическом планировании в Ленинградской области» это: стратегия социально-экономического развития; прогноз социально-экономического развития; бюджетный прогноз; прогноз социально-экономического развития; план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического; государственные программы; схема территориального планирования. Экономическая политика рассматривается, прежде всего, как создание условий, в которых человек – носитель талантов – может реализоваться. Это важнейший акцент и в инновационной, и в инвестиционной, и в кластерной политике [6].

Кластерная политика развития в субъектах Российской Федерации

На развитие инновационных технологий направлена новая политика создания специализированных кластеров. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р[1], предполагает создание сети территориально-производственных кластеров как условие перехода к новой модели пространственного развития российской экономики.

Кластер – группа организаций, расположенных на одной территории и сотрудничающих друг с другом. Географическая близость даёт такой группе компаний много преимуществ: они могут пользоваться одними ресурсами, быстро поставлять друг другу сырье/продукцию, обмениваться знаниями, в том числе в неформальной обстановке. Существуют различные подходы к термину «кластер», иные представлены в презентации. В них выделена ос-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года).

новная цель реализации кластерной политики – это обеспечение высоких темпов экономического роста за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих территориально-производственные кластеры.

Ключевыми элементами инфраструктуры развития кластеров признаются промышленные парки и технопарки.

Благоприятное влияние кластера наиболее сильно в тех случаях, когда успех бизнеса зависит от доступа к специфическим ресурсам. То есть преимущества кластеров особенно очевидны для новых высокотехнологичных фирм, которым необходим доступ к специализированным активам, в частности, знаниям и умениям, которые не могут быть произведены компанией самостоятельно в силу тех или иных обстоятельств. Региональный законодатель принимает на своем уровне правовые акты , посвященные кластерам. Так, Закон города Москвы от 20.02.2019 г. № 5 «Об инновационном кластере на территории города Москвы» регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и обеспечением функционирования инновационного кластера на территории города Москвы.

Таким образом, столпами кластерной политики в России должны стать гибкость и адаптивность. Ее результативность будет напрямую зависеть от способности государства оперативно реагировать на внешнюю и внутреннюю конъюнктуру, меняющуюся социально-экономическую ситуацию и новые потребности развивающихся кластеров.

Список литературы

1. Зиятдинова Н. Р. Инновационное развитие России. М. : Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 2023. 549 с.

2. Ильина И. Е., Жарова Е. Н., Агамирова Е. В., Каменский А. С. Инновационное развитие регионов России. М. : Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, 2018. С. 244–245.

3. Латов Ю. В., Латова Н. В. Сколково как инновационный центр: общее и особенности. М. : Институт социологии РАН, Академия управления МВД РФ, 2015. С. 83, 87.

4. Маслова Е. Ю., Чалый Н. И. Проблемы и перспективы развития «Сколково». М. : филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске, 2016. С. 1–2.

5. Фисун А. Я., Журбин Е. А., Маркин И. В., Щелканова Е. С. Трехлетний итог решения медико-биологических проблем в военном инновационном технополисе «Эра». М. : Военный инновационный технополис «Эра», 2021. С. 15–16.

6. Марков Л. С., Курмашев В. Б., Низковский А. Ю. Федеральная и региональная кластерная политика России // Мир экономики и управления. 2017. С. 117–118. URL: cyberleninka.ru>article

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: НАКАЗАНИЕ ИЛИ БЛАГО?

Дарья Игоревна Артемова[1],
Мария Юрьевна Костригина[2]

[1]кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета
[2]студентка Юридического института Пензенского государственного университета

Благодаря техническому прогрессу, происходит активное развитие в различных сферах жизни человека, ни исключением стали и способы заключения сделок. Обычный человек ежедневно может совершать целый ряд сделок: заказ такси через приложение, заказ доставки продуктов или еды также через приложение, заказ медикаментов из аптеки через приложение и другие. Общество не заметило, как большинство функций, которое оно раньше выполняло лично, теперь оно выполняет при помощи своего смартфона или иного гаджета. Очевидно, что данный формат отличается своей простотой и скоростью, но давайте рассмотрим его более подробно.

В рамках данной научной работы мы предлагаем рассмотреть такой способ заключение электронной сделки как click-wrap. Вышеупомянутые примеры, такие как доставка продуктов, медика-

ментов, вызов такси – всё это выполняется при помощи click-wrap, что же это означает?

Click-wrap – это форма заключения договора/сделки, когда пользователь, гражданин знакомится с условиями сделки и выражает свое согласие путём нажатия клавиши, кнопки с определённой надписью, например « я согласен» или иным способом. Подобный способ относится к письменной сделки, но имеет в себе элементы электронной формы, по той причине, что она заключается через приложение, сайт, онлайн-платформу.

Суть данного способа заключается в том, что условия сделки сохраняются в приложении, и если гражданину, пользователю понадобится данный договор или документ он сможет его скачать и распечатать, где будет обозначено: какие были установлены условия, а также стороны, которые заключали данную сделку.

Очевидно, что данный способ как явление появился и развился достаточно быстро и законодательство под него не сразу адаптировалось. Когда в 2019 году в статью 160 ГК РФ [1] были внесены изменения касательно заключения сделок с использованием электронных и технических средств, так способ click-wrap получил своё косвенное законодательное закрепление [3]. Особая актуальность данного способа пришлась на последние пять лет, до этого в России click-wrap преимущественно использовали для соглашений об обработке персональных данных.

В практике сложилась следующая ситуация: некоторые судьи скептически настроены к click-wrap, а некоторые обращались к термину при рассмотрении дел ещё до внесения изменений в 2019 году.

В 2016 году произошёл спор, суть которого заключалась в следующем: «Компания «Дориан-Краснодар» разместила оферту на оказанию услуг по созданию сайта, другая компания «Моллер-ЮГ» откликнулась на это, «Дориан-Краснодар» получил договор, согласился с его условиями и перевёл денежные средства «Моллер-ЮГ», затем «Дориан-Краснодар» обратился с иском о взыскании денежных средств как неосновательное обогащение. Суд встал на сторону ответчика, так как истец при помощи клика согласился с условиями договора» [2].

На основании данного примера можно сделать вывод, что ещё до закрепления click-wrap имел место в судебной практике.

Недавно произошёл необычный случай, по итогам рассмотрения дела, суд признал эмодзи с поднятым большим пальцем вверх согласием на условие сделки. Эмодзи – это символы (электронные изображения), которые помогают пользователям гаджетов выражать свои эмоции в виртуальном пространстве. В данным случае, мы думаем, что эмодзи можно рассматривать как кнопку «я согласен», которая используется при click-wrap. При этом вопрос об употреблении эмодзи в законодательстве нашей страны ещё не поднимался, мы считаем, что из него вытекает целый ряд трудностей, таких как:

– различие эмодзи в зависимости от онлайн-платформы и системы гаджета, в которой он используется, соответственно и различное значение;

– субъективность пользователей при восприятии эмодзи, очевидно, что есть общепринятые и понятные для всех обозначения, как случай с пальцем вверх, но существуют и иные;

– отсутствие единого перечня эмодзи с толкованием их значения.

Возможно сейчас, нам кажется, что пример с эмодзи и вытекающие из их использования трудности, является немного абсурдными, но не стоит забывать, что когда-то общество не могло представить себе вызов такси через приложение с выбором конкретной точки на карте, а сегодня ведутся судебные разбирательства, связанные с различными нарушениями прав граждан при недоброкачественном исполнении услуги того же онлайн-такси. Исходя из этого, мы приходим к тому, что нельзя исключать вероятность того, что рано или поздно в законодательстве будет употребляться термин эмодзи.

Данные примеры показывают, что законодательство отстаёт от технического прогресса и соответственно появляется потребность в урегулировании на законодательном уровне подобных нюансов.

К тому же, у электронной формы сделок имеются свои недостатки:

– безопасность (риск попадания данных к мошенникам);

– юридические ограничения (не все сделки, могут быть заключены в данной форме);

– технические проблемы (различные технические сбои, которые могут воспрепятствовать заключению сделки).

В заключение хотим сказать, что нельзя точно ответить, данный формат сделок наказание или благо, но определённо за ним стоит будущее, главное помнить о рисках и адаптировать законодательство к подобным новшествам.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/82f07fd388d94f9aaadfd4ecbd4ab9254d4dddd1/ (дата обращения: 15.10.2023).

2. Постановление арбитражного суда апелляционной инстанции № А12-34919/2015 от 05.07.2016. URL: //https://kad.arbitr.ru/038c643a-c25e-4bd5-a387-f8fe783c73c6 (дата обращения: 15.10.2023).

3. Татьянкина Д. А. Click-wrap соглашения: к вопросу о нормативно-правовом регулировании // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12 (76). С. 431–435.

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марина Александровна Байдарова

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета

Создание в России правового государства, формирование гражданского общества невозможно без признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина России [1]. Усиление за последние годы судебной власти привело не только к повышению защищенности прав человека и гражданина Российской Федерации, но и к таким негативным последствиям как увеличение нагрузки на суды, повышению стоимости услуг представителей. Поэтому граждане всё больше обращаются за защитой нарушенных прав не только в суд и адвокатуру, но и в прокуратуру.

Закрепление в ст. 129 Конституции РФ за прокуратурой функции надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина подтверждает её особое положение [2]. Так, по мнению Талии Ярулловны Хабриевой, современная модель Конституции принимает во внимание весь опыт истории и апробированные практики, осознанные как властью, так и населением [3, с. 412].

Некоторые авторы полагают, что определение и провозглашение на конституционном уровне такой функции надзора прокуратуры как соблюдение прав человека свидетельствует о значимой правозащитной роли данного института [4, с. 159].

Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан является одним из векторных направлений в деятельности органов прокуратуры. Такие вопросы как выплата вознаграждения за труд, охрана труда, защита от безработицы, уклонение от оформления трудовых отношений с гражданами нуждаются в постоянном мониторинге.

В п. 7.1. Приказа Генеральной прокуратуры России № 195 2007 года определяется, что прокурорам необходимо в своей деятельности уделять внимание по защите таких конституционных прав как охрана здоровья и медицинская помощь, социальное обеспечение, трудовые, жилищные, избирательные и иные социальные и политические права и свободы человека и гражданина [5].

Вопросы организации надзора в сфере прав граждан на труд более подробно определены Приказом Генпрокуратуры России № 196, в п. 2.1. которого закрепляется, что мониторинг информации в прокуратуре осуществляется на постоянной основе, поскольку именно аналитическая деятельность позволяет следить за динамикой нарушений в трудовых правоотношениях. Прокуроры в рамках выявленных правонарушений незамедлительно принимают все меры прокурорского реагирования, как для восстановления прав граждан, так и для привлечения должностных лиц к ответственности (пункт 2.9. Приказа № 196) [6].

Только за 2022 год органы прокуратуры вынесли руководителям организаций более тысячи предостережений о недопустимости нарушений трудового законодательства что, безусловно, помогло сохранить рабочие места, использовав тем самым превентивные меры реагирования [7].

Нарушения трудовых прав работников, как показывает практика, более чем распространены. Однако, в условиях трудовых правоотношений, когда у работодателя находится в подчинении работник, последний переживая остаться безработным, не готов идти на прямой конфликт с работодателем. И этим во многом объясняется латентный характер нарушений в трудовых отношениях «работодатель-работник» [8, с. 127].

Авторы А. В. Шичанин, О. Д. Гривков, С. В. Шмырков поднимают злободневность такого вопроса как увольнение работника под давлением руководства организации. Причем данные авторы отмечают, что прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, как показывает сложившаяся судебная практика, не всегда становятся на сторону защиты прав сотрудника в неочевидных ситуациях трудового спора с работодателем.

Добиться справедливого разрешения подобных трудных и конфликтных ситуаций между работником и работодателем, возможно, посредством разъяснения Генеральной прокуратурой РФ вопросов участия прокурора по делам незаконного увольнения работников [9, с. 62–63].

В свою очередь, иски прокуроров, связанные с защитой трудовых прав, как правило, вытекают из жалоб граждан, которые не были надлежащим образом оформлены в организации (учреждении). Прокурор в случае поступления в прокуратуру жалобы должен провести проверку, а также принять необходимые меры прокурорского реагирования. Тем самым, в ситуации, когда трудовые права гражданина не были восстановлены, прокурор должен в интересах работника обратиться с исковым заявлением в суд.

Однако, в ряде случаев, прокуратура ограничивается лишь направлением обращения в государственную инспекцию труда, оставляя за собой лишь функцию контроля за фактом рассмотрения обращения, что увеличивает сроки восстановления нарушенных прав и в той, или иной мере, может влиять на результативность, так как акт прокурорского реагирования воспринимается работодателем намного серьезнее, чем акты государственной инспекции труда.

Прокурорам в ходе проверки следует уделять внимание проверке соблюдения простой письменной формы при заключении

трудового договора с работниками. В судебной практике встречается колоссальное количество случаев, когда работодатели сознательно выводили фактические трудовые отношения с работником из правового поля, не заключая трудовой договор, что влияло, например на такие юридически-значимые последствия как возможность получения компенсации в связи с заболеванием (вынужденным карантином), а также заработной платы [10, с. 38-41].

Особое внимание необходимо уделять правилам и основаниям заключения срочных трудовых договоров (ст. 58, 59 ТК РФ)[1]. Поскольку, в случае отсутствия достаточных оснований для заключения срочного трудового договора, последний может быть признан судом как заключенный на неопределенный срок (ч. 5 ст. 58 ТК РФ). В Постановлении Пленума ВС РФ от 17.03.2004 г. № 2 разъясняется, что если судом будет установлен факт заключения срочного трудового договора поневоле, то суд будет применять правила о неопределенном сроке [11].

Таким образом, трудовым законодательством РФ запрещается заключение срочных трудовых договоров для целей уклонения от предоставления прав, а также гарантий работникам с которыми заключается трудовой договор на неопределенный срок (ч. 6 ст. 58 ТК РФ).

Резюмируя, следует отметить, что защита трудовых прав в гражданском судопроизводстве прокурором реализуется в двух формах: обращение в суд с исковым заявлением и вступление в процесс для дачи заключения по делу (например, по делам о восстановлении на работе, и других случаях определенным законодательством РФ, в целях осуществления полномочий прокурора).

Однако, основной и наиболее значимый вклад в защиту трудовых прав прокуратура вносит именно на досудебной стадии. Поэтому прокурору, осуществляющему надзор в данном направлении, следует конкретными и систематическими действиями реа-

[1] Так, ч. 2 ст. 58 ТК РФ предусмотрено, что срочный трудовой договор заключается, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а именно: в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 59 ТК РФ. В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 59 ТК РФ, срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон трудового договора без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения.

лизовывать надзорную деятельность в данной сфере, выступать в защиту трудовых прав конкретного гражданина, а также стремиться к их реальному восстановлению [12, с. 253].

В целях повышения роли прокурорского надзора по защите трудовых прав граждан сегодня следует уделять особое внимание вопросам изучения и обобщения судебной практики, совершенствования приказов Генпрокуратуры Российской Федерации, и как следствие, повышения эффективности и результативности деятельности органов прокуратуры в данном направлении. Представляется целесообразным в целях совершенствования деятельности органов прокуратуры в данной сфере дополнить раздел «Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства» в закон «О прокуратуре РФ».

Мерами, усиливающими прокурорский надзор в рассматриваемом направлении, могут стать:

1) обязательные требования уведомления работодателем соответствующей районной прокуратуры о предстоящем сокращении штата. Поскольку как показывает практика, именно эта процедура содержит наибольшие риски нарушения прав граждан;

2) активное участие прокуратуры на основе реального опыта в трудовых спорах, в выработке предложений по совершенствованию трудового законодательства.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации является инструментом реализации государственной правозащитной функции, выступающей одной из магистральных во всех без исключения направлениях деятельности нашего государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.09.2023).

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

3. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

4. Евдокимов В. Б., Игонина Н. А. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 157–170.

5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генпрокуратуры России № 195 от 07.12.2007 // Законность. 2008. № 3.

6. Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан : приказ Генпрокуратуры России № 196 от 15.03.2019 // Законность. 2019. № 5.

7. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761 (дата обращения: 26.09.2023).

8. Мирзаев М. А., Ахмедов Р. А. Роль прокуратуры в защите трудовых прав граждан // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2018. Т. 33, № 2. С. 127–133.

9. Шичанин А. В., Гривков О. Д., Шмырков С. В. Правовые проблемы массовых увольнений // Право и экономика. 2021. № 2. С. 57–63. URL: https://online.consultant.ru (дата обращения: 09.10.2023).

10. Никитин Е. Л., Кустов М. Н. Типичные нарушения законодательства об оплате труда, выявляемые органами прокуратуры // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 38–41. URL: https://online.consultant.ru (дата обращения: 09.10.2023).

11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6.

12. Багаутдинов Ф. Н., Михайлов А. А. Актуальные проблемы защиты трудовых прав граждан, работавших без оформления трудового договора // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 253–262. URL: https://online.consultant.ru (дата обращения: 09.10.2023).

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА И ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наталья Ивановна Баринова[1], Карина Николаевна Крюкова[2]

[1,2]студентка Юридического института Пензенского государственного университета

Важнейшим элементом правовой системы любого демократического, социально ориентированного государства является обеспечение гарантий прав и свобод человека и гражданина. Во второй главе Конституции РФ закреплено положение о том, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

В современной России созданы все необходимые и достаточные условия, которые гарантируют охрану и обеспечивают правовой статус личности, это проявляется в функционировании различных правозащитных институтов и свидетельствует о том, что в РФ сформировался устойчивый вектор движения к цивилизованным формам взаимодействия между государством, обществом и гражданами.

Отличительной чертой правового государства является предоставление субъектам правоотношений возможности обратиться в суд по любым вопросам, которые связанны с нарушением их прав и свобод. Естественно, гражданин как субъект правового регулирования будет в приоритете [1].

Обратившись к тексту Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, хотя и прекратившей свое действие в отношении России с 16.03.2022, но рассматривая ее положения в качестве некоего ориентира, мы видим что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, а каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство право-

вой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Исходя из содержания конституционных норм, которые гарантируют права и свободы человека и гражданина, важно рассмотреть следующие практические аспекты реализации права граждан на судебную защиту.

В российском законодательстве отсутствует такое понятие как, доступ к правосудию, но если говорить о конституционном принципе права граждан на судебную защиту, то оно, как боле емкая категория, включает в себя и право на доступ к правосудию.

Более того, анализ данного конституционного принципа позволяет сформулировать и принцип доступности правосудия, который можно определить как охраняемое государством и обеспеченное законом право беспрепятственного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав и свобод, конституционно гарантированное и реализуемое в законодательно установленной процедуре, применительно ко всем видам судопроизводства.

Гражданам предоставляется ряд конституционных прав, в их число входит и доступ к правосудию, выступающий в качестве гарантии судебной защиты прав и свобод участников судопроизводства как условие правовой защищенности личности, о чем прямо указано в ст. 46 Конституции РФ[1].

Правом защиты своих интересов в суде обладает не только отдельно взятый человек, но и их объединения, поэтому можно с уверенностью утверждать, что судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц. Кроме этого, право на защиту нарушенных интересов распространяется не только на граждан России, но и на иностранцев и лиц, не имеющих гражданства [2].

Из содержания рассматриваемого конституционного принципа очевидно, что право на судебную защиту своих прав и свобод, является гарантией всех других прав и свобод, вследствие чего оно не подлежит ограничению и является непосредственно действующим.

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

Реализуя данное право граждане обращаются за защитой непосредственно в суд, но в действующем уголовно-процессуальном законе это право носит ограниченный характер, поскольку возможность обращения в суд предоставляется только в отношении преступлений, подлежащих уголовному преследованию в частном порядке (здесь мы не рассматриваем право на обращение в суд для обжалования действий и решений соответствующих участников уголовно-процессуальных правоотношений, которые также могут затруднять доступ граждан к правосудию). В этой связи граждане вынуждены обращаться за защитой нарушенных прав в различные внесудебные органы, от которых в конечном итоге и зависит получит ли гражданин доступ к правосудию.

В свою очередь существующий на межгосударственном уровне и основанный на нормах международных договоров механизм защиты права на доступ к правосудию возможно отличить по организационной целостности, представленной однородными частями - международными органами, в рамках которых осуществляются процедуры по обеспечению защиты рассматриваемого права. Право на доступ к правосудию является общепризнанным, в связи с этим его защита может осуществляться с помощью различных предусмотренных международным правом процедур в зависимости от субъекта нарушения (конкретного государства, группы государств или международной организации). Выделяются следующие основные процедуры: рассмотрение периодических докладов; принятие межгосударственных обращений в связи с нарушениями прав человека на территории других государств-членов международного договора; принятие индивидуальных обращений, а также рассмотрение конкретных ситуаций в стране либо тематических вопросов в различных частях мира [3].

В рамках этих процедур проводится оценка выполнения международно-правовых обязательств государств в области прав человека. Правовой основой элементов рассматриваемого механизма являются международные нормы права на доступ к правосудию, они устанавливают требования к мерам, которые принимают субъекты международного права для того, чтобы обеспечить доступ к правосудию.

Один из аспектов обеспечения доступа к правосудию – повышение осведомленности граждан о правах, обязанностях, нормативных актах, тенденциях в эволюции отечественного зако-

нодательства. Ранее для того, чтобы получить интересующую информацию, лицо было вынуждено обращаться в консультации, ближайшие к месту проживания – и зачастую дистанция до местоположения таких консультаций являла собой решающий фактор в отказе от обращения за помощью или информацией в принципе.

В этой связи в России была разработана система «Правосудие онлайн», а также работают многочисленные сайты, где публикуются акты законодательства («Консультант», «Право» и проч.). Осведомленность, безусловно, есть неотъемлемый компонент доступа к правосудию. Одним из путей повышения информированности населения о правовых вопросах является «оцифровка» специализированных СМИ [4, 5].

Недостатки характерные для функционирования российской судебной системы в определенной степени связаны с несовершенством механизма защиты прав и законных интересов граждан и их доступе к правосудию, что без сомнения влияет на процесс построения правового демократического и социального государства. Стоит отметить, что успешное решение отмеченных проблем в значительной степени зависит от позиции всего социума в целом, формирующегося в нем гражданского общества и преодоления широко распространенных явлений инерции и апатии. Процесс создания правового государства невозможен без нормального функционирования гражданских и демократических институтов волеизъявления и политической активности. В этой связи судебную защиту и отстаивание своих прав следует рассматривать как элемент повышения правовой культуры, в конечном итоге способствующий построению правового государства.

Список литературы

1. Баглай М. В. Конституционное право РФ. М., 1998. 784 с.

2. Пластинина Е. В. Правовые аспекты понятия «Доступ к правосудию» // Марийский юридический вестник. 2013. № 10. С. 182–186.

3. Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Договорные органы по правам человека. М., 2015. С. 226–227.

4. Берснева И. В. Влияние профильных интернет-ресурсов на судопроизводство в условиях цифрового пространства современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2. С. 81–86.

5. Марусич Д. А., Исмаилов М. З. Вынужденная цифровизация российского уголовного судопроизводства в современных реалиях // Цифровая наука. 2021. № 2. С. 36–44.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Анастасия Александровна Боброва

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Характерной чертой современного общества является внедрение во все сферы жизнедеятельности человека информационных технологий. Сейчас можно обратиться в суд с исковым заявлением с помощью системы ГАС «Правосудие» в суды общей юрисдикции, а через систему «Мой арбитр» в арбитражные суды Российской Федерации. Помимо защиты своих интересов через судебный порядок также можно подать свое обращение, например, в прокуратуру с помощью официального сайта Генеральной прокуратуры РФ, которая в дальнейшем направит обращение по назначению. Иными словами, сейчас предоставлены все условия для защиты гражданами своих прав и свобод без дополнительной траты времени на поездки в те или иные организации.

Как для обычных граждан, так и для различного рода государственных органов создаются информационные системы для облегчения и цифровизации работы взаимодействия с обществом. Рассмотрим информационные системы, которые были внедрены в работу органов прокуратуры.

Для начала отметим, что под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, а информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [1]. Важно разграничить данные понятие,

поскольку в органах прокуратуры свое распространение получают именно информационные процессы для взаимодействия как с населением, так и с отдельными государственными органами.

На данный момент в систему органов прокуратуры внедряются и применяются такие информационные системы как: справочно-правовые системы, система межведомственного электронного взаимодействия, видеоконференцсвязь, единый портал прокуратуры РФ, Федеральная государственная информационная система Единый реестр проверок, Автоматизированный информационный комплекс «Надзор-Web» (далее – АИК Надзорвеб), государственная автоматизированная система правовой статистики, сетевой справочный телефонный узел Российской Федерации (далее – ССТУ.РФ) и другие.

Указанные системы были созданы для усовершенствования и минимизации человеческого фактора в организации деятельности органов прокуратуры. Однако на данный момент данные информационные процессы не обеспечивают таковое. Рассмотрим некоторые из перечисленных систем более подробно.

Справочно-правовые системы – это компьютерные базы данных, ядром которых являются электронные базы и банки юридической информации [2, с. 1]. К таковым относят такие сайты как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс». Каждый из них содержит в себе действующее законодательство с поправками, принимаемые в процессе развития государства в целом. Данные системы позволяют сотрудникам прокуратуры следить за изменением законодательства и обеспечивать осуществление своей основной надзорной функции.

Единый портал прокуратуры РФ или ЕПП представляет собой сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, где гражданин имеет право направить свое обращение в интересующие его органы прокуратуры. Так, на стартовой странице сайте есть иконка с надписью «Обращение в прокуратуру», после чего гражданин имеет право записаться на прием, в случае, если ему необходимо разъяснение законодательства или ответа на его обращение, или же направить обращение. Отметим, что прежде чем оставить обращение представляется текст, содержащий в себе информацию о злоупотреблении правом на обращение и разъяснение ситуаций, когда прокуратура имеет право перенаправить обращение или же не отвечать на поступившее обращение. После чего предоставляется, так называемая, анкета, необходимая для направ-

ления обращения и получения ответа на него. Данная система работает исправно, любой гражданин с соблюдением указанных норм сможет решить вопрос нарушения его прав и свобод, а также получить на него ответ, не выходя из дома.

Сетевой справочный телефонный узел РФ или ССТУ.РФ представляет собой сайт для государственных органов, основной задачей которого является проведение электронного приема обращений граждан. Прием осуществляется в режиме видео-конференцсвязи, видеосвязи, аудиосвязи и иных видов связи путем соединения уполномоченных лиц государственных органов, в нашем случае, с органами прокуратуры. Согласно сказанному система позволяет с любой части Пензенской области обратиться в соответствующую прокуратуру и решить вопрос, который интересует гражданина Российской Федерации. Однако, на данный момент, на сайт зайти невозможно, поскольку система в должной мере не работает и не осуществляет свои функции.

Отметим, что информационная система ССТУ.РФ недоступна именно в открытой сети «Интернет», что не отрицает факт возможности все же воспользоваться данной сетью. Таковое можно осуществить через единые сети обращения граждан все же обратиться в органы прокуратуру через неё, однако для такого необходимы специальные средства, которые прописаны во «Временном порядке организации защищенного соединения с закрытой частью портала ССТУ.РФ с использованием протокола TLS». Таким образом, обычный гражданин воспользоваться данной системой не сможет [3].

Автоматизированный информационный комплекс «Надзор-Web». Данная информационная система представляет собой электронное делопроизводство в органах прокуратуры. И она требует различного рода изменения, поскольку усложняет осуществление установленной цели. Для начала отметим, что система имеет устаревший интерфейс, которые не сразу позволяет найти необходимый документ или же необходимую вкладку. Помимо указанного существуют и иные проблемы. Так, например, в случае, когда обращение «висит» и требует ответа и разрешения, а делопроизводитель в силу своей загруженности не зарегистрировал его, то сотрудник прокуратуры не сможет получить его для разрешения вопросов. Другой проблемой является перебой работы данной информационной системы. Примером такого является то, что если

в одной организации будет сидеть несколько прокуроров в данной системе и осуществлять свою деятельности по предоставлению различного рода документации, то она может зависнуть и скинуть весь процесс, осуществляемый сотрудником.

Отметим, что некоторые системы не используются в органах прокуратуры, хотя они могли бы также облегчить прокурорский надзор за теми или иными сферами законодательства. Так, в системе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций существует система «Окулус», позволяющая с помощью искусственного интеллекта обнаружить противоправный контент на фото или видео, в частности, экстремистские материалы, порнографию или «ЛГБТ-пропаганду» [4]. Данная система позволила мониторить сеть «Интернет» на факт использования экстремистского материала (признанного таковым в судебном порядке) и направлять запросы в Роскомнадзор для блокировки тех или иных сайтов. Это облегчило бы «ручной» труд и позволило сотруднику прокуратуры более емко проводить свои проверочные мероприятия.

Из всего вышесказанного следует, что в деятельности прокуратуры сейчас имеются информационные системы, которые работают без каких-либо проблем с минимизацией времени на те или иные процессы деятельности сотрудников прокуратуры, а другие – усложняют осуществление прокурорского надзора. Решением указанных проблем является усовершенствование системы программного обеспечения технологий, находящихся в органах прокуратуры, а также создание отдельных мероприятий, посвященные объяснению работы с той или иной программой сотрудникам прокуратур различного уровня.

Иначе говоря, например, для АИК «Надзор-Web» необходимо интерпретировать интерфейс для быстрого нахождения новой вкладки и легкого «передвижения» по системе. Также необходимо настроить сеть для использования таковой несколькими сотрудниками в целом, поскольку это замедляет работу органов прокуратуры, что создает в дальнейшем определенную дополнительную загруженность для работника.

Говоря про ССТУ.РФ, то здесь стоит отметить, что хоть система представляет собой закрытый узел принятия жалоб, то об этом необходимо уведомлять граждан путем размещения информации об возможности использования данной сети через соответ-

ствующие органы. Помимо указанного, система в целом не имеет необходимого характера, поскольку ныне сайт Государственных услуг РФ представляет для гражданина возможность отправить обращение в электронном варианте в любой орган.

Помимо указанного в прокуратуре РФ существует проблема, что после долго отсутствия на работе по уважительным причинам (здесь речь идет, в частности, о декретном отпуске) сотрудники не умеют и не до конца понимают, что требуют от них новые технологии. Для решения таковых необходимо создавать различные мероприятия, посвященные обучению работы в различных системах прокуратуры, позволяющие осуществлять те или иные прокурорские полномочия. Данное способствует быстрому обучению системам и развитию использования систем в органах прокуратуры в целом.

Список литературы

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 31.07.2023) // Российская газета. 2006. № 165. Ст. 2.

2. Михеенко Ю. В. Использование справочно-правовых систем в юридической деятельности // Молодой ученый. 2017. № 3 (137). С. 38–40.

3. Сетевой справочный телефонный узел РФ. URL: https://ссту.рф/ (дата обращения: 30.09.2023).

4. Что такое «Окулус» и зачем он нужен Роскомнадзору? URL: https://rg.ru/2023/02/13/chto-takoe-okulus-i-zachem-on-nuzhen-roskomnadzoru.html (дата обращения: 30.09.2023).

ИНСТИТУТ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ксения Геннадьевна Ванькова

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

В современном российском законодательстве понятие «преюдиции» содержится в большинстве процессуальных кодифицированных законов (ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, АПК РФ).

Обращаясь к лексическому содержанию понятия, отметим, что процессуальный термин «преюдиция» имеет латинское происхождение (от лат. praejudicialis) и означает «относящийся к предыдущему судебному решению» [5].

Применительно к уголовно-процессуальному закону, ст. 90 УПК РФ определяет преюдицию как признание судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, постановленном исключительно в ординарном порядке, либо иным решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства[1]. Перечень субъектов, указанных в статье, можно понимать значительно шире и относить к ним других участников уголовного процесса, в частности адвоката.

Важным элементом является субъектный состав, поскольку при рассмотрении дела, решение, ранее принятое в порядке иного не уголовного судопроизводства, если речь идёт о межотраслевой преюдиции, распространяется только на тех лиц, которые в нём фигурируют. Значит и доказательства, содержащиеся в таком решением, применимы к лицам, в отношении которых они были установлены. Если же в уголовном разбирательстве помимо лиц, указанных выше, участвуют и другие лица, то применительно к каждому из них доказательственная база собирается в порядке уголовного судопроизводства.

В первоначальный период действия УПК РФ уголовно-процессуальная норма допускала, что установленные ранее обстоятельства могли и не иметь преюдициального значения в случае наличия у судасомнений в их достоверности. Однако в результате изменений, внесенных в ст.90 УПК РФ Федеральным законом от 29.12.2009№383-ФЗ, диспозиция статьи сформулирована таким образом, что обстоятельства, указанные во вступившем в законную силу решении суда, вынесенном по результатам гражданского, арбитражного или уголовного судопроизводства принимаются без дополнительной проверки. Представляется, что в этом случае законодателем совершенно осознанно установлена межотраслевая абсолютная преюдиция, заменившая ранее существовавшую опровержимую внутриотраслевую [1, с. 13].

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федер. закон № 174-ФЗ от 18.12.2001 // КонсультантПлюс.

К такому элементу предмету доказывания по уголовному делу, как виновность лица, преюдиция не применяется. Она действует только в отношении исключительно фактической стороны дела. В УПК РСФСР от 1961 года это было напрямую прописано в статье 28, которая устанавливала, что преюдиция гражданских дел обязательна только по вопросам «имело ли место событие или действие (о котором идёт речь), но не в отношении виновности обвиняемого[1]».Применительно к действующему законодательству аналогичную по сути правовую позицию сформулировал Конституционный Суд РФ[2].

Современная правовая концепция Российской Федерации исходит из того обстоятельства, что уголовный процесс и административный процесс (производство по делам об административных правонарушениях, регулируемое КоАП РФ) представляют собой автономные правовые явления, выступающие формами реализации соответственно уголовного и административного права.

Вместе с тем, очевидной точкой их соприкосновения и даже пересечения выступает институт административной преюдиции, исходя из которой обязательным условием уголовного преследования лица является его предшествующее привлечение за то же или однородное деяние к административной ответственности в порядке, предусмотренном КоАП РФ.

В настоящее время данный правовой институт активно развивается, вследствие чего в уголовном законодательстве содержится 13 составов преступлений, предусматривающих административную преюдицию. Только в 7 из них предусмотрен такой вид уголовной ответственности как лишение свободы. Исходя из сроков наказания, административно-преюдиционные дела большей частью относятся к преступлениям небольшой тяжести.

К наиболее часто применяемым относят следующие статьи УК РФ: «нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», «неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», «мелкое хищение, совершенное ли-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федер. закон (утратил силу) № 177-ФЗ от 18.12.2002 // КонсультантПлюс.

[2] По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // КонсультантПлюс.

цом, подвергнутым административному наказанию» (ст. ст. 116.1, 157, 158.1)[1]. При этом под неоднократностью, как обязательным условием привлечения к уголовной ответственности, законодателем понимается факт совершения деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в пределах срока давности. В то же время иные составы преступлений, например ст.ст.212.1 и 314.1 УК РФ, под неоднократностью понимают привлечение лица к административной ответственности два и более раз в течение указанного периода времени.

При выявлении обстоятельств, устанавливающих неправомерное привлечение лица судом к административной ответственности, в результате чего при повторном аналогичном нарушении данное лицо, привлекается к уголовной ответственности, оно подлежит освобождению от уголовного преследования по реабилитирующим обстоятельствам (ст. 133 УПК РФ).

Следует сказать, что при производстве дел в особом порядке не исследуются и не изучаются доказательства (фактического характера) и ввиду этого дела особого производства не имеют преюдициального значения. Но при этом приговор, вступивший в законную силу, является материальным носителем информации. Он может не содержать в себе ссылки на фактические обстоятельства дела, но содержит информацию о том, какое обвинение было предъявлено на предварительном следствии и что лицо, в отношении, которого оно предъявлено, его признаёт. Таким образом, обстоятельства, установленные при производстве в особом порядке, подлежат доказыванию в ином производстве.

В 2019 году депутаты Государственной Думы внесли на рассмотрение законопроект, по которому предлагается «исключить из статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса преюдицию постановлений, принятых в соответствии с законодательством об административных правонарушениях[2]». Данная позиция вызвала противоречивые мнения. По мнению Федеральной палаты адвокатов, нововведение понизит статус судебных постановлений и, в свою очередь, повлечёт нарушение определённости судебного акта.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 // КонсультантПлюс.

[2] О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 791911-7 от 10.09.2019 // КонсультантПлюс.

В качестве иллюстрации возможных последствий отмечаемого предложения рассмотрим статистические данные, характеризующие привлечение к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ. В 2022 году по данной статье было осуждено 584 лица, в то время как за 2020 – 452 [4].Очевидно, что количество преступлений, связанных с продажей алкоголя несовершеннолетним лицам, существенно возросло. Представляется, что исключение административной преюдиции по данным делам окажет двойственное воздействие. С одной стороны, это позволит судам при производстве уголовного дела самостоятельно и в полном объёме рассматривать его по существу. С другой, несомненно, возрастёт загруженность судебной системы.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что достаточно распространенными являются случаи использования преюдиционного характера отдельных преступлений в качестве способа уклонения от уголовного наказания. Наиболее часто подобные случаи происходят в сфере экономической преступности и в гражданско-правовых отношениях. Недобросовестная сторона может использовать легальный способ избежания уголовной ответственности на законных основаниях.

Например, в гражданско-процессуальном производстве может быть принято решение, исключающее возникновение правовых отношений – признание сделки недействительной, что влечёт исключение возможности рассмотрения дела в порядке уголовного судопроизводства. Это разница между гражданской и уголовной преюдицией. Если в гражданском деле установлены обстоятельства, относительно лица, ранее не участвующего в гражданском деле, то это лицо имеет право опровергать преюдициальность такого решения. В уголовном же праве доказательства содержащиеся во вступившим в законную силу решении суда признаются и проведение дополнительной проверки не предусмотрено.

С практической точки зрения возможно выделить следующие наиболее общие проблемы применения института преюдиции:

1. Отсутствие какого-либо статуса преюдициального решения в материалах уголовного дела.

2. Несмотря на установление пределов действия преюдициального решения Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П в судебной практике всё же возникают вопросы,

прямо неурегулированные законодательством. В Постановлении обосновывается значимость соблюдения общих конституционных принципов судопроизводства и международных обязательств, что выступает достаточно общим определением, пределы по-прежнему остаются достаточно широкими.

3. В ст. 90 УПК РФ в качестве судебного акта, имеющего преюдициальное значение определено только судебное решение. Применение иных актов промежуточного значения не предусмотрено в связи с чем на них распространяются общие процедуры доказывания. Что же касается решений, то под ними следует понимать приговор, постановление или определение суда, разрешившее дело по существу либо прекратившие производство дела в отношении конкретного лица, группы лиц.

4. Суд часто игнорирует решения, принятые в порядке арбитражного судопроизводства. Признанные сделки, в ходе следствия, определяются как преступные [3].

5. Проблема определения преюдициальных обстоятельств. Не все решения, принятые ранее судом имеют могут иметь преюдициальное значение для определения наличия преступления и установления виновного лица.

6. Раньше было установлено, что необходимы фактические доказательства, теперь же в современной редакции закона применяются любые доказательства. Здесь возникает проблема недостатка объективизации, то есть принимаемые раннее судами должно быть объективно подтверждаемо.

Сочетание обязанности суда применять преюдицию при рассмотрение уголовного дела, и в тоже время требование для судьи при принятии решения следовать внутреннему убеждению и норме закона вступает в определённое противоречие с тем, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Казалось бы, возникает противоречие между статьями 17 и 90 УПК РФ – свобода оценки доказательств и вместе с тем действие преюдиции [2, с. 7]. Но стоит помнить: предмет доказывания в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности, исходя из которых определяется специфика правил доказывания. В силу этого при решении суда, вынесенного в ходе гражданского процесса, и содержащего в себе основания для возбуждения уголовного дела, на

всех стадиях уголовного судопроизводства в отношении лица, сохраняется действие принципа презумпции невиновности[1].

Применение межотраслевой преюдиции на данном этапе развития процессуального права затруднительно, проблемы возникают на различных стадиях судопроизводства. Существующая редакция закона подчёркивает неопровержимость рассматриваемого понятия, но это идёт вразрез с доказательственным правом [1, с. 16] и свидетельствует о необходимости внесения изменений – в первую очередь установление обстоятельств, подпадающих под преюдицию, на более высоком профессиональном уровне. То есть обосновывается необходимость развития на более детальном уровне [2, с. 11]. В качестве основы при этом использовать постановления КС РФ.

Предлагается и радикальное решение, состоящее в исключении ст. 90 из УПК РФ, но подобное мнение не находит большого количества сторонников. Это объясняется следующим: несмотря на сложности, возникающие в процессе применения данной статьи на практике, существуют и положительные аспекты. К таковым в наиболее общем виде следует относить и преемственность при принятии судами процессуальных решений, что значительно ускоряет разрешение дел, и общеобязательность судебных решений, также преюдиция может помочь в том случае, если фактической стороны дела недостаточно для вынесения решения судом. Например, вещественные доказательства были уничтожены, но при этом они уже были установлены и исследованы.

Принятие в уголовном судопроизводстве решений иных судов служит упрощению процесса доказывания в отношении тех правоотношений, которые были установлены, раннее принятым судебным актом. В теории возможна выработка единых принципов доказывания в рамках единого уголовного процесса, но в скором времени это маловероятно, поскольку право скорее движется в сторону усложнения.

Следовательно, большей частью рассматриваемое явление, являющееся искусственной процедурой, направлено на повышение продуктивности деятельности как правоохранительных органов, так и судов. Большее значение существует для обвинительной стороны, нежели для стороны защиты. Таким образом в арбитражных и судах общей юрисдикции необходимо установление факта или события –

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // КонсультантПлюс.

его отсутствие/ наличие, представляющего интерес для разбирательства дела в порядке уголовного судопроизводства. То есть необходима предварительная оценка. При этом нельзя не отметить положительный аспект для лиц, чьи законные права и интересы нарушены, ввиду уже установленных обстоятельств при производстве в административном, гражданском либо арбитражном процессе.

Список литературы

1. Азарёнок Н. В. Применение судами статьи 90 УПК РФ на современном этапе // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106). С. 13–17.

2. Каландаришвили Х. А., Иванов В. В., Днепровская М. А. Преюдициальное значение решений в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 5–15.

3. Пашкевич Т. Проблемы применения межотраслевой преюдиции // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/avtory/pashkevich-tatyana/ (дата обращения: 11.10.2023).

4. Сайт судебной практики ВС РФ. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 12.10.2023).

5. Большой юридический словарь // 2010–2023 словари онлайн. URL: https://juridical.slovaronline.com/ (дата обращения: 10.10.2023).

ОСНОВЫ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елизавета Сергеевна Гапоненко[1],
Владислав Павлович Гусев[2]

[1,2]студенты Юридического института
Пензенского государственного университета

Правозащитная работа является краеугольным камнем законодательной системы, утвержденной в Конституции Российской Федерации. Это основной элемент правовой системы, направленной на защиту прав человека и гражданина.

Одним из способов защиты прав является «адвокатура», представляющая собой предоставление квалифицированной юридической помощи лицам, получившим статус адвоката в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатуре» в Российской Федерации. Эта помощь предоставляется физическим и юридическим лицам (клиентам) с целью защиты их прав, свобод и интересов и обеспечения доступа к правосудию.

Термин «адвокатура» впервые был использован в Федеральном законе от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатуре в Российской Федерации»[1]. В ранее действовавших Правилах адвокатуры РСФСР такого термина не было, что приводило к разнообразию трактовок роли адвоката в обществе [1].

Основой профессиональной работы адвоката является предоставление юридической помощи физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и обеспечения равного доступа к правосудию. Адвокатура играет важную роль в системе защиты прав в России. Без адвокатов невозможно осуществить защиту прав, поскольку адвокаты являются основными исполнителями этой функции. Адвокат, как участник правозащитных отношений, основной задачей которого является предоставление квалифицированной юридической помощи, признается единственным специалистом, уполномоченным осуществлять защиту прав [3].

Научная литература отмечает некоторые особенности деятельности адвоката в качестве защитника в уголовном процессе.

Прежде всего, адвокат имеет особый правовой и процессуальный статус. Правовой статус включает в себя членство в профессиональном и независимом сообществе адвокатов, соблюдение определенных правил профессиональной этики и подчинение дисциплинарному контролю со стороны компетентных органов. Процессуальный статус определяет положение адвоката в уголовном процессе и включает в себя набор прав и обязанностей, определенных процессуальным законодательством и Федеральным законом "Об адвокатуре в Российской Федерации

Ключевым элементом является принцип законности, который определяет регулирование профессиональных полномочий, прав и обязанностей адвоката в соответствии с Конституцией РФ, Фе-

[1] Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс.

деральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Кодексом профессиональной этики адвоката и различными корпоративными актами. Еще одна важная сторона заключается в том, что профессиональная деятельность адвоката в уголовном процессе направлена на защиту и восстановление нарушенных прав обвиняемого, которого обвиняют в преступлении без достаточных оснований, а также на предотвращение незаконных действий со стороны правоохранительных органов, незаконных процессуальных актов и непропорционального наказания за совершенное преступление. Также стоит отметить публичный характер деятельности адвоката, который заключается в выполнении функции защиты прав и свобод клиента, функции, которую государство передало адвокатскому сообществу.

Уголовное судопроизводство представляет собой сложную систему последовательно сменяющих друг друга стадий, включающую в себя проверку сообщения о преступлении, предварительное расследование и судебное рассмотрение дела. В рамках этого процесса адвокат-защитник вступает в профессиональные отношения с широким кругом участников, включая как профессионалов (должностные лица органов предварительного расследования, прокуратуры, суда), так и непрофессионалов, имеющих отношение к делу [2].

Права, обязанности и полномочия адвоката-защитника, предусмотренные нашим законодательством, определяют правовое содержание его профессиональной деятельности. Они регулируются статьей 53 УПК РФ[1] и включают в себя право на свидание с подзащитным, присутствие при предъявлении обвинения, участие в следственных действиях, привлечение специалиста, ознакомление с материалами дела после предварительного расследования и многие другие. Кроме того, важные полномочия адвоката-защитника предусмотрены частью 3 статьи 86 УПК РФ и статьей 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ.

Адвокат-защитник обладает независимостью, которая запрещает любое вмешательство в его профессиональную деятельность и не допускает его привлечение к ответственности за выраженные в процессе защиты мнения.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // КонсультантПлюс.

Стоит отметить, что адвокат-защитник несет ответственность за нарушение закона и профессиональной этики. Это имеет большое значение для обеспечения качества правозащитной функции. Установление профессиональной ответственности способствует доверию со стороны государства, которое делегирует адвокатам защитительную функцию, и со стороны доверителей, права и интересы которых охраняются адвокатом-защитником.

Профессиональная деятельность адвоката-защитника является некоммерческой. Адвокат-защитник не стремится извлекать прибыль из своей деятельности. В случае участия адвоката-защитника в уголовном деле по назначению органов предварительного расследования и суда, защита может производиться бесплатно для подзащитного. В таком случае адвокат-защитник получает вознаграждение за счет средств федерального бюджета.

Все перечисленные особенности профессиональной деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе указывают на ее правозащитный характер. Адвокат-защитник является профессиональным участником правозащитной деятельности в уголовном процессе, предоставляющим квалифицированную юридическую помощь доверителям (подзащитным) путем защиты их законных прав и интересов. Защита как вид квалифицированной юридической помощи осуществляется только в уголовном процессе и является реализацией конституционного положения части 1 статьи 48 Конституции РФ[1], нашедшего отражение в статье 16 УПК РФ.

Список литературы

1. Алейников Б. Н. Правозащитная деятельность адвоката : учеб. пособие. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. С. 5.

2. Путихина Н. В. Правозащитный аспект профессиональной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 10А. С. 226–232.

3. Фадеев П. В. Правовая помощь в уголовном судопроизводстве как комплексная законодательная и научная категория // Российский следователь. 2021. № 7. С. 23–26.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИГОВОРА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЕГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Анастасия Андреевна Гусева

студентка Многопрофильного колледжа
Пензенского государственного университета

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 297 провозгласил, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Более того, приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК и основан на правильном применении уголовного закона [1].

Согласно п. 4 ст. 389.15 УПК РФ одним из оснований отмены или изменения приговора в апелляционном порядке является несправедливость приговора.

Частью 2 ст. 389.18 УПК РФ закреплено положение о том, что несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Решение суда первой инстанции, содержащее приговор, не является заключительным этапом уголовного производства. Право на обжалование процессуальных действий является неотъемлемым элементом принципа справедливого судебного процесса. Благодаря этом праву, гражданин имеет возможность влиять на процесс и исправлять ошибки, которые могут возникнуть в ходе судебного разбирательства. По сути, это право является гарантией справедливости и равенства перед законом для каждого гражданина. Согласно ч. 3 ст. 50 Конституции РФ каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания. Право на обжалование процессуальных действий и решений относится

к принципам уголовного судопроизводства и регулируется ст. 19 УПК РФ.

Согласимся с мнением Т. Г. Бородлиновой, что при выявлении судом апелляционной инстанции допущенных нарушений нижестоящего суда требований справедливости наказания, специфика пересмотра приговора суда первой инстанции состоит в определении ответа на вопрос о том, соответствует ли наказание, назначенное виновному лицу, характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам совершенного преступления и личности виновного [2, с. 32].

Апелляционная инстанция представляет собой один из методов осуществления контроля за законностью, обоснованностью и справедливостью приговоров, которые еще не стали окончательными и касаются жалобы, поданной защитником, основываясь на предоставленных им основаниях для отмены или изменения приговора суда, перечисленных в ст. 389.15 УПК РФ и представленных в качестве аргументов апелляционной жалобы согласно п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ.

Одним из наиболее распространенных оснований, которые обычно указываются в апелляционных жалобах, ведущих к отмене или изменению приговора, является несправедливость приговора (п. 4 ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Для проведения исследования, необходимо обратиться к соответствующим источникам правовой информации – https://sudact.ru/?page=4. Среди 100 уголовных дел, рассмотренных в рамках исследования, включая 100 апелляционных определений, вынесенных на основе обращений сторон уголовного дела в связи с несогласием с назначенным сроком или видом наказания, 60 % составляют апелляционные жалобы, связанные именно с несправедливостью приговора

Исходя из представленной статистики, процент обжалуемых решений суда на основании несправедливости приговора высок, что составляет более половины обжалуемых судебных актов (60 %). По мнению Л. А. Воскобитовой, отмена и изменение приговора в апелляционном порядке может быть связано и с различной интерпретацией судьями положений уголовного закона, восприятием личности подсудимого, конкретных обстоятельств уголовного дела, их представлений о справедливости [3].

С целью уменьшения процента обжалования судебных решений на основе несправедливости приговора целесообразно активное

участие защиты в уголовном судопроизводстве, осуществляемое квалифицированным защитником. Защитник должен тщательно изучить все доказательства, свидетельские показания и другие материалы дела, чтобы обнаружить любые ошибки в доказательствах или нарушения процессуальных прав, которые могут привести к смягчению наказания. Он должен подготовить аргументацию, основанную на законодательстве, прецедентном праве и личных обстоятельствах своего клиента, которая может убедить суд в необходимости смягчения наказания. Защитник может собрать положительные характеристики о своем клиенте, такие как его репутация, работоспособность, образование, семейное положение и т.д., чтобы продемонстрировать его положительные качества и потенциал для реабилитации. Так же должен представлять суду все смягчающие обстоятельства, которые могут оказать влияние на решение суда о наказании, такие как отсутствие судимости, сожаление за содеянное, возможность компенсации пострадавшему и т.д.

Задача защитника при составлении апелляционной жалобы заключается в защите прав и интересов своего клиента, а также в обжаловании неправильного или несправедливого решения суда первой инстанции.

Справедливый приговор – это решение суда, которое основывается на объективных и справедливых принципах, учитывает все обстоятельства дела и соответствует нормам права. Так «наказанию должен быть подвергнут только действительно виновный и только в меру его ответственности».

В рассматриваемом Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации были выявлены решения судов, которые привели к изменению приговоров суда первой инстанции на основании изученных обстоятельств. Например, в Апелляционном постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 года № 22-415/23 [4] Судебная коллегия по уголовным делам изменила приговор, так как установлено, что обвиняемый активно способствовал расследованию и раскрытию преступления, что является обстоятельством, смягчающим наказание, а также отсутствовали отягчающие обстоятельства.

Апелляционное представление, от 21.10.2022 № 22-2512/22 [5], является еще одним примером юридической практики. В данном случае, Прокурор Дзержинского района г. Ярославля, Дьячков Д. А., высказывает свое мнение о незаконности приговора,

основываясь на чрезмерной мягкости назначенного наказания. Прокурор указывает на то, что преступление, совершенное Павлинцевым в отношении безопасности движения и эксплуатации транспорта, произошло всего через пять месяцев после его осуждения за аналогичное преступление. Прокурор заявляет о недостаточной оценке характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также о несоответствующем учете данных о личности осужденного судом. Это привело к назначению слишком мягкого наказания, которое не обеспечивает реальную изоляцию осужденного от общества и является несправедливым. Учитывая все вышеизложенное, Прокурор просит отменить приговор и вынести новый приговор с усилением наказания в отношении Павлинцева.

Рассмотрев жалобу прокурора, судебная коллегия считает необходимым направить его для отбывания наказания в виде лишения свободы в колонию-поселение. При этом с учетом требований ч. 4 ст. 47 УК РФ, в случае назначения лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, в качестве дополнительного наказания к лишению свободы.

Таким образом, несправедливость приговора является серьезным нарушением принципов справедливости в правовой системе. Обвиняемые имеют право на обжалование приговора на основании несправедливости его вынесения. Ошибки в доказательствах, неправильное применение закона, предвзятость судьи и нарушение процессуальных прав обвиняемого могут служить основаниями для обжалования приговора. Процесс обжалования позволяет исправить несправедливые приговоры и восстановить справедливость в правовой системе.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Бородинова Т. Г. Современные формы пересмотра приговоров в уголовном судопроизводстве России : монография. Краснодар : ХОРС, 2016. 151 с.

3. Антонович Е. К., Волосюк П. В., Воскобитова Л. А. [и др.]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Гл. 33–56 : постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Ред. «Российской газеты», 2015. 799 с.

4. Апелляционное постановление Верховного Суда РФ № 22-415/23 от 06.03.2023 // Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zBTOsXK1L3Uw (дата обращения: 12.10.2023).

5. Апелляционное постановление Верховного Суда РФ № 22-2512/22 от 21.10.2022 // Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/regular/doc/j0WwRnJfkNNF (дата обращения: 12.10.2023).

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕТОДАХ РЕШЕНИЯ СПОРОВ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Максим Петрович Загудаев[1],
Яна Дмитриевна Митусова[2]

[1,2]студенты Юридического института
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С. П. Королева
(Самарского университета)

В современном обществе интеллектуальная собственность является одним из ключевых факторов экономического развития и культурного прогресса. Авторское право, как один из видов интеллектуальной собственности, обеспечивает защиту прав авторов и иных правообладателей. Однако на практике нередко возникают конфликты и споры, связанные с нарушением прав на объекты авторского права.

Разрешение таких конфликтов может осуществляться различными способами, включая судебное разбирательство. Однако все больше внимания уделяется альтернативным методам урегулирования споров, таким как примирительные процедуры.

Примирительные процедуры включают в себя различные методы, направленные на разрешение споров без обращения в суд. К ним относятся медиация, судебное примирение другие. Преимуществами примирительных процедур являются экономия вре-

мени и средств сторон, возможность сохранить деловые отношения и разрешить конфликт на ранней стадии. Среди российских юристов бытует мнение о том, что примирительные процедуры все чаще применяются по причине сильной загруженности судов. Обращаясь к статистике, можно обратить внимание на то, что дела по защите авторских прав составляют более половины всех рассмотренных дел по нарушению прав на интеллектуальную собственность (примерно 57 %) [1].

Юридическая доктрина не дает единого и точного определения понятия «примирительные процедуры».

Например, Е. Р. Иващенко определяет примирительные процедуры как явление, главным назначением которого нужно считать восстановление мирных и партнерских отношений между сторонами спорной ситуации с помощью приемов и способов, которые, как правило, используются по инициативе сторон [2].

О. А. Рябус и А. В. Старицына высказываются о примирительных процедурах как об установленных законодательством возможностях суда по содействию урегулированию переданного в суд спора путем принятия под контролем суда мер, направленных на окончание дела миром и прекращение производства по делу [3].

Собрав воедино эти два определения, можно выделить основные черты примирительных процедур:

1) цель проведения примирительных процедур – достижение урегулирования спора под строгим контролем суда;

2) основание проведения примирительных процедур – судебное определение;

3) примирительные процедуры основаны на принципах сотрудничества, добровольности, равноправия и конфиденциальности;

4) примирительные процедуры могут проводится сторонами самостоятельно, путем мирного соглашения, переговоров, либо посредством привлечения третьей стороны (медиация, арбитраж, судебное примирение);

5) примирение сторон возможно на любой стадии судопроизводства;

6) в рамках данной процедуры решаются вопросы, ставшие предметом иска;

7) результат примирительных процедур проверяется на соответствие закону

8) результат судебного спора – достижение компромисса между сторонами.

Обратим особое внимание на то, что примирительные процедуры могут быть как внесудебными, так и судебными. Различие заключается в том, что судебные примирительные процедуры производятся под контролем суда и в строгом соответствии с действующим процессуальным законодательством. В рамках каждого отдельного дела судья дает разъяснение сторонам о приоритетности рассмотрения дела в порядке судебного примирения.

В научном сообществе предлагаются и другие классификационные критерии примирительных процедур в сфере авторского права [4]:

1) по характеру защищаемого интереса можно выделить примирение сторон в частноправовых и публично-правовых конфликтах;

2) по территориальной распространенности конфликта – примирение сторон в международных и внутригосударственных спорах;

3) по количеству участников спорного правоотношения – примирение с участием двух и более лиц;

4) по характеру последствий проведения примирительных процедур – повлекшие полное разрешение конфликта, повлекшие обострение конфликта либо никак не повлиявшие на конфликт;

5) по стадиям судебного разбирательства, на которых применяются примирительные процедуры – примирение на досудебной стадии, примирение на стадии подготовки к судебному разбирательству, примирение на стадии судебного разбирательства.

В наше время большую актуальность в России как способ регулирования спора имеет медиация, под которой понимаются добровольные переговоры с целью получения взаимовыгодного соглашения между двумя ранее конфликтующими сторонами. Приступить к данной процедуре можно как до обращения в суд, как и на любой стадии судопроизводства. Медиация руководствуется принципами добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, конфиденциальности, беспристрастности и независимости

медиатора. Однако, закон, регулирующий процедуру медиации, а именно Федеральный закон №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [5] не дает разъяснения о том, как именно примирительные процедуры вписываются в процесс по тому или иному делу, а также не содержит в себе мер стимулирующего характера. Данная проблема показывает нам, что смысл данного нормативного акта теряется, ведь граждане продолжают обращаться в суд, что не дает снизить высокую нагрузку на судебную систему. Целесообразно будет больше распространить процедуру медиации, отнеся ее её действие к особо сложным категориям дел, к которым и относятся споры о защите авторских прав.

Главным преимуществом медиации остается сохранение лояльных отношений между субъектами спора, эффективность в разрешении конфликта, а также наибольшая оптимальность в качестве компромисса для всех субъектов спора.

На наш взгляд, учитывая все преимущества процедуры медиации, нужно внести некоторые дополнения и изменения в действующее законодательство, а именно:

1) Легализация уровня квалификации медиатора посредством закрепления в ФЗ № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» обязательные требования о компетенции (а именно высшее юридическое образование), необходимой для решения споров, связанных с интеллектуальной собственностью;

2) Закрепление в законодательстве медиации как обязательной судебной процедуры.

Существует другой способ разрешения конфликта в данной сфере – судебное примирение, отличие которого от предыдущего заключается в том, что для разрешения спора привлекается судебный примиритель. К его функциям относится ведение переговоров с третьими лицами, принимающих участие в процессе разрешения конфликта. Примиритель также изучает материалы дела, дает свои рекомендации в решении спора, тем самым урегулируя спор и сохраняя лояльные отношения между сторонами. Это является весьма серьезным преимуществом альтернативных методов разрешения спора, так как судьям не всегда хватает знаний в сфере

авторского права для полностью точной интерпретации заключений экспертов.

В нашей стране судебное примирение применяется несколько реже, чем медиация. Причиной этого служит то, что подобная процедура является новой еще не успела плотно закрепиться во взглядах граждан и правовых традициях. Учитывая данный факт, следует больше внимания уделить информированию населения о данной процедуре.

Важно отметить, что на практике, при подаче искового заявления, возможность урегулирования конфликта мирным путем практически полностью утрачивается. Это является одной из главных причин, по которой целесообразно прийти к применению альтернативных способов урегулирования конфликтов. Например, придя к медиации, для решения спора хватает одного сеанса, для которого требуется не больше нескольких дней, когда судебные тяжбы могут затянуться на годы.

Также в случае, если участников спора много, и при этом они находятся на большой дистанции друг от друга, то медиация также выигрывает перед полным судебным разбирательством.

Следующим преимуществом медиации является то, что если стороны спора имеют отношение к разным юрисдикциям, пропадает необходимость обращения в разные судебные инстанции, потому что медиация не является решением суда, а так называемым компромиссом, к которому приходят участники разбирательства.

Имели место быть случаи, когда репутация известных музыкантов была утрачена в связи с частыми судебными разбирательствами, например, Ю. Антонова, а также А. Серова, беспрестанно отстаивающих права на свое творчество [6].

Подведя итог всему, сказанному выше, можно сделать вывод о том, что целесообразно будет закрепить в правовой норме понятие «альтернативного решения споров», и перечень процедур, относимых к нему.

Обобщая рассмотренные подходы, можно сформулировать такое определение: «альтернативное разрешение споров» – это совокупность негосударственных и не запрещенных законом способов защиты прав, основанных на добровольности выборе участниками спора наиболее эффективного способа урегулирования

конфликта, посредством которого стороны самостоятельно или с помощью третьей независимой стороны определяют свой процессуальный правовой статус, порядок разрешения спора, а также порядок исполнения принятого решения.

В наше время, когда универсального способа урегулирования спора при защите авторских прав не существует, стороны оставляют за собой право выбора наиболее оптимального для них способа урегулирования сложившегося конфликта.

Внедрение института примирения осложнено в основном тем, что граждане не осведомлены в полной мере о процедуре примирения, соответственно не возникает доверия к указанным процедурам, ведь они не обладают таким авторитетом, каким обладает суд. Это возможно устранить, во-первых, путем повышения уровня правовой грамотности населения в области авторского права, во-вторых раскрытием медиаторами информации о своей деятельности, как предлагают Е. Р. Иващенко и Н.Н. Воробьев.

Список литературы

1. Воробьев Н. Н. Актуальные проблемы и способы защиты объектов авторских прав // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-3. С. 39–41.

2. Иващенко Е. Р. Некоторые вопросы об альтернативных способах разрешения споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1 (75). С. 124–126.

3. Рябус О. А., Старицын А. В. Особенности альтернативных способов разрешения споров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 218–223.

4. Ключникова Э. Д. Формы и способы защиты авторских и смежных прав // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 1, № 32. С. 323–326.

5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 (ред. от 26.07.2019). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2023).

6. Монгуш С. Ш. Гражданско-правовая защита авторских прав: понятие, формы и способы // Вестник магистратуры. 2022. № 5-4 (128). С. 100–102.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСЧИСЛЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Валентина Ивановна Засыпалова[1],
Оксана Сергеевна Колгатина[2],
Ксения Геннадьевна Ванькова[3]

[1]кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2,3]студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Согласно ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел является одной из задач гражданского судопроизводства [1]. Юридической гарантией этого выступает институт процессуальных сроков.

Вопросы изучения процессуальных сроков в гражданском процессе уже были предметом исследований в юридической науке, но и по сей день они не утрачивают научного интереса.

Так, Е. В. Исаева определяет процессуальный срок в гражданском процессе как установленный законом или назначенный судебным органом (судьей) и исчисляемый годами, месяцами или днями период времени либо момент во времени, определяемый точной календарной датой или указанием на событие, которое обязательно должно наступить, в течение которого или к которому судебный орган (судья) или иные участники процесса вправе либо обязаны совершить определенное процессуальное действие или совокупность процессуальных действий [3, с. 86].

Выделяют законные сроки, то есть установленные законом, и судебные, то есть те, которые устанавливаются судом с учётом принципа разумности. Разумность срока устанавливается судами применительно к каждой конкретной ситуации, посредством тщательного анализа всех имевших место со стороны суда и сторон процессуальных действий [5, с. 139–148].

Срок для совершения процессуального действия может определяться разными способами:

– точной календарной датой (например, дата и время судебного заседания);

– указанием на событие, которое обязательно должно наступить (например, вступление решения суда в законную силу);

– периодом времени, в течение которого процессуальное действие может быть совершено (например, один месяц на апелляционное обжалование решения суда первой инстанции) [4, с. 2]. При этом процессуальные сроки, установленные законом или назначаемые судом, определяемые периодом времени исчисляются днями, месяцами, годами.

Просолова С. А. процессуальный срок в гражданском процессе считает не только временным отрезком для совершения определенных законом действий, но и средством упорядочения поведения участников судебного процесса [6, с. 72–75]. Необходимо согласиться с данным мнением, поскольку несоблюдение срока может повлечь нежелательные для сторон (стороны) последствия. Таким правовым последствием является утрата права на совершение процессуальных действий в связи с истечением установленного федеральным законом или назначенного судом процессуального срока. В связи с этим важно правильно определить моменты начала и окончания срока.

В соответствии с частью 3 статьи 107 Гражданского процессуального кодекса РФ течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало. Момент истечения процессуального срока определен в статье 108 Гражданского процессуального кодекса РФ. Процессуальный срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число последнего года срока. Срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца срока. В случае, если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на такой месяц, который соответствующего числа не имеет, срок истекает в последний день этого месяца. В случае, если последний день процессуального срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день.

При исчислении сроков необходимо исходить из того, что процессуальное действие считается совершенным вовремя, если оно выполнено до 24 часов последнего дня установленного срока, данное правило закреплено в статье 108 Гражданского процессуального кодекса РФ. В случае, если процессуальное действие должно быть совершено непосредственно в суде или другой организации, срок истекает в тот час, когда в этом суде или этой организации по установленным правилам заканчивается рабочий день

или прекращаются соответствующие операции. Это, конечно, сокращает возможности участников процесса в случае необходимости совершения действий в суде или иной организации. В соответствии с законодательством РФ рабочий день у суда заканчивается в 18:00, значит документы после обозначенного времени приниматься не будут. Более того, прием граждан чаще всего осуществляется до 17:45, что существенно уменьшает период времени, в течение которого можно совершить процессуальное действие, например, подать жалобу непосредственно в суд. Конечно же мы учитываем, что совершить такие процессуальные действия, как подать исковое заявление либо жалобу, возможно не только лично, но и воспользовавшись услугами почтовой службы, а также в электронном виде, что также является дополнительной гарантией соблюдения процессуальных сроков.

Помимо этого, необходимо учитывать, что в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни, если иное не установлено законом. Положение об исключении из сроков, исчисляемых днями нерабочих (выходных) дней, было включено в часть 3 статьи 107 Гражданского процессуального кодекса РФ на основании Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [2], и стало применяться с 1 октября 2019 года. Переоценить данное изменение нельзя, поскольку оно выступает еще одной гарантией соблюдения процессуального срока, дополнительно позволяя участнику гражданского судопроизводства тщательнее подготовиться к совершаемому процессуальному действию.

Приведем пример исчислению процессуального срока исходя из указанных законоположений. Так, в силу положений части 3 статьи 135 и статьи 332 Гражданского процессуального кодекса РФ на определение судьи о возвращении заявления может быть подана частная жалоба в течение пятнадцати дней со дня его вынесения. Следовательно, частная жалоба на определение суда о возврате искового заявления, вынесенного 10 ноября 2023 г., может быть подана не позднее 1 декабря 2023 г. В данном случае процессуальный срок начал исчисляться с 13 ноября 2023 г. и из него были исключены выходные дни, определенные исходя из пятидневной рабочей недели.

Таким образом, вопрос исчисления процессуальных сроков в гражданском процессе является важным, требует внимательного отношения к деталям и соблюдения законодательных норм, применяемых к конкретной ситуации, поскольку позволяет избежать наступления негативных последствий в виде утраты возможности совершения процессуального действия.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 451-ФЗ от 28.11.2018 (ред. от 17.10.2019) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/ 71204098/ (дата обращения: 21.09.23).
3. Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Кулдыркаева К. И. Проблемы правильного исчисления начала и окончания сроков в гражданском процессе // Аллея Науки. 2019. № 5 (32). URL: Alley-science.ru
5. Нигматдинов Р. М. Процессуальные сроки в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 5-1. С. 139–148.
6. Просолова С. А. Актуальные проблемы в области исчисления и применения процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2020. Т. 2, № 5 (26). С. 72–75.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И КИТАЕ

Валентина Ивановна Засыпалова[1],
Анастасия Анатольевна Куликова[2],
Венера Рафаилевна Ишкаева[3]

[1]кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2,3]студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

«Принципы гражданского процессуального права – основные правила (начала), пронизывающие весь гражданский процесс, все процессуальные институты и обладающие решающим значением

для осуществления правосудия не только на конкретной стадии судебного разбирательства, но и в ходе всего судопроизводства по делу» –профессор Пекинского университета Лю Цзясин.

Развитие партнерских отношений между Россией и Китаем, многократное увеличение объемов торговли между двумя странами и реализация совместных проектов в различных областях привели к резкому росту взаимного интереса к сравнительным исследованиям правопорядка двух стран.

Исторически гражданский процесс КНР (особенно в советский период) был тесно связан с гражданским процессом СССР. В результате этого в процессуальном праве наших двух стран можно встретить много общего. Так, например, гражданское процессуальное право – кодифицированная отрасль права как в РФ, так и в КНР.

В общем плане правовой принцип – это исходные нормативно-руководящие принципы, закрепленные в праве, которые отражают основы права и объективные закономерности общественной жизни. Представители науки гражданского процессуального права различным образом [4, с. 265–270]. Оценивают регулятивную роль правовых принципов, интерпретируя их как нормы с общим содержанием или чисто теоретические (декларативные) положения.

Принцип диспозитивности представляет собой один из ключевых функциональных принципов российского гражданского процессуального права. Он регулирует деятельность участников гражданских процессуальных отношений. В ГПК РФ [1] принцип диспозитивности не сформулирован. Он доктринально выводится из целого ряда положений Кодекса. К примеру, самостоятельное определение истцом предмета и основания иска (ст. 131 ГПК РФ), возможность истца менять предмет или основание иска, увеличивать или уменьшать размер исковых требований, отказываться от искового заявления, право ответчика на признание иска и встречный иск, а также разрешение спора путём заключения сторонами мирового соглашения (ч. 1 ст. 39, 137 ГПК РФ), право сторон на обжалование судебных постановлений (ст. 320, 376, 391.1 ГПК РФ) и др. Однако инициативность сторон не может быть абсолютной.

Толкование принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве Китая отличается определенными особенностями по сравнению с его осмыслением в российской системе [2].

В соответствии с этим принципом стороны в рамках, установленных законом, обладают правом отказаться от своих гражданских процессуальных прав. Это принцип предполагает запрет на злоупотребление гражданскими процессуальными правами и установленное ограничение на представление доказательств по делу в случае пропуска установленного законом срока без обоснованной причины. В ст. 112 и 113 ГПК КНР специально предусмотрены принудительные меры (штраф, арест и даже уголовная ответственность) в отношении мошенничества в гражданском и исполнительном производствах [5, с. 196].

Принцип осуществления правосудия только судом. В статье 5 ГПК РФ закреплено, что правосудие по гражданским делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции, осуществляется только этими судами по правилам, установленным законодательством о гражданском судопроизводстве.

Содержание данного принципа в китайском гражданском процессуальном праве (ст. 6 ГПК КНР) сходно с его толкованием в российской юридической науке. Так, правосудие по гражданским делам осуществляется только народными судами самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти, общественных организаций и физических лиц.

Принцип равенства всех перед законом и судом закреплен в статье 6 ГПК РФ. В ней сказано, что правосудие должно осуществляться на началах равенства независимо от пола, расы, национальности, языка, места жительства и других обстоятельств.

Данный принцип не закреплен в ГПК КНР, но он находит своё отражение в статье 33 Конституции КНР, где прописано, что все граждане равны перед лицом закона [3, с. 57]. Рассматриваемый принцип гласит, что все граждане КНР пользуются правами и обязанностями, предусмотренными Конституцией и другими законами.

Принцип гласности гражданского процесса в Китае (ст. 10 ГПК КНР) имеет достаточно схожие черты с гражданским процессом в РФ (ст. 10 ГПК РФ). Однако там и там допускается рассмотрение дела в закрытом судебном заседание, если оно связано с государственной тайной, тайной частной жизни и дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних лиц.

Как и в российских судах общей юрисдикции, в народных судах Китая решения должны быть опубликованы публично, даже если дело рассматривалось в закрытом порядке (ч. 1 ст. 148 ГПК КНР).

В гражданском процессе в Китае закреплен **принцип примирения сторон**. Так, к примеру, одной из особенностей гражданского процесса в КНР является стремление к примирению сторон в ходе судебного процесса (медиация), что закреплено в статье 9 ГПК. Согласно данной статье, народные суды обязаны осуществлять процесс примирения сторон на основе принципов законности и добровольности. В случае, если достижение согласия невозможно, суд выносит окончательное решение по делу. В рамках китайской системы юстиции медиация через суд может проводиться до начала судебного разбирательства после подачи иска (ст. 122 и 133 ГПК), а также в ходе рассмотрения дела до вынесения по нему решения (ст. 142 ГПК) и на стадии апелляционного обжалования решения (ст. 172 ГПК). Самой процедуре медиации посвящена глава восьмая ГПК КНР. В российском Гражданском процессуальном кодексе в главе 1, посвященной основным положениям, где непосредственно и закреплены принципы гражданского процесса, нет статьи о примирении. В то же время вопросам примирения сторон посвящена глава 14.1 ГПК РФ «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», где в число примирительных процедур включены переговоры, посредничество, в том числе медиация, и судебное примирение. Это позволяет говорить о становлении в гражданском процессе России принципа примирения сторон.

Кроме того, китайские юристы выделяют **принцип паритетности**, установленный в статье 5 ГПК, согласно которому иностранные граждане, лица без гражданства и организации обладают равными процессуальными правами с гражданами и организациями Китая, что позволяет им выступать в качестве истцов и ответчиков в судебных процессах

Таким образом, мы видим, что гражданское процессуальное право обеих стран содержит много схожих правовых принципов. Многие принципы гражданского процессуального права, выделяемые в качестве таковых китайским законодателем, но не рассматриваемые в таком ключе российским, тем не менее, содержатся в процессуальных нормах ГПК РФ. Например: принцип паритетности (ч. 2 ст. 398 ГПК РФ), принцип стремления к примирению сторон (медиация) (п. 5 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ) и т.д. Принципы, которые отражены как в российском, так и в китайском процессуальном праве достаточно схожи, однако, каждый из них имеет свою специфику.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 06.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lv48l2to6x584039049

2. Гражданский процессуальный закон Китая. 2017. URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-procedure-law-of-china-20170627?ysclid=lv48fvx86e435400175

3. Трощинский П. В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики : монография. М. : ИДВ РАН, 2011. 57 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/357336 (дата обращения: 16.04.2024).

4. Мирошников И. Ю. Понятие и значение принципов гражданского процессуального права // Научные известия. 2022. № 26. С. 265–270.

5. Нань Гун. Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 196.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Дмитрий Викторович Каминин[1], Александр Андреевич Степанычев[2]

[1,2]студенты Юридического института Пензенского государственного университета

Важнейшее место в системе правовых институтов Российской Федерации занимает адвокатура – институт гражданского общества, который реализует отдельные полномочия государства по защите прав, свобод и интересов физических и юридических лиц и обеспечивает доступ к правосудию путем осуществления адвокатской деятельности.

Адвокатская деятельность по своей сути является одним из инструментов гражданского общества, предназначенным для защиты конституционных прав в отношении юридической помощи

и защиты. Однако статус этой профессии неоднократно менялся на протяжении всей истории России.

Следует отметить, что некоторые исследователи в развитии адвокатуры России начиная с 1864 г. выделяют четыре этапа:

1. первый этап (1864–1917) – форма частных поверенных и присяжных;
2. второй этап (1917–1990) – советский период;
3. третий этап (1990–2002) – постсоветский период;
4. четвёртый этап (2002 – н.в.) – современный период [1, с. 53].

Появление термина «адвокат» в истории российской адвокатуры связано с эпохой правления Петра I. Однако отношение к адвокатам оставалось негативным – Петр I считал их деятельность бесполезной и более того, мешающей работе судьи. Такая традиция отношения к адвокатуре как к вредному и опасному явлению, подрывающему монархические устои, существовала в России длительное время. Вместе с развитием буржуазного общества в XIX в. в органах высшей власти была, наконец, осознана необходимость профессиональной защиты в суде для представителей купеческого сословия и промышленников. В 1864 г. Государственный Совет принял решение о создании организованной адвокатской структуры. Введение этого законодательного акта считают переломным моментом в истории возникновения адвокатуры. В 1917 г., с приходом Советской власти, была упразднена и полностью разрушена вся судебная система, созданная в предшествующие годы. В 1922 г. советская власть приняла Положение об адвокатуре. В 1939 г. в СССР было выпущено новое Положение об адвокатуре. Согласно этому документу в субъектах Советского Союза создавались адвокатские коллегии, основной задачей которых являлось оказание юридической помощи. В 1977 г. в истории русской адвокатуры впервые появилась статья в Конституции СССР, в которой закреплялось публичное положение этого института, а еще через 2 года был принят Закон об адвокатской деятельности. Несмотря на преобразования 80-х гг., адвокатские коллегии оставались довольно закрытыми организациями. Это было обусловлено политическими реалиями социалистического строя в России. Новый федеральный закон об адвокатуре был принят лишь в 2002 г. В настоящее время данная сфера деятельности в России приведена в соответствие с общепринятыми международными стандартами.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре

в Российской Федерации» (далее – Закон), который вступил в силу с 1 июля 2002 г., адвокатурой признается профессиональное сообщество адвокатов, являющееся институтом гражданского общества, не входящее в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления [2]. Такая трактовка, принятая Законом, и будет являться официальным определением.

Принятый в 2002 г. действующий Закон об адвокатуре имел огромное значение для наведения порядка в адвокатском сообществе и создания в нашей стране единой адвокатской корпорации, ведь до принятия Закона в России действовало бесчисленное множество адвокатских структур. И так новый закон выполнил свою функцию: у нас существует единая адвокатская корпорация, осуществляющая свою деятельность по общим для всех правилам, имеющая единые квалификационные требования, стандарты качества и правила профессиональной этики. В этой корпорации действуют единые механизмы контроля соответствия деятельности адвокатов установленным правилам.

Адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов.

К адвокатской деятельности законодатель относит квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицам, получившим статус адвоката в установленном порядке в целях защиты прав граждан и организаций, их свобод и интересов, а так же обеспечения доступа к правосудию [2].

Адвокат – это лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении высшего профессионального образования, либо ученую степень по юридической специальности. Адвокат является независимым советником по правовым вопросам, он не извлекает прибыли, не вправе заниматься дугой оплачиваемой работой, кроме научной и иной творческой (ст. 2 Закона).Для получения статуса адвоката необходим стаж работы по юридической специальности не менее 2-х лет либо стажировка в адвокатском образовании в течение 1–2 лет, а также сдача квалификационного экзамена [2].

Самоуправление адвокатуры как института гражданского общества обеспечивается: адвокатские палаты субъектов РФ и Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [2]. Существо-

вание двух уровней органов самоуправления адвокатуры (уровня субъектов РФ и федерального уровня) обусловлено принципом федерализма.

Адвокатура представляет собой один из важнейших институт гражданского общества, реализующий отдельные полномочия государства по защите прав, свобод и интересов физических и юридических лиц и обеспечивающий доступ к правосудию путем осуществления адвокатской деятельности. Адвокатура служит не защите интересов государства или правосудия, а представляет и защищает негосударственный, частный интерес.

Адвокатура в Англии имеет долгую и богатую историю, которая началась еще в средние века. В то время адвокаты были известны как “барристеры” и играли важную роль в английской юридической системе. Первые упоминания о барристерах в Англии относятся к XII веку. В то время они представляли интересы своих клиентов в суде и оказывали юридическую помощь. В XIV в. была создана корпорация барристеров, которая стала регулировать их профессию. Барристеры получили право практиковать только после прохождения специального обучения и получения лицензии. Они также были обязаны соблюдать строгий этический кодекс и подчиняться правилам поведения. В XVII веке барристеры стали играть все более важную роль в английской юридической системе. Они стали представлять интересы сторон в судебных процессах и давать правовые консультации. Барристеры также получили право выступать перед Высшим судом и Верховным судом. В XIX веке адвокатская профессия в Англии продолжала развиваться. Были созданы специализированные адвокатские палаты, где барристеры могли заниматься определенными областями права, такими как уголовное право, гражданское право и семейное право. Сегодня адвокаты в Англии играют важную роль в юридической системе. Они представляют интересы своих клиентов в суде, оказывают правовую помощь и консультации, и выполняют множество других функций.

Адвокаты в Англии выполняют ряд важных обязанностей и функций в юридической системе. Вот некоторые из них:

1. Представление интересов клиентов.
2. Предоставление правовой помощи и консультаций.
3. Подготовка и анализ документов.
4. Представление аргументов и доказательств.
5. Защита прав и интересов клиентов.
6. Советы по урегулированию споров.

7. Представление в арбитражных процедурах.
8. Соблюдение этических норм.

Это лишь некоторые из обязанностей и функций адвокатов в Англии. Их роль в юридической системе неоценима, и они играют важную роль в обеспечении справедливости и правопорядка.

Для того чтобы стать адвокатом в Англии, необходимо пройти определенный процесс, который включает несколько этапов. Первым шагом на пути к статусу адвоката является получение бакалавриата в области права. Студенты изучают различные аспекты права, включая гражданское, уголовное, административное и трудовое право, процесс судебных разбирательств и основные принципы правовой системы Англии. После завершения бакалавриата студенты, желающие стать адвокатами, должны пройти Legal Practice Course (LPC) – практическую программу, которая подготавливает их к работе в юридической практике [3, с. 96–97]. После успешного завершения LPC студенты должны пройти двухгодичную практическую стажировку, известную как Training Contract. Во время этой стажировки они работают в юридической фирме или организации под руководством опытного адвоката. После завершения практической стажировки студенты должны пройти несколько профессиональных экзаменов, чтобы получить статус адвоката. Эти экзамены включают Professional Skills Course (PSC), который оценивает практические навыки студентов, и Qualified Lawyers Transfer Scheme (QLTS), который предназначен для иностранных адвокатов, желающих получить статус адвоката в Англии [3, с. 96–97]. После успешного прохождения всех экзаменов студенты могут подать заявление на постановку на регистрацию в Адвокатскую палату Англии и Уэльса. После регистрации они получают статус адвоката и могут начать практиковать право в Англии.

Важной особенностью адвокатской практики Великобритании является её разделение на две основные категории: барристеров и солиситоров. Барристеры специализируются на представлении клиентов в суде и оказывают консультационные услуги. Солиситоры, с другой стороны, занимаются ведением дел клиентов, включая подготовку документов, проведение переговоров и представление интересов клиентов в суде.

Деятельность солиситоров регулируется специальным Законом о солиситорах, принятом в 1974 г. (Solicitors Act), в котором урегулированы вопросы получения статуса, основы профессиональной деятельности, меры ответственности и другие. Также

кроме данного закона имеются еще и Правила деятельности солиситоров от 1990 г. (Solicitors' Practice Rules). Также многие моменты, как это свойственно Англии, урегулированы судебной практикой. Правовой статус барристеров регулируется Законом о судебной и юридической работе от 1990 г. (Courtsand Legal Services Act) и Кодексом поведения барристеров Англии и Уэльса (Codeof Conductof Barof Englandand Wales)[4, с. 564–589].

Что касается организационной структуры органов адвокатского самоуправления в Англии, то органом самоуправления барристеров является Сенат судебных иннов, учрежденный в 1974 г. и Совет барристеров, образованный в 1894 г., который до учреждения Сената был единым центром сообщества барристеров. Сенат как главный орган самоуправления вырабатывает общую линию поведения и деятельности барристеров и обеспечивает ее незначительное соблюдение. Совет барристеров отвечает за состояние профессионального уровня барристеров и стоит на страже независимости адвокатского сообщества [5, с. 318]. Органом управления солиситоров является Правовое общество (The Law Society), которое уполномочено устанавливать требования к кандидатам, имеющим желание стать солиситорами, может выдавать соответствующие сертификаты, осуществляет ведение реестра солиситоров, а также регулирует их профессиональную деятельность и иные вопросы.

Адвокаты в Англии обязаны соблюдать строгие этические нормы и правила поведения, которые регулируют их профессиональную деятельность.

1. Адвокаты обязаны соблюдать конфиденциальность и секретность информации, полученной от своих клиентов. Они не могут разглашать эту информацию третьим лицам без согласия клиента.

2. Адвокаты должны быть независимыми и честными в своей работе. Они не могут действовать в интересах третьих лиц или преследовать собственные интересы.

3. Адвокаты должны обладать высоким уровнем интегритета и профессионализма. Они должны соблюдать законы и нормы поведения, связанные с их профессией, и не должны совершать действий, которые могут нанести ущерб репутации адвокатской профессии.

4. Адвокаты должны избегать конфликта интересов между своими клиентами. Если возникает потенциальный конфликт интересов, адвокаты должны немедленно уведомить своих клиентов и принять меры для разрешения этого конфликта.

5. Адвокаты должны постоянно развивать свои профессиональные навыки и знания, чтобы быть в курсе последних изменений в законодательстве и судебной практике.

На основе приведённых ранее данных представляется возможным сравнить особенности института адвокатуры в Российской Федерации и Великобритании. В целях наглядности мы оформили эти данные в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение адвокатуры России и Великобритании

Характеристика	Адвокатура в Великобритании	Адвокатура в России
История	Богатая и долгая история, начиная со средневековых времен	История начинается с 1864 г., после реформы Александра II
Обязанности и функции	Представление интересов клиентов в суде, консультации, составление документов	Представление интересов клиентов в суде, консультации, составление документов
Процесс получения статуса	Сложный и длительный процесс, включающий обучение, экзамены и практику	Также требуется обучение, экзамены и практика, но процесс менее формализован
Статус адвоката	Характерно наличие двух статусов: солиситоров и барристеров. Регулирование статуса и деятельности адвокатов осуществляется на основе нескольких законов	Вопросы адвокатского статуса урегулированы единственным Законом об адвокатуре, и статус адвоката является единым
Этические нормы	Строгие этические нормы и правила поведения	Также существуют этические нормы, но их соблюдение менее строго контролируется
Система образования	Существует специализированное образование для адвокатов	Образование включает юридическое образование и специализацию в адвокатуре
Адвокатское самоуправление	Поскольку Великобритания не является федерацией, то её органы адвокатского сообщества образуют один уровень	Россия является федерацией, поэтому здесь двухуровневая организация органов адвокатского сообщества: на уровне субъектов и на общефедеральном уровне)
Роль в юридической системе	Адвокаты играют важную роль в защите прав и интересов граждан	Адвокаты также играют важную роль в защите прав и интересов граждан

В заключение хотелось бы добавить, какой положительный опыт наша страна может перенять у британцев для совершенствования адвокатской деятельности. Как уже было отмечено ранее, в Великобритании студенты должны проходить двухгодичную практическую стажировку, во время которой они работают в юридической фирме или организации под руководством опытного адвоката. В России же такого не предусмотрено: у нас для получения статуса адвоката необходим стаж работы по юридической специальности не менее 2-х лет либо стажировка в адвокатском образовании в течение 1–2 лет, при этом более опытный адвокат, который курировал бы прохождение стажировки, не предполагается. Как нам кажется, это является существенным минусом, так как у молодых специалистов отсутствует наставник, который мог бы поделиться с ними частью опыта на первых порах работы. Если же перенять данное явление у Великобритании, то это способствует тому, что адвокаты, которые только вошли в профессию в РФ, будут иметь на старте своей деятельности хороший практический опыт и знания. Это в свою очередь приведет к повышению уровня и качества адвокатских услуг и в целом улучшит картину правозащитной деятельности в России.

В данной статье мы рассмотрели основные аспекты адвокатуры в России и Великобритании. Мы изучили историю адвокатуры, обязанности и функции адвокатов, процесс получения статуса адвоката, особенности адвокатской практики, этические нормы и правила поведения, систему образования и подготовки адвокатов. Это позволило нам получить более полное представление о профессии адвоката в и ее значимости в правовой системе рассмотренных нами стран.

Список литературы

1. Филонов А. В., Стрельникова И. Ю. Адвокатура как институт гражданского общества в Российской Федерации и Западной Европе: сравнительно-правовой анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2.

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ от 31.05.2002 (посл. ред.) // КонсультантПлюс.

3. Павлов Р. К. Профессия юриста и адвоката в России и Великобритании // Бюллетень Адвокатской палаты Вологодской области. 2015. № 1 (33).

4. Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран : учебник / МГИМО(У) МИД РФ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2006.

5. Власова А. А., Исаенкова О. В. Адвокатура в России : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008.

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАВЛА ДЕГАЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Елизавета Ивановна Квашнина

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

При изучении российского гражданского процессуального права нельзя обойти стороной исследования Павла Ивановича Дегая.

Павел Иванович Дегай (1792–1849) – российский государственный деятель, правовед, автор многих исследований в области права, в том числе, в области гражданского процессуального права.

Личность П. И. Дегая почти неизменно оценивалась положительно и его знакомыми, и исследователями его творчества. Среди его достоинств – трудолюбия, образованности, твёрдости характера, воспитанности – отмечали любовь к науке: «Несмотря на занятия по службе, а также работы во многих комиссиях<…>, он сохранил любовь к теоретической разработке вопросов права и все досуги свои посвящал научному исследованию в области юриспруденции» [1]. Даже его противники отмечали его положительные стороны; А. Ф. Кони, отрицая глубину его личности и талант писателя, признавал, что П. И. Дегай – «Умный и очень образованный юрист, с просвещенными и широкими научными взглядами и философским направлением» [2].

Исследований его творчества не так много, и они похожи друг на друга; большая часть их повторяет выводы дореволюцион-

ных словарей, в которых были сформулированы обобщенные характеристики его книг. В прижизненных отзывах его труды оценивались исключительно положительно, в более поздних обзорах высоко оценивались его книги по зарубежному праву (отмечались обширность изучения, философские взгляды) и сравнительно низко – по отечественному. Здесь его обвиняли в формализме, на его исследования смотрели как на исключительно описательные, представляющие собой пересказ законов почти без пояснений. В современных исследованиях его творчества указывается на противоречивость его трудов: учёный обладал широкими взглядами, но не отражал их в своих трудах: «Подобный широкий взгляд на систему методов П. И. Дегая, однако, не соответствовал практике его научных исследований» [4, с. 199].Однако отмечались и достоинства его исследований: ценность для его времени, доступность изложения, положительно повлиявшие на науку и практику: учёный «оказывал широкое образовательное влияние в среде российских законоискусников-практиков, получавших случайные юридические сведения в правительственных канцеляриях, и явился проводником в эту темную среду более широких и просвещенных взглядов в области юриспруденции» [1].

Среди его работ необходимо отметить Учебную книгу российского гражданского судопроизводства губерний и областей на общих правах состоящих», составленную для Ими. Училища Правоведения. Про данный труд П. И. Дегая «Учебная книга российского гражданского судопроизводства губерний и областей на общих правах состоящих» писали: «По-видимому, это был первый отечественный учебник по гражданскому процессу» [3]. Действительно, это учебник, его цель – научить, дать представление о законодательстве, следовательно, описательность и формализм представляются скорее достоинством, в большей или меньшей степени необходимой принадлежностью любого учебника; в данном случае они объясняются также стремлением автора обратить наибольшее внимание на практику: «Автор преследовал конкретную цель – ознакомление обучающихся с проблемой права в целом или отдельной его отраслью» [4, с. 199].

Книга была впервые издана в 1840 г., переиздавалась в 1843, 1846 гг. В каждом переиздании были изменения: отмечались изменения законодательства, было расширено предисловие (о целях учебной книги). Переиздания отмечались в рецензиях, что свиде-

тельствует об интересе публики к книгам автора, показывает, что они не устаревали.

В предисловии указывается, что книга написана по поручению принца П. Г. Ольденбургского (внука Павла I), основателя Училища Правоведения (где преподавал и сам П. И. Дегай), для обучения его студентов, что еще раз подчёркивает её учебный характер и практическую направленность. Далее автор показывает различия в законодательстве и учебной книге по нему, указывая на невозможность точного повторения законов, называет свои требования к учебнику: краткость, систематичность; указывает, что в учебнике кроме изложения законодательства должна быть теория: «Одно механическое познаніе положительныхъ законовъ недостаточно: учебная книга должна вмѣстѣ вести и к соображеніямъ теоретическимъ, коихъ нить указала бы общую связь законодательства» [5, с. 1]. Данное утверждение уже отрицает обвинение автора в исключительной описательности. Для удобства учеников описания законов государства и мест напечатаны разными шрифтами; это показывает внимание автора к ученикам, его стремление помочь им запомнить и понять материал, что составляет ценность учебной книги.

За предисловием следует введение – «Черты, отдѣляющія гражданское судопроизводство от прочихъ соприкосновенныхъ предметовъ» [5]. Здесь утверждается, что гражданский процесс необходимо изучать в системе с другими науками о праве. В шести последующих параграфах рассматриваются не связи с другими науками, а возможные случаи смешения гражданского процесса с другими отраслями права в работе юриста: когда дела, похожие на гражданские, должны рассматриваться в уголовном судопроизводстве (если документ фальшивый), в каких случаях их нужно рассматривать по местным законам.

Книга делится на две части в зависимости от двух родов процесса, выделяемых автором: судопроизводство понудительное и судопроизводство примирительное. В первой части рассматриваются основные положения гражданского процесса (причём в отдельных случаях заметно сходство с современной наукой).

В главе «О тяжущихся сторонахъ» формулируются положения, во многом аналогичные с современными представлениями об участниках гражданского процесса: истец и ответчик, представители («поверенные»), третьи лица («посторонние лица в тяжбе»).

В следующих главах рассматриваются подсудность, сроки, доказательства, способы обеспечение иска и т. д. Далее рассматривается производство в разных судебных инстанциях (которые назывались также «судебные степени»). Наиболее подробна глава о первой инстанции, где описываются стадии разбирательства, судебные издержки, штрафы, мировые соглашения – «мировые сделки» и т.д. Во «второй степени Суда» рассматривались апелляции на решения первой инстанции и некоторые дела собственно данной инстанции (права казны, межевые, горные дела, выход из крепостного права). Департаменты Сената рассматривали споры между государственными учреждениями, дела по спорам граждан и казны. Общие Собрания Сената разбирали дела, вносимые сюда по высочайшему повелению, дела, для рассмотрения которых необходимо принять новый закон или пересмотреть, изменить или отменить уже действующий. Государственный Совет рассматривал дела, вносимые сюда по высочайшему повелению, дела, возникшие из-за издания новых законов, дела по передаче государственного имущества в частное, дела, по которым судьи предыдущей инстанции не пришли к согласию или с их решением не согласился министр юстиции.

Вторая часть книги значительно меньше по объему. Здесь рассматриваются способы примирения сторон в специальных судах. Разбирательство дел через посредников означало, что по тяжбам между крестьянами мог организовываться Примирительный суд, также состоящий из крестьян. Словесные суды рассматривали торговые споры – по собственно делам купцов и по «ссорам, дракамъ и личнымъ обидамъ между хозяевами и приказчиками» [5, с. 225]. Третейский суд рассматривал споры между организациями, споры «собственность книги» [5, с. 239]. Совестный суд разрешал споры между детьми и родителями. Во всех судах участвовали посредники. Примирительные судебные органы могли рассматривать дела как по желанию истца и ответчика, так и в установленных законом случаях обязательно (подобно тому, как в настоящее время существуют обязательные примирительные процедуры).

Во всём тексте книги присутствуют многочисленные ссылки на статьи законов, которые показывают научную добросовестность автора и облегчает работу ученикам.

В 1847 г. издаётся дополнение к учебнику – «Учебная книга российского гражданского судопроизводства и судебного дело-

производства». П. И. Дегай замечает, что рассматриваемые им предметы кажутся второстепенными, однако они важны, так как «болѣе или менѣе, охраняютъ правдивость, быстроту и стройность судебныхъ действий» [6, с. 1]. В данной книге часто встречаются ссылки на предыдущую книгу, что показывает их преемственность.

Во введении, кроме объяснения цели книги (дополнение учебника), приводится краткий очерк истории судов, причем автор указывает, что это чуждо задачам данной книги, но полезно «для большаго поясненія нынѣшняго положенія судопроизводства» [6, с. 11], и приводит ссылки на труды исследователей истории гражданского процесса. Это показывает, что автор разбирался не только в практике, но и в теории. В первой главе описывается разделение России «въ порядкѣ управленія губернскаго» [6, с. 1] на губернии, области, земли. В следующих главах рассматривается деятельность различных судебных органов: как должны быть устроены помещения суда, когда суды начинают и заканчивают работу, описывается состав суда, виды заседаний, требования к документам, требования к членам суда, их ответственность. Завершают книгу приложения: список сокращений, формы документов. Заметно сходство утверждений П. И. Дегая в данном исследовании с некоторыми современными положениями гражданского процесса – в теории и в общих положениях.

При жизни П. И. Дегая учебник пользовался необыкновенным авторитетом, был очень распространен. В рецензиях критики исключительно одобрительно отзывались и об авторе, и о его сочинениях. В отзыве на одно из переизданий книги читаем: «Сочиненіе господина Дегая о россійскомъ судопроизводствѣ <...> пользуется уже такою извѣстностью и въ такомъ общемъ употребленіи, что всякая похвала ему была бы не новою» [7, с. 45], «многочисленныя сочиненія г. Дегая давно уже заняли почетное мѣсто въ нашей юридической литературѣ. Посредствомъ ихъ наша публика познакомилась со множествомъ вопросовъ, занимающихъ важное мѣсто въ юриспруденціи всѣхъ образованныхъ народовъ» [8, с. 131]. О самом авторе писали как о несомненном авторитете: «Дегай, пріобретший уже давно почетную извѣстность руководствами по предмету Русскаго судопроизводства» [9, с. 86]. В более поздних описаниях деятельности П. И. Дегая, несмотря на крити-

ческий взгляд на них, отмечалось, что он «оставил после себя добрую память в русской юриспруденции» [10].

Также нужно отметить, что работа П. И. Дегая активно использовалась при обучении студентов Московского университета. Согласно имеющимся отчетам, с 1854 по 1857 год ординарный профессор Ф. Л. Морошкин читал курс теоретического и практического судопроизводства по Своду законов и по учебнику Дегая «Учебная книга Российского гражданского судопроизводства». Не исключено, что Дегаевская «Учебная книга», написанная на основе практики Сената и Свода Законов 1832 года, вообще явилась основным учебником по российскому гражданскому судопроизводству в сороковые-пятидесятые годы XIX века [11, с. 34].

Таким образом, среди характерных черт книги П. И. Дегая можно назвать её практическую и учебную направленность, сочетающуюся теоретическими обобщениями, служащими в основном для лучшего объяснения норм законов, и доступность изложения. Это определяет значение книги: популяризация законов и положительное влияние на развитие юридического образования.

Список литературы

1. Черкас А. Дегай Павел Иванович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1905. Т. 6. С. 159–160. URL: https://runivers.ru/bookreader/book436250/#page/1/mode/1up

2. Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. URL: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_1914_gaaz.shtml

3. Боннер А. Т. История гражданского процессуального права // Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2017. Т. I. 384 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008917452/

4. Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий / под ред. В. М. Сырых. М. : РАП : Юрист, 2009. URL: https://znanium.ru/read?id=365051

5. Дегай П. И. Учебная книга российского гражданского судопроизводства губерний и областей на общих правах состоящих, составленная для Императорского Училища правоведения Павлом Дегаем. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. 250 с. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003542917?page=1&rotate=0&theme=white

6. Дегай П. И. Учебная книга российского гражданского судопроизводства и судебного делопроизводства. СПб. : тип. Фише-

ра, 1847. 187 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003561345?page=2&rotate=0&theme=white

7. Декабрь, 1843. Новые книги и брошюры. Библиотека для чтения. 1844. Т. LXII. URL: http://magzdb.elibrary.keenetic.pro/ul/259/1844/001/%D0%91%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20062%201844.pdf

8. Дегай П. Ипотекарные системы и влияние их на финансы и вообще на государственное благосостояние. Сочиненіе П. Дегая // Современник. 1849. Т. 14, № 4. С. 131–132. URL: https://books.google.ru/books?id=ei8YAAAAYAAJ&pg=PP11#v=onepage&&f=false

9. М. К-нъ. Ипотекарные системы и влияние их на финансы и вообще на государственное благосостояние. Соч. П. Дегая // Москвитянин. 1849. № 11, кн. 1. С. 86–88. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000188653?page=96&rotate=0&theme=white

10. Нечаев В. М. Дегай Павел Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1893. Т. X. С. 255–256. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10150/#page/1/mode/1up

11. Аргунов В. В., Салогубова Е. В. Судебная реформа 1864 г. и российская наука гражданского процессуального права // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов : в 2 т. М. : Юстицинформ, 2014. Т. 1, гл. 8. С. 439–512.

РОЛЬ Я. И. БАРШЕВА В МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 1840-х гг.

Елизавета Ивановна Квашнина

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Модернизация – процесс обновления разных сторон жизни, в том числе права. В России модернизации придаётся особая важность: «данный процесс является частью нашей жизни в настоящий момент, частью, а зачастую основным содержанием истории

соответственно России, Российской империи, Советского Союза и наконец Российской Федерации» [1]. Модернизация происходит постоянно, но иногда усиливается. Одним из пиков обновления отечественного права и такой его отрасли как уголовный процесс были 30–40-е годы XIX в. Среди юристов того времени, работающих над обновлением уголовного процесса, выделяется Яков Иванович Баршев.

Обычно, описывая жизнь Я. И. Баршева (1807–1894), его сравнивают с братом Сергеем Ивановичем Баршевым (1808–1882). Их судьбы были похожи. Оба учились в Московской духовной академии; оба попали в число трёх лучших учеников, отобранных по инициативе М. М. Сперанского (с которым Я. И. Баршева впоследствии связывала особенная дружба)для обучению праву, и отправлены сначала в Санкт-Петербург во II-е отделение собственной е. и. в. канцелярии, занимающейся составлением законов, затем, для совершенствования знаний – в Германию, потом оба участвовали в комиссии по составлению законов и преподавали право. Общим в их биографиях является даже то, что каждого из них считают зачинателем целой науки: «Оба они стояли у истоков одних из основных отраслей юриспруденции: Я. И. Баршев – уголовно-процессуального права, С. И. Баршев – уголовного права» [2]. С. И. Баршев более известен среди исследователей и мемуаристов, он больше написал, его карьера сложилась удачней, но Я. И. Баршев был вполне самостоятелен как учёный, а его научные воззрения менее зависели от мнения тогдашних властей.

Роль Я. И. Баршева в модернизации уголовного процесса можно рассматривать с нескольких сторон: как учёного, как преподавателя, как практика-составителя законов.Данное разделение условно: сам учёный рассматривал их вместе. Описывая законодательную работу Второго Отделения, он говорит о её влиянии на науку: «Но въ исторіи совершившагося перваго пятидесятилѣтія Втораго Отделѣнія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи есть еще другая, блистательная, дорогая для просвѣщенія и науки страница, кромѣ той, на которой начертаны заслуги его передъ законодательством. Въ эту страницу должно быть вписано то могучее, плодотворное содѣйствіе его, которому русская наука одолжена своимъ развитіемъ, распространеніемъ и процвѣтаніемъ» [3, с. 5].

Я. И. Баршев участвовал в обновлении права не только как учёный, развивая новые идеи в научных трудах, но и как практик: он участвовал в составлении законов: «Творческое наследие Я. И. Баршева невелико по объему: Яков Иванович имел меньше времени для своих научных занятий, чем его брат Сергей, поскольку был занят не только в университете, но и на практической работе в государственных учреждениях, разрабатывавших проекты законов» [4, с. 309].

Я. И. Баршев участвовал в составлении главных собраний законов Российской империи – «Полного собрания законов Российской Империи» и «Свода законов Российской империи». Ученый переводил Свод Законов на немецкий язык (вместе с другими членами комиссии, организованной специально для этого перевода). Ему принадлежат многие законопроекты, среди которых выделяется кодификация врачебного устава; он состоял в комиссиях по составлению законов о раскольниках, каторжных работах, преобразованию тюрем. Он работал в законодательных органах – II Отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии, Кодификационном отделе государственного совета и дослужился до высокого чина – тайного советника (IV чин Табели о рангах). О работе комиссии Я. И. Баршев вспоминает в «Исторической запискѣ о содѣйствіи Второго отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи развитію юридическихъ наукъ въ Россіи». Возможно, законодательная деятельность для Я. И. Баршева была важнее других сторон его деятельности: он оставил преподавание, написал не так много. Он ушёл в отставку в начале 1894 г. (в 87 лет!) после упразднения кодификационного отдела, незадолго до смерти.

Другая сторона деятельности Я. И. Баршева в модернизации права – внедрение новых преподавательских методик. Учёный преподавал юридические науки в Санкт-Петербургском университете, Царскосельском лицее (впоследствии переименованном в Александровский лицей), Пажеском корпусе, Императорском училище правоведения. Для Александровского лицея он разработал программу преподавания юридических наук, по которой Лицей работал несколько десятков лет. Цель программы – «твердое и полное познаніе законовъ и высшее юридическое образованіе» [5, 277]. Благодаря Я. И. Баршеву в лицее было увеличено число юридических дисциплин, стало больше преподавателей (до него в Лицее право преподавал всего один профессор).

Я. И. Баршев – автор первого в России учебника уголовного процесса – «Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству» [6] (1841).

Само преподавание Я. И. Баршева было совершенно новым и приносило пользу студентам: он в «первое время своего профессорствованія значительно поднял научный уровень преподаванія уголовнаго права»[7, с. 206]. До Я. И. Баршева требовалось только знание законодательства, преподавание «носило исключительно практическій, такъ сказать подъяченскій характеръ» [7, с. 206]. Я. И. Баршев же добавил в преподавание уголовного процесса его теоретическое осмысление, исторический анализ, сравнение с другими странами, философский элемент. Он был очень строг и требователен к студентам, требовал основательного изучения предмета:«Отмѣнно точный, неумолимо строгій къ самому себѣ, къ честному выполненію своихъ обязанностей, онъ такъ же неумолимо строгъ былъ и къ слушателямъ, требуя отъ нихъ усердія, точности и добросовѣстнаго отношенія къ наукѣ. Онъ считался грозою на экзаменахъ, а вмѣсте съ тѣмъ онъ внушалъ къ себѣ глубокое уваженіе, благодарность и любовь молодежи» [8, с. 34].

Самая яркая роль принадлежала Я. И. Баршевув науке уголовного процесса: «братья Я. И. и С.И. Баршевы становятся не только едва ли не единственными представителями российской уголовно-процессуальной науки в дореформенный период, но и ее подлинными основоположниками» [9], «Я. И. Баршев своими научными трудами и воззрениями на долгие годы вперед определил развитие уголовно-процессуальной науки» <…> «многие положения из их научных разработок являются практически применимыми и в настоящее время» [2]. Отдельные научные положения трудов Я. И. Баршева (разграничение уголовной подсудности; учение о предварительном следствии, о приговоре) применимы и в настоящее время: «Многие его научные идеи актуальны и сегодня и используются как в теории, так и на практике» [2].

Современники оценили книгу как часть происходящего в то время обновления права, связывая её публикацию с появлением Свода законов и изменением юридических факультетов. В журналах появились рецензии; труд встретили как «книгу весьма почтенную, основательную, важную, достойную всякой похвалы, словом» [10, с. 10].

Я. И. Баршев называет предмет, метод, источники уголовного процесса, его место в системе наук, утверждает, что формы и правила уголовного процесса необходимы для борьбы против самоуправства, частного произвола. Судопроизводство разделяется на судопроизводство и судоустройство, понятие уголовного судопроизводства определяется как: «...объемъ различныхъ правилъ и предписаній закона относительно формъ, условій и требованій, которымъ долженъ слѣдовать судья при изслѣдованіи, сужденіи и рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ и исполненіи поставленныхъ надъ ними приговоровъ» [6, с. 41].

Книга повлияла на модернизацию уголовного процесса ещё и потому, что кроме научных положений содержит прогрессивные идеи. Обосновывается необходимость защитника обвиняемого (суд и следователь должны искать не только обвинение, но и оправдание; обвиняемому принадлежит неограниченное право защищаться, но у него недостаточно юридических знаний, поэтому ему предоставляется защитник – «депутат» [6, с. 17] в зависимости от сословия); здесь заметно постепенное отступление от обвинительного процесса.

В связи с тем, что наука уголовного процесса совершенно новая, Я. И. Баршеву приходится объяснять её необходимость, опровергать возможные нарекания, поэтому в книге много философских рассуждений. Автор пишет о важности науки, утверждает необходимость её изучения, недопустимость самоуправства и т.д. По словам учёного, изучение науки уголовного процесса нужно для утверждения справедливости, ненавидеть нужно не преступника, а его преступление, судья – не просто человек, а олицетворение государства; само государство, осуждая преступников, утверждает справедливость.

Итак, Я. И. Баршев участвовал в модернизации уголовного процесса как отрасли права, науки, учебной дисциплины.

Список литературы

1. Белинков А. В. Модернизация права в России (теоретический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1999. 169 с. URL: https://www.dissercat.com/content/pravovye-idei-yakova-ivanovicha-barsheva-i-sergeya-ivanovicha-barsheva

2. Копылов О. Б. Правовые идеи Якова Ивановича Баршева и Сергея Ивановича Баршева : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2011. 205 с. URL: http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovye-idei-jakova-ivanovicha-barsheva-i-sergeja-ivanovicha-barsheva.html

3. Баршев Я. И. Историческая записка о содѣйствіи Второго отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи развитію юридическихъ наукъ въ Россіи. СПб : тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. 32 с. URL: https://www.prlib.ru/item/713308

4. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества : в 3 т. М. : Зерцало-М, 2015. Т. 1. 468 с. URL: http://tomsinov.com/Articles/Misc/rossijskie_pravovedy-tom_1.pdf

5. Селезнёв И. А. Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 г. СПб., 1861. URL: http://books.google.com/books?id=aJJXwsyT5t8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

6. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб. : тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. 297 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003560217/

7. Венгеров С. А. Критико-біографический словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней) : 6 т. Т. II. Вып. 22–30. Бабаджано – Бензенгръ. СПб. : Семеновская Типо-литографія (И. Ефрона), 1891. 424 с. URL: https://runivers.ru/bookreader/book16779/#page/207/mode/1up

8. Я. И. Баршев. Всемирная иллюстрация. 1895 г. Т. LIII. С. 34. URL: http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/16814-vsemirnaya-illyustratsiya-1895-tom-liii-locale-nil-2#mode/inspect/page/13/zoom/8

9. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. URL: https://be5.biz/pravo/u010/index.html

10. Февраль, 1841. Новыя книги. Библіотека для чтенія, журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ. Т. 45. URL: https://books.google.ru/books?id=iC0WAAAAYAAJ&pg=PA1#v=onepage&q&f=false

МОДЕРНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

Сергей Николаевич Климов

студент Юридического института
Пензенского государственного университета

Российская судебная система, как и судебные системы развитых стран, представляет собой сложную иерархическую организационно-правовую структуру, включающую различные органы, осуществляющие отправление правосудия. Она сформировалась в результате длительного исторического развития нашей страны, отражает правовые традиции и связана с принципами федеративного, светского и социального характера российского государства, закрепленными в Конституции РФ.

На современном этапе государственного строительства нормативно-правовые основы судебной власти и судебной системы являются высокоразвитыми, но не до конца кодифицированными [2]. Такая ситуация способствует динамизму и разнообразию развития и модернизации судебной системы. Важно отметить, что Конституция РФ определяет основные принципы и условия правовой деятельности судебной власти, и эти принципы успешно реализуются в современной российской юридической практике [1].

Однако в правовой доктрине уже давно настаивают на необходимости государственного реформирования российской судебной модели в области защиты и обеспечения прав личности. Эта точка зрения подтверждается соответствующими источниками [5].

В экспертной литературе акцентируется внимание на том, что Конституция нуждается в реформировании. В настоящее время особенно важно обеспечить стабильное и поступательное развитие общества, что предполагает только позитивные изменения в содержании Конституции РФ. Это мнение подтверждается соответствующими источниками [7].

На основании этого можно сделать вывод, что внесение поправок в Конституции России является обоснованным. В рамках этих изменений должно быть произведено “переформатирование” внешних и внутренних политических установок в современных условиях.

Необходимо отметить, что судебная ветвь власти является своеобразной «лакмусовой бумагой»: в ней особо точно отражаются интересы общества в правовой сфере; помимо этого, деятельность судебных органов особо отражает работу гражданского общества и защиту гарантированных законом прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В 2020 года высшие органы государства обратили на это внимание: 14 марта 2020 года был принят закон РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3].

Уже летом, 1 июля 2020 года, была проведена электоральная процедура – общероссийское голосование, результатом которого стало внесение в Конституцию важных и значимых изменений ли внесены значительные поправки в Конституцию Российской Федерации. Это повлекло масштабные изменения во всех ветвях власти Российской Федерации [4].

Особенно важные изменения были внесены в главу о судебной власти; внесенные поправки закрепили важные положения в данной сфере осуществления полномочий государства.

Основным, давно назревшим изменением стало закрепление в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации наряду с уже традиционными и действующими видами судопроизводства как формы осуществления судебной власти арбитражного судопроизводства. В ч. 3 этой же 118 ст. Конституции были добавлены мировые судьи как низовой уровень судебной системы России.

Важным шагом на пути к закреплению суверенности Российской Федерации стало установление прямого конституционного запрета для членов судейского корпуса на двойное гражданство. Это положение было внесено в ст. 119 Конституции России, устанавливающей требования к судьям.

Законопроект уточняет правовой статус и функции Конституционного суда [6]. Конституционный суд осуществляет конституционное судопроизводство в целях защиты основ конституционного строя, основных прав человека, прав и свобод граждан, обеспечивает верховенство и прямое действие Конституции во всех сферах жизнедеятельности Российской Федерации. Кроме того, число судей Конституционного Суда было сокращено с 19 до 11 (ст. 125, ч. 1 Конституции РФ).

В современных условиях Конституция РФ четко определяет конституционно-правовой статус Верховного Суда и других судов, а также предусматривает, что порядок осуществления соответствующего судопроизводства регулируется нормами процессуального права (ст. 128, ч. 3 Конституции РФ). Следует отметить, что включение в Конституцию положений о судопроизводстве свидетельствует о твердом намерении государства заложить основы российской судебной системы и преобразовать ее динамичные элементы в нормативные правовые акты законодательного и нижестоящего уровней.

Поправки к Конституции Российской Федерации являются в определенной степени новаторским шагом, отражающим поступательное и цивилизованное развитие российского общества и государственности. Они модернизируют основные компоненты судебной системы и определяют ее место в общей системе государственной власти, сохраняя при этом конституционную стабильность и эффективность функционирования (ст. 71д, ч. 2 ст. 80 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). В свою очередь, модернизация судебной власти способствует обеспечению конституционной безопасности общественных и государственных структур, а также материальной конституции страны. Это важное направление конституционного строительства современной России.

Важно отметить, что в рамках конституционной реформы особое внимание уделяется Конституционному Суду РФ. Вероятно, сегодня статус этого судебного института меняется, его полномочия переходят в политическую сферу, усиливается его роль в обеспечении государственного суверенитета и территориальной целостности. Именно этот орган государственной власти может подтвердить режим конституционализма в правовой системе страны. При этом Конституционный Суд РФ остается главным звеном в механизме конституционной защиты основных правовых положений страны.

В современных условиях модернизация судебной системы вполне оправдана, поскольку соответствует неуклонному движению к укреплению законности и принципов государственного управления. Россия стремится иметь динамично развивающуюся судебную систему, обеспечивающую качественный набор правовых инструментов, направленных на эффективную защиту прав граждан, национальной солидарности и фактов истории [8].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://consultant.ru
2. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон № 1-ФКЗ от 31.12.1996 (редакция от 16.04.2022) // Российская газета. 1997. № 3.
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14.03.2020. URL: http://consultant.ru
4. Баринов Э. Э. Конституционная реформа-2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 3–8.
5. Безруков А. В., Жильцов А. В. Общественный порядок, правопорядок и безопасность: грани пересечения и соотношение правовых категорий // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 17–22.
6. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3–7.
7. Саликов М. С. Конституционные реформы и стабильность Конституции: проблемы поиска баланса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 5–14.
8. Тепляшин И. В. Молодежные общественные структуры: потенциал публичного управления и общественного контроля // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 20–23.

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В ОТНОШЕНИИ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Андрей Иванович Кравцов

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Стремительное развитие информационных технологий и информационных систем, разработка более совершенных технических

устройств облегчают совершение преступных деяний в информационной сфере, а так называемую киберпреступность можно отнести к негативным последствиям научно-технического прогресса. Стоит сказать, что с каждым годом формы киберпреступности, методы осуществления киберпреступлений совершенствуются и видоизменяются. Как следствие на уровне правоохранительных органов, да и в целом органов государственной власти необходимо уделять повышенное внимание поддержанию уровня защищенности электронных информационных ресурсов, информационных систем от внешних и внутренних угроз.

Не случайно в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД Президент РФ В. В. Путин отметил, что за последние шесть лет число преступлений в сфере информационных технологий возросло более чем в десять раз, а задача правоохранительных органов на данном этапе – эффективно ответить на криминальный вызов, связанный с ростом киберпреступности, защитить граждан и бизнес от подобных преступных посягательств [1].

В вопросе защиты и восстановления нарушенных прав потерпевших от мошеннических действий значимое место занимает проблема определения места совершения преступлений по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств, поскольку в следственной и судебной практике нередко возникают споры относительно правильности определения места совершения рассматриваемых преступлений.

Верное определение места совершения преступления имеет огромное значение и в целом влияет на ход расследования и привлечение лица к уголовной ответственности. Так, из содержания ст. 47 Основного закона нашего государства следует, что каждый имеет право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом[1]. Территориальная подсудность уголовного дела в силу положений уголовно-процессуального законодательства связана именно с местом совершения преступления, что подтверждается содержанием ст. 32

[1] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных федер. конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

УПК РФ[1]. Более того, согласно ст. 73 УПК РФ место совершения преступления – это обстоятельство, подлежащее доказыванию при производстве по уголовному делу. Нарушение территориальной подсудности можно квалифицировать как рассмотрение дела незаконным составом суда, что, в свою очередь, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, и, как следствие, основанием отмены судебного решения.

Несмотря на то, что законодатель придает огромное значение правильному определению места совершения преступления, из содержания уголовного, а также уголовно-процессуального законодательства не следует, что же именно стоит понимать под местом совершения преступления. Проблема определения места совершения преступления актуальна для многих преступных деяний, но наибольшие трудности она вызывает при расследовании преступлений по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств.

Как указывает в своем исследовании судья Томского областного суда А. В. Архипов, в научной литературе существуют точка зрения относительно того, что под местом совершения мошенничества стоит понимать не то место, где виновный обратил похищенное имущество в свою пользу или же пользу иного лица, а место изъятия похищенного имущества, или место совершения обмана, цель которого состоит в противоправном изъятии имущества у потерпевшего [2, с. 6].

Стоит отметить, что в большинстве случаев данные локации совпадают, соответственно ни у следственных органов, ни у суда не возникает трудностей с определением подследственности, а затем и подсудности уголовного дела и правильной квалификацией преступного деяния. Совершенно иным образом складывается ситуация, когда указанные места не совпадают, что, как раз характерно для хищений безналичных денежных средств, в структуре которых достаточно высокий удельный вес составляют различные виды мошенничества.

Рассмотрим различные подходы, содержащиеся в правоприменительной практике, касающиеся определения места совершения мошенничества с использованием безналичных денежных средств.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

Так, достаточно типичной является ситуация, когда одно лицо, используя средства мобильной связи, просит другое лицо, находящееся в ином населенном пункте, перевести денежные средства за оказание определенных услуг или в качестве оплаты якобы реализуемого товара. В соответствии с достигнутой договоренностью добросовестным приобретателем безналичным путем осуществляется перевод денежных средств, однако, оговоренные услуги не оказываются, а товар не поставляется, поскольку первое лицо, вводя потерпевшего в заблуждение относительно своих истинных намерений, не собиралось исполнять взятые на себя обязательства. В этой связи возникает вопрос относительно правильности определения места совершения подобного преступления.

Если мы обратимся к Уголовному кодексу РФ то увидим, что ч. 2 ст. 9 УК РФ определяет время совершения преступления, которым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Это решение законодателя, по нашему мнению, является вполне правильным и в настоящее время поддерживается большинством ученых. То есть из положения ч. 2 ст. 9 УК РФ следует, что местом совершения преступления следует считать территорию, на которой были совершены общественно опасные действия (бездействие).

Верховный Суд Республики Саха (Якутия), рассматривая в апелляционном порядке одно из уголовных дел, указал, что местом совершения преступления, связанного с мошенничеством в отношении безналичных денежных средств, является место, откуда обвиняемые осуществляли телефонные звонки, поскольку при телефонном мошенничестве общественно опасное деяние происходит во время телефонного разговора, а местом совершения этого преступления является место нахождения обвиняемого лица независимо от места окончания преступления[1].

Аналогичная правовая позиция изложена и в апелляционном постановлении Тульского областного суда[2].

---

[1]Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 14 марта 2019 г. по делу № 22-380/2019 // Гарант.

[2]Апелляционное постановление Тульского областного суда от 29 декабря 2014 г. по делу № 22-2472 // Гарант.

Тем самым, мы видим, что в данном случае суды не связывают место совершения общественно опасного деяния с местом наступления общественно опасных последствий, соответственно, в таком случае, понятие преступления, изложенное в УК РФ, не совпадает с понятием преступного деяния в контексте УПК РФ.

Стоит обратить внимание, что аналогичного подхода придерживается и Генеральная прокуратура РФ, что подтверждается содержанием информационного письма от 3 ноября 2015 года[1].

Кроме того, в настоящее время в связи с развитием информационных технологий при расчетах часто используются виртуальные платежные сервисы (например, Qiwi и т.п.), где открытие счетов происходит без привязки к конкретному офису. Клиент по своим регистрационным данным самостоятельно открывает виртуальный кошелек, который имеет свой номер и существует только в электронном варианте, на сайте платежной системы. В этой ситуации становится проблематичным установить место списания безналичных средств. В некоторых случаях, выполняя требования УПК РФ об обязательном установлении по уголовному делу места преступления, за неимением иного варианта, местом преступления по уголовным делам вынужденно признается центральный (главный) офис организации, предоставляющей услуги виртуального платежного сервиса.

Как указывает Ю. В. Павлюченко, в целом, мошенничество с использованием безналичных денежных средств можно представить следующим образом: обман, изъятие денежных средств, т.е. их списание со счета потерпевшего лица, и, наконец, обращение, т.е. зачисление денежных средств на счет виновного или иного лица [3, с. 72]. Автор обращает внимание, что в этой связи, под местом совершения подобных преступлений следует рассматривать место открытия банковского счета виновного лица.

Надо сказать, что данный вариант определения места совершения хищения, предметом которых являлись безналичные денежные средства, был изложен в проекте Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенни-

[1]Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 3 ноября 2015 г. № 36-11-2015 «Об определении места производства предварительного расследования мошенничеств, совершаемых с использованием телефонной (сотовой) связи» // Гарант.

честве, присвоении и растрате». Однако в окончательном варианте документа, вплоть до внесения в него изменений, он не нашел своего отражения, тем самым, Верховный Суд РФ предоставил право решать этот вопрос правоприменителям в каждом случае индивидуально.

В общих чертах хищение безналичных денежных средств мошенническим способом с объективной стороны состоит из трех этапов: обман, списание денежных средств со счета потерпевшего (изъятие) и зачисление денежных средств на счет виновного или иного лица (обращение). Все перечисленные этапы тесно связаны между собой, и в каждом из них участвует виновный, при этом его участие на отдельных этапах может выражаться как в действии, так и в бездействии.

Понимание места окончания совершения хищения безналичных денег как места открытия банковского счета виновного, на который были зачислены похищенные средства, поддерживается судами и находит свое отражение в правоприменительной практике.

Так, например, в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда указывается, что защитник и осужденный в поданных жалобах утверждали, что при рассмотрении дела судом были нарушены правила подсудности.

Судебная коллегия указанные доводы во внимание не приняла, указав при этом, что, несмотря на то обстоятельство, что виновным денежные средства снимались в различных местах г. Шарыпово, г. Красноярска и т.д., счета, привязанные к банковским картам, были открыты в отделении Сбербанка в г. Шарыпово и хищение денежных средств осуществлялось не из конкретных банкоматов, в некоторых случаях даже сторонних банков, а именно со счетов, открытых в отделении Сбербанка в г. Шарыпово. Учитывая изложенное, местом совершения преступления является г. Шарыпово.[1]

В тоже время если проанализировать позицию высшего судебного органа за период до и после 15 декабря 2022 г, то мы увидим, что место совершение этих преступлений трактовалось поразному.

---

[1]Апелляционное определение СК по уголовным делам Красноярского краевого суда от 16 июня 2016 г. по делу № 22-3271/2016 // Гарант.

Так согласно постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 15.12.2022 № 38) местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств[1].

Однако ранее тем же постановлением Пленума, но в редакции от 29.06.2021 указывалось, что местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

На основании проведенного анализа мнения ученых и правоприменительной практики автору хотелось бы высказать свое предложение по поводу определения места совершения преступления по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств.

Если место совершения виновным лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств установлено, то это место и должно являться местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств.

Если же:

– виновным лицом действия, связанные с обманом или злоупотреблением доверием и направленные на незаконное изъятие безналичных денежных средств совершены за пределами Российской Федерации;

– место совершения виновным лицом действия, связанные с обманом или злоупотреблением доверием и направленные на незаконное изъятие безналичных денежных средств не установлено;

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

– либо виновное лицо открывает свой счет на виртуальный киви-кошелек, то местом совершения данных преступлений следует считать именно то место, где потерпевшим было обнаружено хищение у него безналичных денежных средств.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует вывод о том, что, действительно, проблема определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств имеет острый характер. В связи со стремительным развитием информационных технологий на практике становится все труднее правильно определить место совершения рассматриваемых преступлений. Важность решения рассматриваемого вопроса определяется и тем, что правильность определения места совершения преступлений, связанных с мошенничеством в отношении безналичных денежных средств, оказывает влияние на ход предварительного расследования и вынесения итогового судебного решения.

На данном этапе четкое понимание по вопросу того, что же стоит понимать под местом совершения преступления по делам о хищении безналичных денежных средств, отсутствует и со стороны законодателя, и со стороны правоприменительных органов, что порождает проблемы на практике. Различный подход к определению территориальной подсудности по уголовным делам об указанных преступлениях представляется нецелесообразным, тем самым, возникает необходимость совершенствования уголовно-процессуальных норм, в частности, ст. 152 УПК РФ.

Список литературы

1. Путин словами «мы не успеваем» объяснил рост числа преступлений в ИТ. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/03/2021/603f6ae59a7947b29b0e9b18 (дата обращения: 08.04.2021).

2. Архипов А. В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10.

3. Павлюченко Ю. В. Место совершения преступления и момент его окончания по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2018. № 2. С. 69–78.

ПЕРЕДАЧА ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ИЗ ОДНОГО СУДА В ДРУГОЙ

Анастасия Анатольевна Куликова[1], Марина Сергеевна Чунина [2]

[1]студентка Юридического института Пензенского государственного университета
[2]старший преподаватель кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета

В практике судейских решений не редки случаи, когда исковое заявление и гражданское дело, принятые и возбужденные определенным судом, вынуждены быть переданы для дальнейшего рассмотрения другому суду.

По общему правилу, гражданское дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, даже если в дальнейшем оно станет подсудным другому суду [1]. Однако следует отметить, что при изменении подсудности у мирового судьи, наступают особые последствия [2, с. 268]. Мировой судья вправе передать дело на рассмотрение в районный суд. при наличии оснований, указанных в ч. 3 ст. 23 ГПК.

Согласно ч. 2 ст. 33 ГПК РФ суд передает дело на рассмотрение другого суда, если:

1) ответчик, место жительства или место нахождения которого не было известно ранее, заявит ходатайство о передаче дела в суд по месту его жительства или месту его нахождения;

2) обе стороны заявят ходатайство о рассмотрении дела по месту нахождения большинства доказательств.

3) при рассмотрении дела в данном суде выявится, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности;

4) в результате отвода одного или нескольких судей либо по другим причинам рассмотрение дела в данном суде станет невозможным. Передача дела в этом случае осуществляется вышестоящим судом.

Для более точного описания оснований по передаче гражданских дел из одного суда в другой приведу несколько примеров из судебной практики.

Брежнев О. И. обратился в суд с исковым заявлением к Государственному учреждению – Отделению Пенсионного фонда РФ

по Костромской области о включении периодов работы в специальный стаж. От истца Брежнева О.И. и представителя ответчика ГУ-ОПФ РФ по Костромской области в лице представителя Ловыгиной О. Е. в суд поступило ходатайство о передаче дела по месту нахождения большинства доказательств (п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК) в Нерехтский районный суд Костромской области. В данном случае ходатайства о передаче дела по подсудности по месту нахождения доказательств заявлено сторонами по делу, и являются обоснованными, поскольку пенсионное дело истца Брежнева О. И., а также иные доказательства, имеющие значение для правильного и своевременного разрешения дела, находятся в Нерехтском районе Костромской области [3].

В данном примере передача дела по месту нахождения большинства доказательств является обоснованной, поскольку ходатайство заявили обе стороны, а не одна.

Также примером из судебной практики может послужить Определение Московского областного суда. ООО «ФЕНИКС» обратилось в Орехово-Зуевский городской суд Московской области с иском о взыскании с ответчика в пользу истца задолженности по кредитному договору. Определением Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 20 июня 2022 года гражданское дело направлено в Московский областной суд для разрешения вопроса определения подсудности в связи с тем, что супруга ответчика по делу – Сургай С. А. является мировым судьей Орехово-Зуевского судебного района Московской области. Поскольку, как установлено в определении Орехово-Зуевского городского суда, супруга ответчика по делу – Сургай С. А. является мировым судьей Орехово-Зуевского судебного района Московской области и рассмотрение дела в данном суде признано невозможным (п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК), суд считает необходимым в целях объективного и беспристрастного рассмотрения дела, передать настоящее дело на рассмотрение в другой ближайший суд Московской области – Ногинский городской суд Московской области [4].

В рассматриваемой примере видно, что суд заметил обстоятельства, по которым данное дело не может быть рассмотрено в Орехово-Зуевском городском суду и передал дело для рассмотрения в другой суд.

Еще один пример из судебной практики. Карташова В. П. обратилась с указанным иском в Ленинский районный суд г. Воронежа. В предварительном судебном заседании было установлено, что

истец зарегистрирована по адресу, который в территориальных границах Ленинского района г. Воронежа не находится. В соответствии с п. 3. ч. 2 ст. 33 ГПК РФ суд передает дело на рассмотрение другого суда, если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности. Учитывая, что истец зарегистрирован на территории Советского района г. Воронежа, настоящее гражданское дело подлежит передаче на рассмотрение в Советский районный суд г. Воронежа [5].

В данном примере, суд обратил внимание на неправильно определенную подсудность изначально, и исправил ситуацию путем передачи дела в другой компетентный суд.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в судебной практики не редки случаи передачи гражданских дел из одного суда в другой. Все они основаны на положениях, указанных в ст. 33 ГПК РФ. Благодаря передаче гражданских дел появляются возможность у судов направить дело в нужный компетентный суд, а у гражданина появляется право требовать передачи дела в другой суд, если он будет считать, что дело рассматриваемое данным судом, противоречит правилам подсудности.

Сложнее представляется ситуация с основанием для передачи дела, предусмотренным п. 1 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ.

Фактическое появление ответчика в процессе по иску, предъявленному в порядке ч. 1 ст. 29 ГПК РФ в суд по месту нахождения его имущества или по его последнему известному истцу месту жительства, само по себе не является основанием для передачи дела в другой суд. Такая передача должна быть обусловлена двумя обстоятельствами.

Первое связано с несовпадением суда, рассматривающего дело, с судом, которому оно подсудно по общему правилу территориальной подсудности, т.е. по месту жительства ответчика или месту его нахождения, если ответчик – это организация.

Второе обстоятельство возникает по решению самого ответчика, который либо соглашается с рассмотрением дела данным судом, либо заявляет ходатайство о передаче дела в суд по месту его жительства или месту его нахождения. Такое ходатайство по смыслу ст. 33 ГПК РФ ответчик может заявить лишь в суде первой инстанции до вынесения решения по делу. На других стадиях гражданского процесса он утрачивает данное право.

Кроме того, важным является, то, что согласно ч. 4 ст. 33 ГПК РФ споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются.

Таким образом, передача гражданских дел из одного суда в другой возможна по основаниям, предусмотренных ст. 33 ГПК РФ, так как обращение в компетентный судебный орган, полномочный рассмотреть и разрешить гражданский спор, служит залогом эффективного восстановления граждан в правах. А исходя из судебной практики, можно сделать вывод о том, что при передаче гражданского дела из одного суда в другой, суды не только соблюдают требования закона, но и сами находят ошибки и исправляют их, помогая людям обращаться в нужный суд, в целях объективного рассмотрения дела.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023).

2. Ефимова Ю. В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 268.

3. Определение № 2-3248/2022 от 27.09.2022 Ленинского районного суда г. Костромы (Костромская область). URL: lawnotes.ru>

4. Определение № 3-945/2022 от 19.08.2022 Московского областного суда (Московская область). URL: lawnotes.ru>

5. Определение № 2-1952/2019 от 18.03.2019 Ленинского районного суда г. Воронежа (Воронежская область). URL: actofact.ru>

ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Полина Дмитриевна Лукьянова[1],
Галина Сергеевна Шилина[2]

[1,2]студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

В процессе обращения физического или юридического лица в суд, судье, прежде чем принять решение о возбуждении граж-

данского дела, необходимо разрешить возникающие перед ним вопросы, связанные с соблюдением законов подведомственности, а также проблем касательно подсудности.

Данные институты существенно отличаются друг от друга, так под подведомственностью можно понимать определяемую законом относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и других юридических дел к ведению того либо иного государственного и иного органа [7, с. 175].

Можно выделить основные критерии, которые позволяют определить подведомственность:

а) характер или содержание спорного правоотношения;

б) субъектный состав участников спора;

в) возникновение спора о праве или же его полное отсутствие;

г) наличие соглашения между сторонами [7, с. 175].

Одной из главных функций подведомственности как института права является распределение между уполномоченными юрисдикционными органами юридических дел, тем временем как подсудность выступает в роли конкретного суда общей юрисдикции внутри судебной системы по рассмотрению и разрешению гражданских дел.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, мы можем дать определение термину подсудности. Подсудность гражданских дел – это правило, устанавливающее то, в каком суде либо перед каким органом обязаны быть рассмотрены гражданские споры или дела между физическими или юридическими лицами. Данным принципом может определяться то, каким судом будет разбираться и решаться определенная категория гражданских дел.

Далее, основываясь на определение термина подсудности, мы так же можем выделить некоторые аспекты подсудности гражданских дел, таким образом к ним относятся:

1. Территориальная подсудность. В данном случае имеется в виду то, в каком именно судебном округе или регионе может рассматриваться гражданское дело. Чаще всего это происходит на основе места жительства сторон либо места совершения событий.

2. Подсудность по предмету. Данный аспект показывает, какой именно суд имеет компетенцию для разбирательства конкретных категорий гражданских дел.

3. Сумма иска. Некоторые юрисдикции могут иметь разные пороги суммы иска для определения, какой суд будет рассматривать дело. Например, небольшие гражданские споры могут рассматриваться мировыми судьями или специализированными судами, в то время как более крупные и сложные дела могут быть переданы высшим гражданским судам.

Помимо всего вышеперечисленного в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) выделено несколько видов подсудности:

1. Подсудность по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ).
2. Исключительная подсудность (ст. 30 ГПК РФ).
3. Подсудность дел, связанных с осуществлением судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов (ст. 30.1 ГПК РФ).
4. Подсудность нескольких связанных между собой дел (ст. 31 ГПК РФ).
5. Договорная подсудность (ст. 32 ГПК РФ) [3].

Право на судебную защиту связано и непосредственно закреплено ч. 1 ст. 47 Конституции РФ. Согласно основному закону, никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом [1].

ГПК РФ предусматривает два основных вида подсудности: территориальный и родовой. Данные виды определяют некоторые проблемы подсудности в гражданском процессе [5, 8], которые законодатель стремится урегулировать теоретически, так и с практической точки зрения.

Согласно ст. 28 ГПК РФ иск предъявляется по месту жительства для физического лица или по месту нахождения организации, сведения, которые доступны на сайте ФНС в ЕГРЮЛ [2].

Однако с адресом физического лица, являющегося ответчиком есть некоторые трудности. В ГПК РФ нет точного определения «место жительства», но на основании ст. 20 ГК РФ местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. На практике место жительства физического лица не совпадает с его местом официальной регистрации, что затрудняет найти ответчика для гражданского судопроизводства что может замедлять разбирательство того или иного дела. Также отсутствуют правила предоставления информации ответчику (физическо-

му лицу), который находится в местах лишения свободы, что на наш взгляд тоже необходимо урегулировать [6, с. 308].

Решением данной проблемы территориальной подсудности законодателю в ГПК РФ следует внести в точное определение места жительства для ответчика (физического лица) и приравнять само место жительства с местом регистрации. Законодатель должен основываться на современные реалиях общества и мобильность передвижения физических лиц.

В отношении к родовой подсудности вопрос стоит в другом. Большинство дел по первой инстанции рассматривается многими уровнями судебной системы, к которой относятся такие суды как: мировой судья, районный суд, суды субъектов Российской Федерации и Верховный Суд РФ. Все перечисленные суды рассматриваются по сути однородные дела. Такой подход позволяет выделить проблему в связи с рассмотрением гражданских дел судами общей юрисдикции в качестве первой инстанции, что загружает рабочий процесс в основном мировых судей и районных судов [6, с. 309].

Также можно встретить мнение некоторых ученых о необходимости устранения родовой подсудности вообще. Так как согласно Закону РФ «О статусе судей РФ», статус все судей одинаков, вне зависимости от уровня суда [4].

Таким образом институт подсудности имеет основополагающее значение для всего гражданского судопроизводства. Тем не менее, нами выделены ряд проблем, которые требуют дальнейшего теоретического осмысления и законодательного воплощения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 03.04.2023).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ № 3132–1 от 26.06.1992.

5. Дементеева И. И., Нагучева А. З. Проблемы института подсудности в гражданском судопроизводстве // MODERN SCIENCE. 2022. № 3-2. С. 127–132.

6. Захарова А. В. Некоторые проблемы подсудности в гражданском процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Потапенко. Краснодар, 2019. С. 307–310.

7. Коршакова К. В., Шкурай Т. А. Институт подсудности гражданских дел: современное состояние и проблемы // Право и практика. 2021. № 2. С. 175–178.

8. Скутин А. Ф. Судебная реформа. Проблемы подсудности гражданских дел // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Томск, 31 января – 2 февраля 2019 г.). Томск, 2019. С. 59–61.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ДОСТУПНАЯ СРЕДА»

Татьяна Сергеевна Львова[1],
Александра Михайловна Иванчева[2]

[1]преподаватель СПО кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Многопрофильного колледжа
Пензенского государственного университета

Одним из конституционных прав человека является право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), которое не может быть ограничено и предполагает наличие конкретных правовых гарантий, позволяющих его реализовать. При этом право на судебную защиту невозможно реализовать, без права на доступ к правосудию [1].

Действующее российское законодательство не содержит однозначного легитимного понятия «право на доступ к правосудию», вместе с тем данная правовая категория имеет широкое толкова-

ние. Так, принцип доступности правосудия – это охраняемое государством и обеспеченное законом право беспрепятственного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав и свобод, конституционно гарантированное и реализуемое в законодательно установленной процедуре, применительно ко всем видам судопроизводства. Важно, что доступность правосудия должна быть обеспечена для всех.

Вместе с тем при наличии формальной возможности обратиться в суд некоторые индивиды оказываются лишенными реального доступа к правосудию. Причиной этого может быть их маломобильность или иные ограничения здоровья.

По состоянию на 2023 г. в России зарегистрировано 10,9 млн чел. с ограниченными возможностями здоровья, включая детей и взрослых. Это означает, что около 7,44 % населения страны нуждается в особой поддержке [2].

Инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [3].

Говоря о данной категории лиц, важно понимать, что инвалидность – это не просто причина, по которой лицо вправе рассчитывать на помощь или содержание от государства, это особый статус, приобретаемый в установленном законом порядке и порождающий определенные правовые последствия у обладателя данного статуса, которые дифференцируются в зависимости от группы и причины инвалидности.

Сегодня вопросы инклюзии получили широкое развитие во всех сферах жизнедеятельности общества, а создание безбарьерной среды становится девизом ряда государственных программ, в частности программы «Доступная среда» [4].

Государственная программа «Доступная среда» была начата в 2011 году и стала одним из самых значимых инструментов выполнения, поставленных российским отраслевым законодательством и Конвенцией о правах инвалидов задач по обеспечению гражданам с инвалидностью равного доступа к осуществлению всех прав человека и основных свобод. Главная цель госпрограммы заключается в создании правовых, экономических и институ-

циональных условий для интеграции инвалидов в общество и повышения уровня их жизни.

За 12 лет реализации госпрограммы было достигнуто множество положительных результатов, в частности более 27 тысяч объектов были приспособлены для посещения инвалидами. Среди таких объектов особое внимание следует уделять зданиям государственных органов. В рамках настоящего исследования будут рассмотрен вопрос о том, обеспечена ли доступность инвалидов к правосудию, в частности в здание суда.

Основные положения обеспечения доступности объектов инфраструктуры для инвалидов отражены в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Государственной программе «Доступная среда». Вместе с тем приняты и ведомственные акты, касающиеся только судебных органов. Так, Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31.12.2015 № 406 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации» предусмотрен широкий перечень организационных мер по обеспечению доступности для инвалидов объектов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [5].

Так, например в суде федерального уровня должен быть обеспечен беспрепятственный доступ к зданию суда, а также возможность самостоятельного или с помощью сопровождающего лица передвижения по территории суда [6]. Для этого необходимо оборудование поручнями, пандусами (или роллопандусами или подъемной платформой), доступная входная группа (раздвижные двери, достаточная ширина проемов, лестничных маршей, площадок), наличие специальной дублирующей информации для лиц с нарушением функций зрения, инвалидов по слуху.

Однако данное положение иногда носит лишь формальный, декларативный характер. Несмотря на то, что пандус фактически установлен, он имеет слишком высокий угол наклона, не имеет поручней. Фактически такое нарушение является самым распространённым среди государственных органов и частных организаций, о чем сообщает прокуратура Пензенской области. В основном

решение такого вопроса осуществляется в суде. Так, например, решением Первомайского районного суда г. Пензы на организацию возложена обязанность по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения в аптечный пункт (дело № 2-1360/2021).

Изучив строение зданий Пензенских районных судов, а также Пензенского областного суда и сопоставив их с положениями Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31.12.2015 № 406 автором отмечено следующее.

Первомайский районный суд г. Пензы имеет специальный пандус для инвалидов-колясочников, подниматься между этажами можно на лифте, для слабовидящих пользователей есть специальный информационный киоск. Схожий функционал есть и в других районных судах (исключением является лифт). Вместе с тем излишне массивная входная дверь Ленинском районном суде г. Пензы тяжела для открытия обычным гражданам и может вызвать затруднение для инвалидов. Отсутствие лифта нивелируется наличием в каждом из судов залов судебных заседаний на первом этаже, однако бывают сложности с тем, как предупредить об этом аппарат судьи, которым может находится на последнем этаже. Пензенский областной суд также оснащен всеми необходимыми элементами.

Арбитражный суд Пензенской области оснащен всем необходимым оборудованием для обеспечения самостоятельного доступа и перемещения на территории суда инвалидов и маломобильных категорий граждан. Для этого в здании есть возможность передвижения на лифте, а также оборудован зал для проведения судебных заседаний с участием маломобильных групп населения.

Таким образом, можно заключить, что в г. Пенза суды федерального уровня отвечают необходимым требованиям для обеспечения доступности правосудия для инвалидов.

Иная же ситуация складывается с мировыми судьями. Положения Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31.12.2015 № 406 на них не распространяются, поскольку они отнесены к уровню субъектов. Здесь каких-либо ведомственных актов не принято, поэтому следует руководствоваться общим федеральным положением, предусмотренным ст. 15 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [7]. Так, органы государственной власти

субъектов обязаны обеспечивать для инвалидов возможность беспрепятственного доступа в здание суда, а также свободного передвижения.

Судебные участки мировых судей в г. Пенза в основном расположены в двух зданиях, которые нельзя охарактеризовать как доступные для инвалидов. В обоих зданиях невозможно попасть в кабинет аппарата судьи, поскольку все они находятся на этажах выше первого, а кроме лестниц, здания не оборудованы лифтом. В результате ситуация, когда инвалид не может пройти дальше судебных приставов является для мировых судей очень реальной.

В данной ситуации видится возможным ходатайствовать перед судом о проведении судебного заседания в одном из районных судов города, который оборудован соответствующими объектами для инвалидов. Однако такой подход явно не отвечает принципам реализации программы «Доступная среда».

Таким образом, доступность правосудия для инвалидов напрямую связана с программой «Доступная среда», реализация которой является необходимым для достойной жизни человека, обеспечения равенства прав каждого.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

2. Положение инвалидов: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 30.09.2023).

3. О государственной социальной помощи : федер. закон № 178-ФЗ от 17.07.1999 (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 1999. № 142.

4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» : постановление Правительства РФ № 363 от 29.03.2019 (ред. от 15.11.2023). URL: http://pravo.gov.ru

5. Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 406

от 31.12.2015 (ред. от 28.09.2018) // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 8.

6. Глава Верховного Суда сориентировал судей на защиту социальных прав граждан. URL: https://tass.ru/obschestvo/7745725 (дата обращения: 30.09.2023).

7. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон № 181-ФЗ от 24.11.1995 // Российская газета. 1995. № 234.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Татьяна Сергеевна Львова[1],
Елизавета Сергеевна Сметанина[2]

[1]преподаватель СПО кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Многопрофильного колледжа
Пензенского государственного университета

Исторически сложилось, что основной проблемой общественного развития является социальное неравенство, разделяющее людей на страты, возможности которых существенно различны. Преодоление этого феномена является основной целью социального государства.

Российская Федерация, придерживаясь обозначенной цели, признает, что человек – это высшая ценность и для него необходимо создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие. В связи с этим Конституцией РФ закреплены гарантии социального обеспечения, которые реализуются в том числе за счет существования механизмов их защиты [1].

Самой распространенной формой защиты прав человека, является судебная защита, которая гарантируется каждому и не может быть ограничена.

Несмотря на это не каждый может защитить свои права в суде. Это связывается с недостатком средств для оплаты услуг юристов, отсутствием знаний о правовой процедуре или с состоянием здоровья.

Согласно данным официальной статистики за 2023 год в России с населением в 146,4 млн чел. за границей бедности находятся 19,6 млн чел., пенсионерами являются 41,78 млн чел., инвалидами признаны 10,9 млн чел., и 375 699 чел. – это дети сироты или дети, оставшиеся без попечения родителей [2].

Всех перечисленных лиц объединяет то, что они наделены равными правами и обязанностями, а также являются полноценными членами общества, но в силу своих особенностей нуждаются в помощи. В юридической науке таких лиц относят к категории социально незащищенных граждан.

Традиционно под категорией «социально незащищенные граждане» понимается сегмент общества, требующий особого внимания и усиленной защиты со стороны государства ввиду невозможности индивидов самостоятельно обеспечить себе достойное существование. Среди причин такого положения индивидов исследователи выделяют: бедность или нищету, состояние здоровья, социальный статус, потерю кормильца, временную или постоянную нетрудоспособность, возраст [3].

Учитывая указанные обстоятельства Г. И. Пещеров предложил следующую классификацию социально незащищенных лиц, которая представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Категории социально незащищенных граждан (Г. И. Пещеров) [4]

Исходя из представленной схемы можно отметить, что перечень социально уязвимых лиц широк и с каждым годом количество людей, относящихся к этой группе, увеличивается. В связи с этим неизбежно увеличивается и число споров, в которые они становятся втянуты.

По официальным данным за прошедшие 2022 и 2021 гг. в суды было подано более 63 тыс. заявлений, связанных с социальными спорами, в то время как в 2020 и 2019 гг. их количество ровнялось 55 тыс. [5]. Исходя из анализа дел можно отметить, что большинство споров связаны с предоставлением социальных пособий, компенсационных выплат и денежных субсидий.

Учитывая причины отнесения вышеуказанных лиц к категории социально незащищенных автором выдвинуто предположение, что при обращении за судебной защитой основные трудности для них возникают на этапах подачи искового заявления в суд и рассмотрения дела. Так, юридически неграмотный, социально зависимый от третьих лиц и в ряде случаев самоизолируемый человек не может самостоятельно написать иск, предъявить его в суд по общепринятым каналам связи (нарочно или почтой России), лично принять участие в судебном заседании. Однако это не значит, что он лишен права на судебную защиту.

Сегодня в эпоху становления информационного общества преодоление обозначенной проблемы возможно за счет развития информационно-коммуникационных технологий.

Впервые термин «информационное общество» (Information Society) был введен в научный оборот в начале 70-х годов XX века профессором Ю. Хаяши и описан исследователем Ё. Масудой. Согласно позиции японских ученых, информационное общество – это общество, где компьютеризация обеспечивает появление новых надёжных источников информации, освобождает от рутинного труда и автоматизирует производственные процессы, в результате чего информационные продукты становятся движущей силой общества [6].

С того времени мировое сообщество и большинство государств взяли вектор на развитие нового вида общественной формации. В результате чего в 2008 году Президентом Российской Федерации утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» [7]. Одной из основных целей обозначенной стратегии выступила необходимость совершенство-

вания системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий, за счет чего будет достигнуто качественное повышение уровня жизни граждан.

Указанная цель была перенята принятой в 2017 году «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [8]. В результате чего можно отметить, что в стране стало формироваться электронное государство, основной задачей которого является обеспечение для граждан возможности обращаться за помощью в государственные органы онлайн.

В настоящее время деятельность судебных органов постепенно переводится в цифровое пространство, как в вопросах взаимодействия с участниками процесса, ведения судебного разбирательства, так и в внутренней административной деятельности суда.

Обращаясь к выдвинутому автором предположению, остановимся подробнее на этапах подачи искового заявления в суд и непосредственно по рассмотрению дела.

Согласно ч. 1 ст. 4 ГПК РФ гражданское дело возбуждается судом на основании заявления лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Поэтому первоначально необходимо подготовить соответствующее заявление.

Не обладая юридическими познаниями человек, особенно социально незащищенный, правильно составить и подать иск не сможет, что станет основанием для оставления иска без движения, а в последствии и возврата. Однако этого можно не допустить, воспользовавшись специальными сервисами подготовки заявлений в суд.

В качестве примера можно рассмотреть конструктор правового портала Финграмота. РФ, где лицу необходимо только выбрать соответствующее наименование документа и внести в предусмотренные поля необходимую информацию [9]. Готовый документ остается только распечатать, подписать и подать в суд.

Если же использование конструктора для лица затруднительно, то на web-сайтах судов можно найти образцы процессуальных документов, которые необходимо дополнить информацией по конкретной ситуации.

Маломобильные категории граждан теперь могут не искать способы добраться до суда, чтоб подать заявление, а могут это

сделать сами, не выходя из дома. Для этого в судебной деятельности разработаны и внедрены специализированные информационные системы.

Поскольку социальные споры рассматриваются судами общей юрисдикции, то в рамках данного исследования будут рассмотрены возможности применения информационно-коммуникационных технологий только в деятельности этих судов.

Основной информационной системой судов общей юрисдикции, позволяющий подать процессуальные документы в суд удаленно является Государственная автоматизированная система «Правосудие».

ГАС «Правосудие» – это информационное пространство за счет которого обеспечивается автоматизация всех функций судебных органов.

Поскольку информация, содержащаяся в процессуальных документах, относится к персональным данным важно правильно идентифицировать того, что подает обращение, поэтому функционал ГАС «Правосудие» может быть использован только после авторизации через портал государственных и муниципальных услуг. Это важное требование информационной безопасности.

В рамках ГАС «Правосудия» гражданин может подавать в суд исковые заявления, иные процессуальные документы, получать информацию о движении дела, а также знакомиться со всеми судебными актами, выносимыми по делу в электронной форме. Однако несмотря на широкий функционал данной системы, сейчас она используется в основном только для дистанционной подачи обращений в суд, поскольку доступ к карточке дела предоставляется не всеми судьями.

Проследить за движением дела участник процесса может через web-сайт суда, где размещается вся актуальная информация о движении дела, а также выгружаются обезличенные итоговые судебные акты.

Вместе с тем, не смотря на информационный прогресс не все граждане имеют доступ в интернет. Согласно данным Росстата 16% домохозяйств в России не имеет доступа в «Интернет». При этом стоит отметить и тот факт, что количество людей, не имеющих навыков в использовании информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей равняется 10,3 % от общего числа населения страны, что превышает отметку в 15 млн

человек. Интересно, что большинство из лиц, включенных в эти показатели, это лица, которых относят к категории социально незащищенных [10]. Указанное буквально нивелирует положительные аспекты процесса цифровизации выявляя его главную проблему. Вместе с тем в настоящее время уже предпринята попытка решения данной проблемы.

Сегодня в рамках деятельности МФЦ открываются сектора пользовательского сопровождения. В разных районах г. Пенза уже открыто 3 таких сектора.

Сектор пользовательского сопровождения представляет собой компьютер общего пользования, оснащенный ярлыком для перехода к онлайн-сервису ГАС «Правосудие», где гражданин после идентификации и аутентификации через портал госуслуг может подать обращение в суд в электронной форме. Если же гражданин по каким-либо причинам не может воспользоваться компьютером сам, на помощь приходят сотрудники, которые в том числе помогут отксерокопировать и приложить необходимые документы к заявлению. Данные услуги являются бесплатными, за исключением уплаты государственной пошлины [11].

Не меньшей проблемой является возможность личного участия в судебном заседании лиц, чье физическое здоровье не позволяет свободно перемещаться. Маломобильность не является основанием для ограничения права, предусмотренного ст. 48 ГПК РФ.

Преодоление этой проблемы сейчас осуществляется путем применения систем ВКС и web-конференции. Система ВКС представляет собой технологию интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в реальном времени. В свою очередь под web-конференцией понимается технология для организации совместной работы и онлайн-встреч в режиме реального времени через сеть Интернет.

В отношении социально незащищенных граждан, в частности маломобильных особый интерес представляет вторая технология. Использование web-конференции позволяет в качестве места «выхода» в судебное заседание выбрать дом, а средством «выхода» любое личное средство вычислительной техники [12]. Однако пока нельзя рассмотреть реальный опыт применения в судах общей юрисдикции данной технологии.

Вместе с тем рассматривая перспективы использования обозначенных информационно-коммуникационных технологий можно однозначно говорить о повышении уровня реализации прав социально незащищенных граждан на судебную защиту.

Внедрение данных информационно-коммуникационных технологий способно повысить уровень доступа населения к правосудию [13], а также значительно упростить жизнь социально незащищенным категориям граждан.

Таким образом, становление в России информационного общества путем перехода государственной деятельности в электронную форму позволило обеспечить доступность и быстроту оказания государственных услуг. В результате внедрения информационно-коммуникационных технологий в судебную деятельность социально незащищенные категории населения могут обратиться за защитой своих прав с использованием онлайн-сервисов, в том числе воспользоваться компьютерами общего пользования в МФЦ, что также упростит и ускорит получение судебного решения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

2. Население: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 17.10.2023).

3. Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Леонидова Г. В., Смолева Е. О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 29–47.

4. Пещеров Г. И. Социально уязвимые слои населения: проблема в современном мире // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 1 (27). С. 115–117.

5. Судебная практика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/ (дата обращения: 17.10.2023).

6. Reconciling Vision and Reality in Japan's NII Policy. URL: https://escholarship.org/content/qt83n6r4wc/qt83n6r4wc_noSplash_d843575fc06778548e1db3fbbccefad6.pdf?t=lnpavu (дата обращения: 17.10.2023).

7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. 2008. № 134.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (утв. указом Президента РФ № 203 от 09.05.2017). URL: http://pravo.gov.ru

9. Сервис создания документов: конструктор заявлений, исков. URL: https://fgramota.ru/docgenerator/web/ (дата обращения: 17.10.2023).

10. Информационное общество: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 17.10.2023).

11. Пензенцы смогут подать заявление в суд через МФЦ. URL: https://penza.mdocs.ru/news/penzency-smogut-podat-zayavlenie-v-sud-cherez-mfc (дата обращения: 17.10.2023).

12. Львова Т. С. Использование в судебной деятельности интерактивных систем удаленного участия: проблемы и пути реализации // Развитие современной юриспруденции: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 48–51.

13. Электронное правосудие : монография / под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Татьяна Сергеевна Львова [1]***,***
Алина Павловна Трофимова [2]

[1]преподаватель СПО кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Многопрофильного колледжа
Пензенского государственного университета

Активное вовлечение населения в использование информационных технологий является современной общемировой тенденцией, влекущей трансформацию всех сфер жизнедеятельности посредством их перевода в цифровую форму.

Становление информационного общества в большинстве государств связывается с изменением экономических отношений и отношений государственного управления (электронное государство). Ярким примером функционирования электронного государства в России является единый портал государственных и муниципальных услуг, к которому на начало 2023 года подключено уже более 100 млн чел. (при населении в 146,4 млн чел.) [1].

Исследование вопроса информационной безопасности невозможно без понимания общей концепции информационного общества и электронного государства.

Согласно позиции О. М. Гущиной и О. А. Крайнова «информационное общество – это такое общество, в котором производство и потребление информации является важнейшим видом деятельности, информация признается наиболее значимым ресурсом, новые информационные и телекоммуникационные технологии и техника становятся базовыми технологиями и техникой, а информационная среда наряду с социальной и экологической – новой средой обитания человека» [2, с. 10].

В современном обществе информация анализируется как главный объект хозяйственной деятельности, а работа по производству и переработке информации – как главное содержание человеческого труда. Именно в этом и заключается главная специфическая черта нового типа общества.

Характерными чертами информационного общества являются такие аспекты как: увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни всего общества; увеличение числа людей, занятых информационными технологиями; нарастающая информатизация общества с использованием информационных технологий; развитие электронной демократии, электронного государства.

Вместе с тем электронное государство являясь продуктом информационного общества предполагает ситуацию, при которой исполнительная, законодательная и судебная ветви власти, включая федеральные и региональные правительства, осуществляют в электронном виде свои межведомственные операции, взаимодействуют с внешней средой и эффективно используют объединенные в сеть информационные системы для достижения большего качества при оказании государственных и муниципальных услуг. Благодаря электронному формату, государственные институты, включая электронное правосудие находятся под все большим обще-

ственным контролем, реализуемым благодаря возможностям информационного общества как со стороны простых граждан, так и со стороны бизнес-структур и неправительственных организаций [3].

Применение в деятельности государственного управления технологий больших данных, искусственного интеллекта, виртуальной среды общения создает обширные возможности для модернизации существующих институтов. Однако ускорившиеся в ходе пандемии новой коронавирусной инфекции процессы атомизации общества и дистанцирования людей способствовали резкому «погружению» в цифровую среду. В результате чего вместе с появлением новых возможностей, общество и государство столкнулось с новыми угрозами и рисками.

Сегодня цифровизация судебной деятельности достигла определённых успехов. За последние 20 лет в судах Российской Федерации были созданы государственные информационные системы, включающие интернет-порталы судов, автоматизированные картотеки судебных дел, банки судебных решений; обеспечена техническая возможность оповещения участников процесса по SMS и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; архивы судов оцифровываются; в судопроизводстве активно применяются видеоконференцсвязь и аудио/видеофиксация хода судебных заседаний. Процессуальное законодательство (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) закрепляет возможность подачи документов в суд в электронном виде, выполнения и получения копий судебных актов в форме электронных документов, а при наличии технических средств – ознакомления участников процесса с материалами дел в электронном виде в удаленном доступе.

Иначе говоря, для судебной деятельности цифровизация – это активное использование информационных систем для упрощения административной работы суда и повышения доступности правосудия для граждан.

Следует отметить, что важной структурной единицей любой информационной системы являются базы данных. В судебной деятельности эти базы наполнены не только административной информацией о деятельности суда, но и данными о всех участниках процесса, включая их персональные данные, информацию по каждому делу, решения, принимаемые судом. Все это огромные массивы информации, и они пополняются с каждым днем, поэтому вопросы обеспечения информационной безопасности становятся приоритетными.

Исследователями отмечается, что в последнее время количество кибератак на российские критические инфраструктуры возросло в 1,5 раза. Говоря о судах, то информация о кибератаках на Верховный Суд РФ, арбитражные суды и отдельные суды общей юрисдикции уже не ново и частно встречается на информационных порталах [4].

Эффективность формируемого в России электронного правосудия напрямую связана с обеспечением кибербезопасности судебной деятельности.

Рассматривать вопрос информационной безопасности судов следует исходя из понимания того, что в Российской Федерации приоритетом в регулировании отношений и прав в цифровой среде являются, в первую очередь, права и законные интересы каждого гражданина.

Сегодня вопросы информационной безопасности регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где определено общее понятие информации, а также основополагающие требования по её защите, ответственность за нарушения в работе с ней. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» направлен на регулирование вопросов, связанных с персональными данными, т.е. личными данными конкретных людей, использование которых в судебной деятельности неизбежно и требует особой защиты. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» определяет понятие электронной подписи, а также её юридической силы в процессе подтверждения подлинности информации, избежание её искажений и подделки.

Указами Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации», от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» приняты повышенные меры защиты от действий лиц, нарушающих конституционные права граждан, совершенных посредством использования цифровых технологий.

Непосредственно вопросы информационной безопасности в судебной деятельности раскрыты в Федеральном законе от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Концепции ин-

формационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) и др.

Анализируя тему исследования с практической точки зрения, автор считает, что кибербезопасность – это предупреждение, а не борьба с последствиями поэтому подробнее следует остановиться на понимании киберугроз и способах их устранения.

Киберугроза – это совокупность факторов и условий, способных оказать негативное влияние на реализацию гражданами своих интересов, связанных с имеющейся у них информацией, принадлежащими им информационными ресурсами и с использованием для обработки информации средств вычислительной техники. Она может проявляться в различных формах и иметь разнообразные последствия.

К наиболее часто встречаемым киберугрозам относят: вредоносные программы, хакерские атаки, а также информационную безграмотность пользователей системы [5].

Вредоносные программы – это якобы безобидное программное обеспечение или вложение в сообщении, почте, либо зашифрованный файл, который содержит вирусы и позволяет злоумышленникам проникать в компьютерную сеть. Кибератаки такого типа часто нарушают работу всей ИТ-сети. К вредоносным программам относятся трояны, шпионское ПО, черви, вирусы и ПО для показа рекламы.

С целью исключения такого типа угроз в судебной деятельности используются защищенные ведомственные контуры, закрытые каналы. Например, для организации надежной защищенной системы аудио- и видеосвязи, соответствующей современным требованиям и законодательству РФ, некоторые компании разработали такие сервисы, как «ViPNet» и «TrueConf», которые обеспечивают безопасное и защищенное соединение.

В связи с этим все суды районного звена и выше отказались от повсеместного использования электронной почты для приема процессуальных документов. Однако в работе мировых судей использование электронной почты является обычной реальностью, при этом на почту могут быть оправлены различные документы, содержащие широкий перечень персональных данных. Такой подход нельзя назвать кибербезопасным.

Говоря о хакерских атаках, можно сказать, что это деятельность по поиску уязвимостей в программном обеспечении для внедрения в компьютерную систему.

Согласно позиции, начальника отдела информационной безопасности суда В. А. Чаплинского хакерские атаки в судебной деятельности направлены на попытки заблокировать личные кабинеты на сайтах судов, ограничить возможность участия в заседаниях онлайн, вывести из строя сервисы оплаты госпошлины и передачи исполнительных документов, на нарушение деятельности секретаря или непосредственно судьи [6]. Не менее значимо для хакеров допустить и утечку конфиденциальных данных, что может существенно дестабилизировать работу судебного органа.

Для недопущения обозначенных целей прежде всего необходимо обеспечивать личную и корпоративную кибербезопасность. Укрепление корпоративной безопасности строится на основе применения новейших технических средств, антивирусного программного обеспечения, систем паролей, идентификации и аутентификации пользователей. Не менее значимо и разделение компьютерной техники, подключенной к общей информационной сети судов и техники с доступом в Интернет и предназначенных для работы сотрудников.

Существенное значение также следует уделить обучению сотрудников суда кибербезопасному поведению, а также алгоритмам действий при кибератаке.

Кроме того, рекомендуется проводить тщательные расследования всех крупных инцидентов: это позволит выявить точки компрометации и уязвимости, которыми воспользовались злоумышленники, а также своевременно убедиться в том, что преступники не оставили себе запасных входов.

Обращаясь к личной кибербезопасности, считаем, что каждый сотрудник суда, а также участник судебного разбирательства должен с осторожностью относиться к входящим электронным письмам, проверять отправителя и не переходить по подозрительным ссылкам. Быть рассудительным и обдумывать принимаемые решения. Загружать файлы только из доверенных источников и своевременно устанавливать обновления безопасности [7].

Таким образом, электронное правосудие является перспективным направлением судебной деятельности, эффективность которого напрямую зависит от уровня информационной безопасности. Рост информированности о киберугрозах и кибератаках, а также средствах защиты от них позволит судебной системе и участникам процесса оказать сопротивление новым вызовам и угрозам в информационной сфере.

Список литературы

1. Дмитрий Чернышенко назвал самые популярные госуслуги среди граждан в 2023 году. URL: http://government.ru/news/49268/ (дата обращения: 14.10.2023).
2. Гущина О. М., Крайнова О. А. Теоретические основы создания информационного общества : учеб. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2015. 244 с.
3. Косоруков А. А. Цифровое государственное управление : учеб. пособие. М. : МАКС Пресс, 2020. 284 с.
4. Количество кибератак в РФ выросло в полтора раза с 2021 года. URL: https://pravo.ru/news/242565/ (дата обращения: 14.10.2023).
5. Бусленко Т. О., Бусленко Е. О. Кибербезопасность. Виды киберугроз и контрмер // Юный ученый. 2023. № 3 (66). С. 89–93.
6. Верховный суд России регулярно подвергается массированным кибератакам. URL: https://ria.ru/20230607/kiberataki-1876783217. html (дата обращения: 14.10.2023).
7. Гусева А. С. Конфиденциальность в интернет-коммуникации: личностные аспекты // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 26–29.

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ДЕТЕЙ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ ПО РЕЦЕПТУ ВРАЧА БЕСПЛАТНО

Татьяна Сергеевна Львова[1],
Алина Витальевна Цапова[2]

[1]преподаватель СПО кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Многопрофильного колледжа
Пензенского государственного университета

В настоящее время каждое государство в мире признает, что забота о детях – это безусловный национальный приоритет. Каж-

дый ребенок независимо от своего семейного и социального благополучия подлежит особой охране, включая заботу о здоровье и надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья, и имеет приоритетные права при оказании медицинской помощи [1].

Сегодня с каждым годом число детей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями все возрастает. Так, на момент 2021 г. в России зафиксировано 167 тыс. заболеваний у детей в возрасте 0–14 лет, среди которых есть тяжкие случаи [2]. По состоянию на 2023 год орфанными заболеваниями страдает около 1,5 млн детей и каждому из них требуется особое дорогостоящее лечение.

Действующее российское законодательство предусматривает возможность бесплатного обеспечения детей лекарственными препаратами по рецептам врачей бесплатно, в том числе лекарственными препаратами, не входящими в перечень жизненно необходимых и важнейших препаратов для медицинского применения.

В частности, ст. 41 Конституции РФ предусмотрено право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая оказывается гражданам в том числе бесплатно. Развитие этого конституционного положения осуществлено в ст. 10 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Однако реальная практика такова, что получить жизненно необходимое лекарственное обеспечение в учреждениях здравоохранения становится просто невозможно. Родители вынуждены искать защиту в суде. Вместе с тем рассмотрение судами исследуемой категории дел сталкивается с определенными проблемами и особенностями, которые не только затягивают процесс получения ребенком помощи, но и вовсе могут его её лишить.

В рамках настоящего исследования автором предпринята попытка выделить ряд проблемных аспектов в вопросе рассмотрения судами дел по спорам, связанными с обеспечением детей лекарственными препаратами по рецепту врача бесплатно и предложить пути их решения.

Первоначально стоит отметить, что оценить перспективы дела перед обращением в суд можно за счет уже имеющихся судебных решений. Однако по данной категории дел единство судебной практики по спорам об обеспечении детей лекарственными препаратами в настоящее время не достигнуто. Суды по-разному подходят к решению схожих вопросов. В результате чего создается пра-

вовая неопределенность, как для судей, так и для родителей, желающих обратиться в суд.

Не находя положительной практики многие, родители сдаются и не обращаются в судебные органы за защитой, пытаясь бороться с проблемой иными способами. Автор полагает, что в данном случае важно не только то, чтобы родители знали о правах и доступных им механизмах защиты, но и то, чтоб такие вопросы освещались в обзорах судебной практики. Положительным автор считает п. 1 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020), где данный вопрос был освящен наиболее подробно [3].

Вместе с тем даже обратившись в суд неизбежны сложности в процессе доказывания юридически значимых обстоятельств.

В спорах связанными с обеспечением детей лекарственными препаратами по рецепту врача бесплатно необходимо установить следующее:

1. Наличие у ребенка редкого (орфанного) наследственного заболевания и его статуса ребенка-инвалида вследствие этого заболевания. Это требует медицинского подтверждения, включая диагностические тесты и медицинскую документацию, что является неотъемлемым требованием для установления статуса ребенка-инвалида, вызванного наличием редкого (орфанного) наследственного заболевания.

2. Нуждаемость ребенка в лекарственном препарате по жизненным показаниям. Необходимо представить медицинские доказательства, такие как медицинские заключения и рекомендации врачей, которые подтверждают необходимость лекарственного препарата для поддержания и улучшения здоровья ребенка.

3. Назначение данного препарата как единственно возможного варианта лечения решением врачебной комиссии и консилиумом врачей.

Если препарат или изделие уже зарегистрировано на территории Российской Федерации, необходимо предоставить только медицинские доказательства, подтверждающие необходимость его применения для лечения конкретного заболевания у ребенка. Эти медицинские доказательства должны быть выданы врачебной комиссией и консилиумом врачей, которые обладают соответствующей квалификацией и компетенцией в данной области медицины.

Врачебная комиссия и консилиум врачей являются авторитетными органами, которые принимают решение об использовании данного препарата исходя из показаний и состояния пациента. Они осуществляют процесс оценки и выбора оптимального лечебного средства, исходя из научных данных и клинического опыта. Это гарантирует правильность назначения препарата и обеспечивает качество лечения детей, которые нуждаются в данном препарате для своего выздоровления.

Можно отметить, что при обращении в суд с исковым заявлением родители уже прикладывают медицинские документы, подтверждающие эти обстоятельства. Вместе с тем нельзя исключать ситуации, когда оценка нуждаемости ребенка в лекарственном препарате должна оцениваться судом. Для этого в силу положений ст. 79 ГПК РФ может быть назначена судебная медицинская экспертиза.

Назначение судебной экспертизы всегда вызывает ряд проблемных вопросов. Так, неверно поставленный вопрос судом может привести к получению не правильного ответа, и как следствие вынесению неправомерного решения [4]. В этой ситуации рекомендуется до назначения экспертизы получить квалифицированное экспертное мнение для верной формулировки вопроса.

Кроме правильной постановки вопросов не меньшее значение имеет и выбор экспертной организации. Судебная медицинская экспертиза может быть проведена только учреждением, имеющим специальную лицензию на проведение соответствующего рода экспертиз.

Важно также иметь возможность допросить эксперта после получения экспертного заключения, поскольку это позволит суду и участникам процесса однозначно и правильно понять ответы на поставленные вопросы. Учитывая, что ведущие экспертные учреждения с медицинской направленностью находятся в городах федерального значения, то следует развивать возможность проведения допроса посредством ВКС или вэб-конференции.

Наибольшее значение в рассмотрении таких споров отведено времени, поскольку лекарственные препараты ребенку необходимы уже сейчас и от этого напрямую зависит его жизнь.

Вместе с тем, судебное разбирательство обычно затягивается на несколько лет, поскольку проходит все этапы обжалования,

ведь значительные суммы на препараты выделаются за счет средств соответствующего бюджета.

Семьи вынуждены тратить драгоценные часы на подготовку к делу, сбор доказательств, составление юридических аргументов и присутствие на заседаниях. Это может существенно ограничить их возможности заботиться о своих детях, которые имеют тяжелые заболевания. Долгое ожидание и неопределенность исхода дела создают дополнительный стресс и тревогу для семей.

Также влияет привлечение адвокатов и других юридических специалистов для защиты интересов в суде, которое требует значительных финансовых ресурсов. Оплата адвокатских гонораров, юридических консультаций и всех связанных судебных издержек может быть огромным грузом для семей, особенно для тех, у кого уже есть финансовые трудности.

Наконец, решения, принимаемые в таких делах, могут иметь серьезные последствия для здоровья и благополучия детей. Задержки в получении лекарственных препаратов, особенно в случаях необходимости срочного медицинского вмешательства, могут угрожать жизни или вызывать серьезные осложнения для детей. Все это усугубляет уже сложную ситуацию для семей и детей, которым они стараются обеспечить необходимую медицинскую помощь.

Таким образом, рассмотрение судами дел по обеспечению детей лекарственными препаратами по рецепту врача бесплатно в Российской Федерации сопряжено с определенными проблемами, решение которых может обеспечить достойную помощь семьям, нуждающимся в обеспечении своих детей лекарственными препаратами.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Российская газета. 2011. № 263.

2. Показатель заболеваемости детей в возрасте 0–14 лет по основным классам болезней. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13721 (дата обращения: 14.10.2023).

3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных кате-

горий граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020). URL: https://vsrf.ru/documents/all/29031/ (дата обращения: 15.10.2023).

4. Зимина И. И. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 204–205.

ПРОКУРОРСКАЯ ПРОВЕРКА КАК СРЕДСТВО ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дмитрий Юрьевич Мананников

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правосудия Юридического института
Пензенского государственного университета

Надзорная деятельность прокуратуры Российской Федерации ориентирована на достижение в обществе такого положения, при котором права и свободы гражданина находятся под надёжной охраной [2, с. 25].

Среди правозащитных правомочий прокурора, связанных с выявлением правонарушений, особенное место занимает проведение проверки.

Безусловно, прокуратура не единственный орган, проводящий в своей деятельности проверки исполнения действующего законодательства. Проверка –обязанность каждой организации, так как при отсутствии контроля над деятельностью кого-либо из членов общества невозможно его наличие и поступательное развитие.

В связи с этим представляется актуальным рассмотреть сущность прокурорских проверок и их характерные особенности.

Прокурорская проверка в зависимости от её аспекта, как правило, определяется в разных смыслах: как правовое средство; как полномочие; как метод исследования; как форма реализации полномочий. Любой из указанных аспектов возможно заметить в работах ученых-юристов, уделявших внимание вопросам прокурорских проверок в научной и юридической литературе.

Во многих учебниках и учебных пособиях по прокурорскому надзору проверки привычно значатся в качестве главного правового средства выявления и профилактики правонарушений с установлением факторов, способствующих их совершению [6–10].

Так, О. Н. Коршунова даёт определение прокурорской проверке как средству получения информации о нарушениях законов [11, с. 29].

Основным способом и одновременно формой прокурорского надзора определяет прокурорскую проверку А. Ф. Смирнов [12, с. 27].

По мнению Е. Р. Ергашева, «прокурорская проверка является правовым средством прокурора, представляющим собой обследование поднадзорных или не поднадзорных органам прокуратуры субъектов с целью выявления в их деятельности нарушений действующего законодательства» [3, с. 117].

Схожая к мнению Е. Р. Ергашева позиция на данную проблематику была отражена А. А. Фирсовой: «это правовое средство прокурора, представляющее собой совокупность взаимосвязанных интеллектуальных, организационных, технических, управленческих действий, проводимых в установленный законом срок при наличии сведений о фактах нарушения закона и направленных на выявление нарушений закона, виновных лиц и привлечение их к установленной законом ответственности, а также на выяснение соответствия действий проверяемого субъекта закону» [13, с. 14].

Н. Р. Корешникова трактует прокурорскую проверку в качестве совокупности специальных действий уполномоченных должностных лиц прокуратуры по выявлению нарушений закона, опосредованных законными полномочиями по выявлению нарушений [4, с. 8].

Согласно дефиниции Е.А. Ананьевой прокурорская проверка считается формой прокурорско-надзорного процесса, направленная на выявление нарушений исполнения, соблюдения действующего законодательства [1, с. 14].

Из изложенного выше следует, что в теории прокурорского надзора доминирующим следует полагать точку зрения о выявлении нарушений как исключительно целевую направленность прокурорской проверки.

В то же время подобное мнение представляется не в полной мере обоснованным, поскольку оно приводит к выводу о недости-

жении цели проверки при отсутствии выявленных нарушений. Помимо прочего, упомянутый подход требует от органов прокуратуры при любой проверке выявлять нарушения, что зачастую может приводить к необоснованному искажению фактов и итогов проверки в сторону ухудшения правового статуса проверяемого субъекта.

На взгляд автора, данная точка зрения не соответствует предназначению прокуратуры, которое заключается в осуществлении правозащитной деятельности, обеспечении единства и усиления законности, верховенства закона.

Значение слова «проверка» несправедливо ограничивается учёными-юристами, что приводит к трудностям, например, связанным с раскрытием смыслового ресурса прокурорских проверок, так как на этапе начала проведения проверки точно никому неизвестно о наличии (отсутствии) того или иного нарушения. По указанной причине в соответствии с ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и назначается проверка информации о нарушениях, подтвердить или опровергнуть которую другим способом не представляется возможным.

Итоги прокурорской проверки могут как зафиксировать факт правонарушения, так и «оправдать» лицо, законность решений, действий и актов которого были поставлены под сомнение.

Также следует не забывать и ч. 14 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», указывающую на выявление нарушений в качестве вероятного результата прокурорской проверки. В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2017 г. «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 7 марта 2017 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» также утверждена форма акта прокурорской проверки, в ходе которой нарушений закона не выявлено.

Таким образом, цель проверки не может заключаться только в отрицательном (обвинительном) понимании. Именно в ходе прокурорской проверки решается вопрос о соответствии (несоответствии) действительности находящихся у прокуратуры сведений о нарушении закона.

Думается, что цель проверки необходимо обозначать масштабнее, не лимитируя её исключительно выявлением нарушений

законодательства. В этом разрезе ***цель проверки*** заключается в установлении факта наличия (отсутствия) нарушений законности в подвергаемой проверке сфере деятельности субъекта.

Прокурорская проверка фактически является надзорной диагностикой, так как продуктивность осуществления проверочных мероприятий находится в зависимости от избранной методики и тактики проверки.

По мнению Отческой Т. И., ***прокурорскую проверку*** возможно обозначить как инспекционно-исследовательскую деятельность органов прокуратуры по установлению степени соответствия действующему законодательству Российской Федерации принимаемых органами власти, организациями и должностными лицами правовых актов, а также их действий (бездействий) [5, с. 30].

Таким образом, прокурорская проверка применительно к определённым обстоятельствам может быть отнесена как к средству выявления нарушений закона, так и к средству подтверждения правомерного поведения. Оба варианта результата проверки, оформленного надлежащим образом, обладают доказательственной силой.

Как известно, у любого самостоятельного правового термина имеются отличительные признаки, выделяющие его особенности. Для прокурорской проверки характерны следующие признаки: 1) законность; 2) императивность; 3) объективность и независимость проверки; 4) осуществление в установленные законом сроки; 5) открытость как требование гласности [4, с. 16].

Как видим, данные признаки относятся не только к прокурорской проверке, но и к сопоставимым мероприятиям иных контрольно-надзорных органов власти. Тяжело представить себе, в частности, проверки Роспотребнадзора, осуществляемые на основании закона, не связанные с его властно-распорядительными компетенциями, в отсутствие объективности и независимости контролеров, с нарушением установленных сроков и без отражения необходимой информации.

Статус правового государства требует от всех его организационно-распорядительных систем осуществлять контрольно-надзорную деятельность, подчиняясь условиям законности, обоснованности, беспристрастности и эффективности, а также нетерпимости неоправданного вмешательства в административно-хозяйственную деятельность юридических и физических лиц.

Законность, являясь фундаментальным признаком правового государства, выражается, в том числе, в строгом выполнении должностными лицами органов власти действующих нормативных правовых актов. В государстве должна существовать структурированная система контроля за соответствием их деятельности положениям законности. И прокуратура, обладая полномочием проведения проверок актов, действий и решений органов власти, является одним из основных элементов этого механизма. При этом, как представляется, комплекс проверочных действий прокуратуры гораздо многограннее в сравнении с проверками других контролирующих организаций.

Цель проведения прокурорской проверки не сужается до уровня преследования субъекта, а заключается в установлении объективной истины и конкретных обстоятельств. Надзорный орган по своей сути превращается в «хранителя» правовой устойчивости, в связи чем, проводя аналогию с теорией доказательств, никакая информация для него не может обладать свойствами юридической силы без надлежащего доказательства того или иного факта.

Без сомнения, при осуществлении надзорных мероприятий прокуратура обладает широким спектром полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина, а также интересов организаций и публично-правовых образований. Правозащитная деятельность прокуратуры определяет содержание всех этапов организации надзорной деятельности прокуратуры, в том числе, предмета прокурорской проверки.

В целях защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, укрепления законности и правопорядка, в органах прокуратуры уделяется особое внимание прокурорским проверкам по поступившим обращениям граждан.

Так, в первом полугодии 2023 года, в условиях возросшей на прокуроров нагрузки, обеспечено повышение результативности проверок, проведенных по обращениям граждан и предпринимателей. Признано обоснованными 320,9 тыс. обращений (241,1 тыс., в аналогичном периоде 2022 года – +33,1 %), что составило 20,1 % от общего числа разрешенных жалоб (в аналогичном периоде 2022 года, 19,3 %) [6, с. 1].

Как показывает практика, наиболее часто подтверждаются доводы заявителей о нарушениях трудового, жилищного законода-

тельства, прав несовершеннолетних, предпринимателей, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, безопасности дорожного движения, транспорта, а также жалобы на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей.

За 6 месяцев 2023 года в органах прокуратуры разрешено 74,5 тыс. обращений на нарушения трудового законодательства. По результатам проведенных прокурорами проверок признано обоснованными 23,6 тыс. жалоб, что составляет 31,6 % от общего числа обращений.

Так, по требованию прокуратуры Московской области перед 367 работниками ГБУЗ МО «Ступинская областная клиническая больница» погашена задолженность по заработной плате в размере 4,2 млн рублей. В прокуратуре г. Москвы проведена проверка по массовым обращениям работников ООО «Брянск трубопроводстрой», по результатам которой перед 1.8 тыс. граждан погашена задолженность по заработной плате на сумму 260 млн рублей. Прокуратура Республики Дагестан добилась выплаты 1.6 тыс. работников образовательных учреждений задолженности по оплате труда в размере 57 млн рублей.

Активно защищаются права трудовых коллективов прокуратуры Республики Коми (40 работникам предприятий выплачен долг в размере 2.8 млн рублей), Карачаево-Черкесской (81 чел.; 1,3 млн рублей) и Чеченской (90 чел.; 2,7 млн рублей) республик, Алтайского края (102 чел.; 16,9 млн рублей), Нижегородской (74 чел.; 8 млн рублей), Новгородской (41 чел.; 3 млн рублей), Новосибирской (137 чел.; 11 млн рублей), Омской (250 чел.; 40 млн рублей), Оренбургской (366 чел.; 49 млн рублей) и Орловской (200 чел.; 8,3 млн рублей) областей, г. Санкт-Петербурга (897 чел.; 152 млн рублей), Ненецкого (553; 5 млн рублей) и Ямало-Ненецкого (100; 4,7 млн рублей) автономных округов.

Практически повсеместно в 2023 году прокурорами вскрывались факты нарушений порядка предоставления коммунальных услуг, невыполнения управляющими компаниями обязательств по содержанию жилого фонда, завышения платы за коммунальные услуги и тарифов на их оказание, необоснованного отказа в технологическом присоединении к сетям.

Прокуратурами республик Мордовия, Саха (Якутия), Тыва, Хабаровского края, Волгоградской, Костромской, Курской, Ли-

пецкой, Московской, Свердловской, Рязанской областей в связи с предоставлением жителям коммунальных услуг ненадлежащего качества приняты меры к перерасчету их стоимости.

Так, житель с. Знаменское Сухоложского района Свердловской области обратился в Генеральную прокуратуру Российской Федерации в связи с некачественным предоставлением коммунальной услуги по водоснабжению, сообщил о бездействии региональных властей в связи с жалобами населения в 2022–2023 годах о необходимости ремонта источника водоснабжения. Проверка обращения поручена прокуратуре Свердловской области, за ее результатами Генеральным прокурором Российской Федерации установлен персональный контроль. Во исполнение требований представлений, внесенных директору МУП «Горкомсети» и главе администрации, выполнены работы по капитальному ремонту и прочистке скважины, социальные объекты обеспечены водой, произведен перерасчет платы за холодное водоснабжение жителям поселка [6, с. 3].

За первое полугодие 2023 года о нарушениях пенсионного законодательства, а также в сфере охраны прав инвалидов и пенсионеров поступило 33 тыс. обращений, из них 6 тыс. признаны обоснованными.

Актуальными вопросами для данной категории граждан являлись назначение, перерасчет пенсии и иных социальных выплат, обеспечение лекарственными препаратами и средствами реабилитации, социальное **обслуживание.**

Прокуратурой Красноярского края решена проблема отсутствия в регионе федерального финансирования на выплату инвалидам компенсации за самостоятельно приобретенные технические средства реабилитации. В судебном порядке защищены права 135 инвалидов, в их интересах взыскана компенсация понесенных затрат на общую сумму 18,9 млн рублей.

Необходимое финансирование доведено до Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Красноярскому краю в феврале 2023 года, после чего задолженность на сумму более 280 млн рублей перед инвалидами погашена в полном объеме.

Прокуратурой Орловской области проведена проверка по обращению пенсионера М., который более 15 лет в судебном порядке не мог доказать статус бывшего несовершеннолетнего узника

фашизма ввиду недостаточности имевшихся в распоряжении суда доказательств. При взаимодействии с прокуратурой Гомельской области Республики Беларусь прокуратурой области получены необходимые сведения.

По результатам рассмотрения предостережения прокуратуры области Департаментом социальной защиты, опеки и попечительства, труда и занятости Орловской области М. выдано соответствующее удостоверение.

Прокуратурой Калининградской области оказана помощь в оформлении и назначении мер государственной поддержки в размере 4,9 млн руб. семье военнослужащего, погибшего при исполнении воинского долга в зоне специальной военной операции.

Прокурорами проведены проверки по 47,8 тыс. заявлений о нарушениях прав и интересов несовершеннолетних (38,9 тыс.), удовлетворена каждая третья жалоба.

Повсеместно выявлялись нарушения прав несовершеннолетних, в том числе детей-сирот и инвалидов, на обеспечение жильем, жизненно необходимыми лекарственными препаратами, средствами реабилитации.

По результатам проверок, организованных по жалобам на длительное непредоставление жилого помещения лицам из числа детей-сирот, удалось добиться в 2023 году реального восстановления их прав прокуратурам Карачаево-Черкесской Республики, Забайкальского, Пермского краев, Брянской, Новосибирской, Пензенской, Томской областей, Ненецкого автономного округа. Вместе с тем окончательно эта проблема в ряде регионов не решена, жалобы аналогичного содержания продолжают поступать как в прокуратуры субъектов Российской Федерации, так и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Прокуратурами республик Башкортостан, Мордовия, Кабардино-Балкарской Республики, Брянской, Кировской, Томской, Тульской областей, Еврейской автономной области приняты меры к восстановлению прав детей, в том числе детей-инвалидов, на бесплатное лекарственное обеспечение.

Прокуратурой Воронежской области организована проверка по жалобе многодетной матери о неполучении средств регионального материнского капитала. В целях восстановления нарушенных прав прокурором в суд направлено исковое заявление об установ-

лении факта проживания заявителя на территории области, которое рассмотрено и удовлетворено, выплаты произведены.

Прокуратурой г. Москвы проведена проверка по факту нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних детей-инвалидов на денежное содержание. Установлено, что распоряжениями отдела социальной защиты населения района Царицыно г. Москвы выплаты опекунам на содержание подопечных прекращены необоснованно. По результатам рассмотрения представления названные распоряжения отменены, выплаты на содержание детей возобновлены [6, с. 5].

Прокуратурами многих регионов сообщено о подтверждении при проверке обращений субъектов малого и среднего бизнеса фактов несвоевременного исполнения государственными и муниципальными заказчиками обязательств по исполненным контрактам.

Так, прокуратурой Орловской области при проверке обращений предпринимателей о нарушении сроков оплаты за выполненные во исполнение заключенных государственных и муниципальных контрактов применялся комплексный подход, что позволило добиться погашения задолженности на сумму 286,1 млн рублей. Прокуратурой Оренбургской области инициирована оплата 5 млн рублей ООО «Инновационная компания «Экобиос» по выполненному муниципальному контракту. Прокуратурой г. Обнинска Калужской области по обращениям предпринимателей о неисполнении перед ними обязательств по оплате за выполненные работы бюджетными учреждениями проведена проверка, по результатам которой перед 31 предпринимателем погашена задолженность более чем на 12 млн рублей [6, с. 7].

Ежегодно значительное число граждан обращается за защитой и восстановлением своих прав именно в органы прокуратуры Российской Федерации. Это свидетельствует о том, что правозащитная деятельность российской прокуратуры остаётся наиболее эффективной и доступной для населения страны.

Очевидно, что принимаемые в ходе прокурорских проверок меры позволяют органам прокуратуры обеспечить достижение целей прокурорского надзора, в том числе при рассмотрении обращений граждан, имеющимися мерами реагирования восстанавливать их нарушенные права.

Посредством осуществления надзорных полномочий и проведения прокурорских проверок, органы прокуратуры реализовывают

свою правозащитную деятельность путём надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проверка не только является способом выявления нарушений закона, но и в целом является средством правозащитной деятельности прокурора, что одновременно играет позитивную роль в решении задач обеспечения законности и правопорядка.

Список литературы

1. Ананьева Е. А. Прокурор как субъект юридического процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2011. С. 14.
2. Бессарабов В. Г., Кашаев К. А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2017. С. 25.
3. Ергашев Е. Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 117.
4. Корешникова Н. Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения законов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. Екатеринбург, 2010. С. 8, 16.
5. Отческая Т. И. Акты прокурорского реагирования : учеб. пособие. М. : Проспект, 2022. С. 30.
6. Обзор Генеральной прокуратуры Российской Федерации состояния работы по рассмотрению обращений в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2023 года от 23.09.2023. С. 1–8. [Текст документа официально опубликован не был].
7. Прокурорский надзор : учебник / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 141.
8. Прокурорский надзор : учеб. пособие / под ред. проф. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018. С. 138–139.
9. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник / под науч. ред. Е. Р. Ергашева. М., 2014. С. 133.
10. Ястребов В. Б., Ястребов В. В. Прокурорский надзор : учебник. М., 2017. 424 с.
11. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 29.

12. Смирнов А. В. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 27.

13. Фирсова А. А. Сравнительная характеристика прокурорской деятельности в странах ЕврАзЭС // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 5. С. 14.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Татьяна Александровна Мартышкина

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Цифровизация судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве представляет собой процесс внедрения современных информационных технологий и цифровых решений в работу судов с целью повышения эффективности, ускорения процесса и обеспечения доступности информации. Данная деятельность осуществляется путем использования электронных документов, онлайн-судопроизводства, видеоконференций и других цифровых инструментов, направленных на улучшение работы судов и обеспечение более справедливого и эффективного судебного разбирательства.

Цифровизация стала неотъемлемой частью современного общества. Это явление оказало значительное воздействие на различные сферы жизни, включая юстицию и порядок судебного разбирательства.

Прокуратура активно осуществляет цифровизацию делопроизводства, в том числе подачу жалоб и заявлений, которые в той или иной мере касаются такого направления прокурорской деятельности как надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Следственный комитет РФ создал собственный портал для подачи сообщений о преступлениях, а МВД России с 2014 г. при-

нимает в электронной форме любые заявления и обращения, среди которых и сообщения о совершенных преступлениях[1].

Цифровизация судебного разбирательства включает в себя разнообразные технологии и инструменты, направленные на повышение эффективности и доступности правосудия. Специалисты прогнозируют революцию в познавательно-доказательственной деятельности (цифровые следы как электронные доказательства, новые виды судебных экспертиз), электронные средства организации работы суда, прокуратуры и органов предварительного расследования (электронный документооборот, электронное дело, интеллектуальные системы анализа материалов дел, правового регулирования), системы электронного участия в процессе (видеоконференц-связь, электронные повестки и СМС-уведомления, электронные копии материалов дел) [2, с. 78–79].

Массовое применение подобных технологий значительно оптимизирует работу судов и обеспечит более эффективное распределение ресурсов. Хранение судебных документов и материалов в электронном формате облегчит доступ и поиск информации и в конечном итоге будет способствовать повышению прозрачности судебных процессов и более удобному доступу к релевантной информации.

Видеоконференции позволяют проводить заседания и слушания удаленно, что является критически важным в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как пандемия. Это способствует сохранению непрерывности судебных процессов.

Электронная подача заявлений и документов обеспечивает удобство для сторон, позволяя им подавать необходимые материалы онлайн. Этот инструмент существенно сокращает время на формальности и стимулирует более эффективное взаимодействие участников судебных процессов. Инструменты аналитики помогают обрабатывать большие объемы данных, выявлять тенденции и предсказывать исходы судебных дел. Электронная подпись придает юридическую значимость документам. Это упрощает процес-

[1] Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

сы оформления и обмена документами, сохраняя при этом их юридическую обязательность [4].

Системы уведомлений позволяют участникам дела получать оперативные уведомления о ходе судебных процессов. Это содействует прозрачности и участию сторон в судебных процессах. Обеспечение конфиденциальности и целостности данных в судебной сфере является критически важным, также как и защита от взломов и кибератак. Современные суды должны активно внедрять меры кибербезопасности для обеспечения доверия к цифровым судебным платформам.

Внедрение цифровых технологий в судебные процессы приносит ряд преимуществ, которые не только оптимизируют работу судов, но и улучшают качество юридических процедур.

Одним из наиболее существенных достоинств цифровизации судебного разбирательства является повышение его эффективности. Судебные процессы, которые ранее могли тянуться месяцами или даже годами, теперь подвергаются существенному ускорению. Это достигается за счет оптимизации процессов, сокращения времени на рассмотрение дел [5, с. 31–34].

Электронные системы позволяют автоматизировать множество рутинных задач, таких как учет документов, планирование заседаний и распределение ресурсов. Это приводит к более оперативному разбирательству уголовных дел и более быстрому достижению правосудия [1, 3].

Человеческие ошибки в судебных процессах могут иметь серьезные последствия. Однако цифровые технологии предоставляют средства для сокращения вероятности ошибок. Автоматические системы могут быть задействованы для обработки документов и анализа данных, что уменьшает риск неправильного интерпретирования информации [6]. Кроме того, цифровые платформы способствуют более точному и систематическому ведению записей о судебных решениях и процессах. Это создает более прозрачную и надежную среду, в которой судебное разбирательство осуществляется без существенных ошибок.

Еще одним существенным преимуществом цифровизации судебного разбирательства является обеспечение его доступности. Электронные системы позволяют участникам судебных процессов, будь то граждане или юридические лица, более удобно и эффективно участвовать в них. Граждане могут подавать заявления и

документы онлайн, что устраняет необходимость личного присутствия в суде и упрощает процедуры. Это особенно актуально в условиях пандемии и социального дистанцирования. Для юридических лиц цифровизация судебного разбирательства также обеспечивает удобство и эффективность. Они могут следить за ходом процесса, получать уведомления и доступ к судебным документам через специализированные платформы.

На сегодняшний день, многие страны уже успешно внедрили цифровизацию в судебное разбирательство. Это охватывает различные аспекты, включая:

1. Переход от бумажных документов к электронным форматам, что обеспечивает более удобный доступ и обмен информацией между судебными участниками.

2. Электронные судебные системы делают судебное разбирательство более доступным для всех участников, включая лиц, находящихся в удаленных районах. Онлайн-доступ к судебным документам и заседаниям позволяет экономить время и ресурсы.

3. Создание эффективных систем обмена документами между судебными органами и сторонами.

Эстония является одной из передовых стран в области цифровизации судебного разбирательства. Они разработали централизованную платформу e-toimik, которая позволяет сторонам уголовного процесса подавать документы, получать доступ к судебным материалам и мониторить ход разбирательства онлайн. Этот подход существенно сокращает временные затраты и бумажную работу.

В Соединенных Штатах, множество штатов и судов предоставляют электронные платформы для подачи заявлений, обмена документами и назначения судебных слушаний. Примерами таких систем являются PACER (Public Access to Court Electronic Records) и ECF (Electronic Case Filing). Это позволяет судам и сторонам в процессе быстрее обмениваться информацией, уменьшая зависимость от бумажной документации [7].

В Канаде также активно внедряются цифровые решения в судопроизводство. Система Court Services Online позволяет сторонам получать доступ к судебным решениям и документам через интернет. Кроме того, в ряде провинций внедрены электронные системы записи на слушания и подачи документов.

Таким образом, цифровизация судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве является актуальным и важным направлением развития юридической системы, которое способствует повышению эффективности, доступности и прозрачности судебных процессов.

Одним из ключевых преимуществ цифровизации судебного разбирательства является повышение доступности юридических услуг для граждан. Электронные платформы позволяют участникам судопроизводства вносить документы, подавать жалобы и следить за ходом дела в режиме онлайн, что упрощает процесс взаимодействия с судом и снижает барьеры для доступа к правосудию.

Важным аспектом цифровизации судебного разбирательства является повышение эффективности судопроизводства. Автоматизация процессов, использование аналитики данных и электронных баз знаний помогают судьям принимать более обоснованные решения и ускорять процесс разбирательства дел [8]. Это также способствует снижению нагрузки на судебную систему и сокращению времени рассмотрения дел. Кроме того, цифровизация судебного разбирательства способствует улучшению прозрачности судебных процессов. Онлайн-доступ к материалам дела и возможность публичного наблюдения укрепляют доверие общества к судебной системе и уменьшают вероятность коррупции.

Однако, несмотря на многочисленные преимущества, цифровизация судебного разбирательства также сопряжена с вызовами и рисками. Кибербезопасность и защита персональных данных становятся более актуальными в контексте хранения и обработки судебных документов. Также важно обеспечить равный доступ к цифровым ресурсам для всех граждан, включая тех, кто не имеет доступа к интернету.

Список литературы

1. Шарипова А. Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 131–135.

2. Зазулин А. И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 78–79.

3. Абдулвалиев А. Ф. Модернизация уголовного судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела //

Россия 2030 глазами молодых ученых : материалы IV Всерос. науч. конф. М. : Научный эксперт, 2013. URL: istina.msu.ru>

4. Халиуллин А. И. Электронная подпись в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43). С. 1228–1231.

5. Гладышева О. В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № (1). С. 31–34.

6. Соколов Ю. Н. Технологичность – свойство уголовного судопроизводства // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 125–140.

7. Пастухов П. С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 81–87.

8. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

Дмитрий Юрьевич Мельников

аспирант Юридического института
Пензенского государственного университета

Научный руководитель – А. А. Фомин, доктор юридических наук,
профессор кафедры правосудия Юридического института
Пензенского государственного университета

Текущее положение дел в России и в мире позволяет говорить о современном противоборстве на мировой арене. Оно носит, прежде всего, ценностный характер. Коллективный Запад, стремясь получить контроль над природными и человеческими ресурсами плане-

ты, ведет против России и других стран так называемую «гибридную войну». Манипуляция сознанием людей, попытки «переформатировать» их нравственные ориентиры и заставить перейти на сторону агрессора, является главным инструментом воздействия Запада на противника.

Соответствующая оценка действий коллективного Запада была дана в обращении Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года:

«…До последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека. Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас» [2].

Переживаемая современной Россией ситуация, связанная со специальной военной операцией на Украине, борьбой за суверенное развитие страны, ставит проблему не просто патриотического, а государственно-патриотического воспитания молодежи [10, 11].

Проблема осмысления духовности сегодня – одна из важнейших проблем человечества. Духовность – это стержень внутреннего мира человека, возможность активного его участия в созидательной деятельности общества, служении Отечеству во благо народа, его достойной и безопасной жизни и лучшего будущего [12].

Возрождение духовности и патриотизма в современных исторических условиях является гарантом существования и полноценного развития общества. Особое значение в развитии духовности, нравственности, гражданственности и патриотизма имеют высшие ценности.

Самой главной из высших ценностей является вечное существование самой России – Родины народа России как уникальной цивилизации, государства как защитной социальной оболочки общества, семьи и человека как деятельных субъектов всей сложной социальной системы.

Высшие ценности обязаны быть мотивационными, созидающими, влиять не только на помыслы, но и на реальные решения.

Поэтому задачей российского общества и государства является сохранение и закрепление не любых духовно-нравственных

ценностей – а именно и только традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В пункте 4-м Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 [6], дано следующее определение понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности».

«Традиционные российские духовно-нравственные ценности»: это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [6].

Как видим, это определение сформулировано, исходя из ценностно-цивилизационного подхода к изучению общества, а именно:

– о существовании самобытной российской цивилизации, отличающейся от иных цивилизаций присущей ей специфической системой духовно-нравственных ценностей;

– о ключевой задаче сбережения и приумножения российского народа [3–5] не только в количественном, но и в качественном отношении, то есть о необходимости сохранения нашего образа жизни и нашей системы ценностей;

– о понятии общероссийской гражданской идентичности как «осознания гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженности базовым ценностям российского общества»[1].

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 (далее – СНБ РФ), как базового

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, п. 4.2, подп. «г». URL: https://docs.cntd.ru/document/902387360

документа стратегического планирования, даны системные представления о традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Согласно СНБ РФ:

– укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» отнесены к национальным интересам Российской Федерации [5, п. 7 ст. 25];

– определён стратегический национальный приоритет «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [5, п. 8 ст. 26];

– дан перечень: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [5, ст. 91].

При этом в тексте СНБ РФ отмечается: «Конституцией Российской Федерации определены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение безопасности народа, защита достоинства граждан Российской Федерации».

В определенном смысле весь текст Конституции Российской Федерации [1] можно рассматривать как декларацию ключевых ценностей российского общества [5, ст. 46].

Помимо перечня, в СНБ РФ дана общая оценка ситуации в России и в мире в её «ценностном» аспекте, обозначено ключевое значение традиционных ценностей для сбережения российского народа, сохранения единства страны и обеспечения национальных интересов[1]. Особо указывается, что защита традиционных

[1] См. в том числе ст. 8, 11, 19, 21, 22, 23, 28, 33 (п. 14) СНБ РФ, а также весь раздел, посвящённый стратегическому национальному приоритету, «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (ст. 84–93 СНБ РФ).

российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств является одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности [5, ст. 46].

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается на долгосрочную перспективу путем решения задач, обозначенных стратегическим национальным приоритетом (ст. 84–93 СНБ РФ).

Внесенные в последние годы значимые изменения в нормативно-правовые акты Российской Федерации по развитию патриотизма граждан свидетельствуют о переходе от реализации проектного метода к системному осуществлению патриотической деятельности по всем другим направлениям государственной политики.

Однако, нравственный потенциал, заложенный в российской правовой базе, не реализуется в полной мере по практике и остается невостребованным. Поэтому одним из приоритетных направлений правовой политики должна стать модернизация правовых механизмов регулирования общественных отношений, возникающих в сфере нравственной жизни общества.

Преградой на пути утраты чувства стыда и вины, притупления совести, без которых немыслима индивидуальная нравственность, является воспитание.

В. П. Бездухов – автор статьи «Воспитание добродетелей молодого поколения как фактор сохранения традиционных ценностей» [8] утверждает о том, что путь по дороге приобретения добродетели дорог и тернист. Но тот, кто осилит этот путь, решит не только задачу «Стать Человеком», но и задачу «Быть человеком», жить в соответствии с золотым правилом нравственности.

Как мы отмечали ранее, «в ситуации, когда исконно традиционные нравственные ценности подвергаются нападкам … должны стать защита и сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей» [9, с. 64].

Проявления патриотизма в современной России, ярко выраженные в боевых подвигах на Донбассе и в единодушной поддержке военной операции всего общества, не отличаются от форм его бытования в средние века, новое и новейшее время.

Сегодня идущую на Украине специальную военную операцию наши воины называют Священной войной. Конфликт между

странами НАТО и Россией, перенесенный на пространства Украины, уже приобрел мировой характер. Более того, это противостояние имеет характер цивилизационного противоборства – постхристианского Запада во главе с США и Третьим Римом, Россией, Москвой. Как видим, Запад совершенно не знает нас. Он не может разгадать загадку русской духовности, русского характера, русской веры, русского патриотизма. И в этом залог нашей скорой, будущей Победы. И это безусловная Победа будет началом строительства нового миропорядка, основанного на подлинных гуманистических, а глубже, – религиозных константах человеческого бытия. И русский патриотизм, доблесть и жертвенность российских воинов на Донбассе уже создает невидимый, но прочный фундамент для будущего справедливого, мирного существования человечества.

«Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало в мощной корневой системе своей культуры и ценностей, опыта и традиций предков и, конечно, прямо зависят от способности быстро адаптироваться к постоянно меняющейся жизни, от сплочённости общества, его готовности консолидировать, собирать воедино все силы, чтобы идти вперёд» [2].

Следовательно, в современных условиях выживание российского народа в России как государства обусловлено сохранением присущей нам системы ценностей, способностью общества обеспечить воспитание новых поколений в духе этих ценностей [7].

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595

2. Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина 24 февраля 2022 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843

3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации № 474 от 21.07.2020.

4. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (в том числе 8 июля 2000 г., 10 мая 2006 г., 12 декабря 2012 г., 13 декабря 2015 г., 1 декабря 2016 г., 1 марта 2018 г., 20 февраля 2019 г., 15 января 2020 г., 21 апреля 2021 г.).

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021. URL: //http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046

6. Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502

7. Казанцева Д. Б., Золкин А. П., Карпенко О. А. [и др.]. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности. М., 2022. 78 с.

8. Бездухов В. П. Воспитание добродетелей молодого поколения как фактор сохранения традиционных ценностей // Духовная безопасность и традиционализм: избранные материалы Междунар. научно-просветительской конф. / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров : ВЕСИ, 2023. С. 15–21.

9. Бездухов В. П., Носков И. А. О смысле и цели воспитания // Мир образования – образование в мире. 2021. № 4. С. 62–72.

10. Быков А. К. Государственно-патриотическое воспитание молодежи: трансформация понятия // Духовная безопасность и традиционализм: избранные материалы Междунар. научно-просветительской конф. / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров : ВЕСИ, 2023. С. 22–27.

11. Лутовинов В. И. Патриотическое воспитание современной молодежи. М., 2020. 342 с.

12. Мухина О. Д. Значение духовно-нравственного воспитания в обеспечении духовной безопасности современной России // Духовная безопасность и традиционализм: избранные материалы Междунар. научно-просветительской конф. / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров : ВЕСИ, 2023. С. 80–83.

СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Анна Федоровна Мещерякова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета

В настоящее время, на данной стадии развития современного общества, религия продолжает играть немало важную роль в его жизни. После падения идеологических оков коммунистического режима можно наблюдать два параллельных процесса: с одной стороны, традиционные конфессии получили свободу деятельности, а во многом и поддержку государства; с другой стороны, в Россию попали всевозможные деструктивные, оккультные и сектантские организации, харизматические религиозные лидеры и экстрасенсы.

Сегодня можно обоснованно говорить о разнообразии терминологии, которая используется для обозначения противоправных религиозных объединений. В настоящее время законодательно не введен термин «секта», что могло бы значительно упростить отграничение законных религиозных организаций от деструктивных культов и тоталитарных сект. Сформулированный законодателем термин «религиозное или общественное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью» (п. 1 ст. 239 Уголовного кодекса РФ)[1], сложно постоянно использовать в рамках данной работы, поэтому предлагается к употреблению термин «деструктивная религиозная организация». Под ним понимается религиозная или псевдорелигиозная организация либо группа, наносящая личности материальный, моральный, психический и физический вред, а также опасная для общества в целом.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

В советские годы в разные периоды к сектам относились специфично. Молодое советское государство первоначально использовало секты в борьбе с церковью, позднее приравнивало сектантов к врагам народа, а затем снова прекращало гонение. Конституция РФ закрепляет право на свободу совести и вероисповедания, но запрещает разжигание межрелигиозных конфликтов.

К числу правовых оснований ликвидации деструктивных религиозных организаций статья 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» относит действия, связанные с осуществлением экстремистской деятельности[1]. И в нашей стране имеется широкая судебная практика по вопросам ликвидации сект. Проанализируем некоторые резонансные дела.

Например, существует постановление Верховного Суда РФ по одному из самых «громких» дел о запрете деятельности религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы», а также 395 местных религиозных организаций, входящих в единую структуру данного юридического лица. В нем высшая судебная инстанция указала, что требование о признании данной религиозной организации экстремистской, запрете ее деятельности, ликвидации, исключении сведений из ЕГРЮЛ, обращении имущества в собственность РФ удовлетворено, так как доказано, что «организация ввозила на территорию РФ экстремистскую литературу, предоставляла ее местным организациям, финансировала деятельность местных организаций, в том числе признанных судами экстремистскими, не принимала мер к устранению причин и условий экстремистской деятельности, выявление многократных фактов распространения экстремистской литературы после принятия предупредительных мер воздействия свидетельствует о необходимости ликвидации»[2].

Правоприменительная практика органов прокуратуры по данному делу выявила следующую проблему: для реальной ликвидации деструктивной религиозной организации необходимо пройти

---

[1] О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.07.2017 № АПЛ17-216 / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: http://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17072017-n-apl17-216/ (дата обращения: 24.09.2023).

сложные и противоречивые этапы признания данной организации экстремистской, и только после этого подать иск в Суд субъекта РФ или Верховный суд РФ о признании организации экстремистской и запрете еѐ деятельности на территории РФ. На практике такие процессы ликвидации могут затянуться на многие годы, в течении которых лидеры тоталитарных культов продолжают осуществлять противозаконное воздействие на своих последователей. Кроме того, не каждая деструктивная религиозная организация является экстремистской, но это не означает, что в еѐ деятельности отсутствует угроза для личности человека [1, с. 108].

На основании судебных решений в разное время были ликвидированы Российские «филиалы» сайентологов «Сайентологическая церковь Москвы» и «Церковь сайентологов Санкт-Петербурга»[1].

Более 20 лет прошло со дня вынесения Хорошевским межмуниципальным народным судом Северо-Западного административного округа г. Москвы решения по беспрецедентному судебному процессу, в котором некоторые деструктивные религиозные организации предъявили иск об опровержении порочащих сведений и защите чести, достоинства и деловой репутации к А. Л. Дворкину и Синодальному отделу катехизации и религиозного образования Московского Патриархата.

Непосредственный повод к предъявлению иска – брошюра религиоведа А. Л. Дворкина «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным» изданная в 1995 г., в которой речь идет об опасных последствиях деятельности тоталитарных сект, в частности, таких как «Богородичный центр» И. Береславского, «Сайентология», «Церковь Объединения» Муна, «Общество сознания Кришны» и др. Иск был предъявлен организацией «Общественным комитетом защиты свободы совести», а также Л. С. Левинсоном – являвшимся в то время помощником депутата Государственной Думы РФ, известным лоббистом интересов деструктивных религиозных организаций.

21 мая 1997 г. было вынесено развернутое судебное решения, которое подытожило семинедельный судебный процесс, в ходе

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 07.06.2017 по делу № 33а-3057/2017. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/board-admin/details/59445506-f1d5-4494-b842-39766af6e19a (дата обращения: 06.10.2023).

которого было заслушано большое число свидетельских показаний сторон, привлечено и исследовано огромное число документов, текстов и экспертных заключений.

Хорошевский межмуниципальный народный суд вынес по делу No 2-1208 решение, в котором суд счел «установленным, что приведенные А. Л. Дворкиным в брошюре «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным» сведения о «тоталитарных сектах» (нетрадиционных религиозных организациях), которые оспариваются истцами, соответствуют действительности, а потому не подлежат опровержению» [2, с. 246–326].

Данное решение суда, подтвержденное Московским городским судом как кассационной инстанцией, отвергнув выдвинутые лоббистами сект обвинения, признало достоверными сведения, содержащиеся в брошюре известного религиоведа.

В связи с вышеизложенным, предлагается ряд изменений в статьи Уголовного кодекса РФ, что позволило бы усовершенствовать механизм ликвидации религиозных организаций, приносящих реальный вред обществу, а также механизм привлечения использующих незаконные методы воздействия на членов секты.

Необходимо более широко применять в судебной практике ст. 239 Уголовного кодекса РФ, для чего рекомендуется внести следующее уточняющее дополнение в п. 1 данной статьи: добавить к прилагательному «религиозного» слово «деструктивное», а также дополнить данный пункт рядом признаков религиозного объединения, которые придают ему элемент деструктивности, так как действующее выражение «деятельность которого связана с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью» не отражает полноту спектра деструктивного воздействия тоталитарных культов на личность человека. При формулировании перечня этих признаков целесообразно обратиться к основаниям для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке, указанным в ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях».

Исходя из анализа судебной практики, мы можем сказать, что любая секта, распространяющая экстремистскую литературу и совершающая иные противоправные действия в отношении личности, общества и государства подлежит ликвидации.

Таким образом, основные направления судебно-правовой политики РФ в отношении общественно опасных религиозных организаций постепенно трансформируются от лояльно-нейтральных (сформировавшихся в 1990-е гг. в отсутствие опыта сопоставления конституционной свободы вероисповедания и запрета деятельности на территории РФ деструктивных культов) к превентивно-ограничительным, выражающимся в судебных актах, в том числе Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Влезько Д. А., Салыкина Д. А. К вопросу об уголовной ответственности за преступления, связанные с экстремистской деятельностью // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 104–116.

2. Секты против церкви: (Процесс Дворкина) : сб. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2000. 735 с.

ЭМОДЗИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Виктор Юрьевич Надеждин

студент Юридического института
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С. П. Королева (Самарского университета)

Еще 15 лет назад люди слабо представляли, что такое эмодзи. Сейчас они стали еще одним способом общения, представляющий собой значки с различными выражениями лиц и не только. Люди по всему миру активно внедряют эмодзи в общение с помощью соцсетей, а компании используют смайлики в рекламе своей продукции, чтобы сделать её оригинальнее. Однако мало, кто представлял, что эмодзи станут доказательствами по гражданским делам в суде.

Эмодзи – это язык смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах, а также сами пиктограммы [1]. Данные

цифровые значки стали обыденным способом выражения мыслей в текстовых сообщениях, однако эмодзи могут в себе содержать несколько смыслов для интерпретирования. Один смайлик можно рассматривать как обычный безобидный значок, и как намерение оскорбить человека. Например в США эмодзи «Обезьяна» может интерпретироваться как оскорбление в адрес афроамериканцев. Однако в Китае отношение к обезьянам вполне нейтральное или даже позитивное, поскольку китайцы ассоциируют обезьян с Царем обезьян из национальных сказок. Следовательно, возникает необходимость определить значение эмодзи в юридическом контексте.

В зарубежных странах постепенно появляется судебная практика, где эмодзи рассматривались в качестве доказательства в суде. Например, в США, Израиле, Австралии, Китае и Франции. Впервые эмодзи появились в решениях судей в США в 2004 году, однако тогда это был редкий случай. В 2018 году суды США рассмотрели 171 дело с участием эмодзи [2]. В Китае, начиная с 2018 года было рассмотрено 158 дел [3]. Из этих данных можно сделать вывод, что в сегодняшних условиях цифровизации большинства сфер жизни человека количество случаев исследования эмодзи как доказательств в судах будет расти.

Исходя из судебной практики, в гражданско-правовых спорах эмодзи являются доказательствами определенных действий сторон на стадии переговоров перед осуществлением сделки. Задача судьи состоит в поиске правильного подхода к оценке эмодзи [4, с. 401]. Суды, изучают текст переговоров в общем виде и на его основе определяют значение эмодзи в контексте, за рамками общепринятого смысла смайлика [5, с. 159].

Судебная практика в зарубежных странах по исследованию эмодзи как доказательств по делу неоднозначна. В 2021 году в Китае рассматривалось дело по договору займа. Истец отправил ответчику сообщение в мессенджере с просьбой вернуть денежную сумму. Ответчик ответил сообщением, которое содержало в себе только эмодзи «знак ОК пальцами». Истец воспринял это сообщение как признание долга и что Ответчик согласен вернуть Истцу денежную сумму. Однако Ответчик утверждал, что долг не признавал. Суд не стал рассматривать данное эмодзи как доказательство одобрения долга [6].

Вопреки примеру выше, Канадский суд постановил, что эмодзи с поднятым большим пальцем можно рассматривать, как

подпись в договоре. Истец направил Ответчику проект договора, а последний отреагировал на сообщение с договором путем эмодзи с поднятым большим пальцем. Впоследствии, Ответчик обязательство не выполнил. Суд удовлетворил исковое заявление, так как посчитал, что эмодзи можно рассматривать как способ подписи договора и может быть рассмотрено как доказательство заключения договора. Суд добавил, что не может препятствовать развитию технологий и способов взаимодействия контрагентов.

Российский суд совсем недавно также признал эмодзи юридически значимым действием, а именно тот же эмодзи с большим поднятым вверх пальцем, как согласование условий договора купли-продажи мобильного торгового киоска [7]. На стадии переговоров, путем переписки в мессенджере WhatsApp, стороны согласовывали цвет киоска. Истец указал, что ему необходимо покрасить детали киоска в желтый цвет. Ответчик ответил на сообщение с помощью эмодзи в виде большого пальца вверх. Однако обязательство не выполнил. Суд принял и рассмотрел эмодзи как доказательство согласованности пункта договора в части цвета деталей киоска. В частности, суд указал, что данное эмодзи в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «Хорошо». Суд удовлетворил требование Истца о взыскании неосновательного обогащения. Приведенная судебная практика свидетельствует о случаях рассмотрения эмодзи, как доказательств, если их контекст однозначен, и вряд ли кто-то воспримет ответ собеседника со смайликом в виде знака ОК или поднятого большого пальца как выражение неодобрения. Однако бывают случаи, когда смысл сообщения, состоящего из эмодзи нельзя определить однозначно.

В Израиле было рассмотрено дело, касающееся заключения договора найма квартиры [8]. Супружеская пара отправила наймодателю сообщение, которое содержало в себе смайлики. Сообщение выглядело следующим образом: «Доброе утро «смайлик с улыбкой» мы хотим снять дом «белка», «комета», «бутылка шампанского» и «танцовщица» только нужно обсудить детали. Когда Вам удобно?». Хозяин дома после продолжительной переписки снял объявление об аренде с сайта недвижимости, будучи уверенным в том, что супруги собираются арендовать дом. Однако позже супруги прекратили переписку с наймодателем. Хозяин

дома подал иск на супружескую пару, поскольку действия последних нанесли ему убытки.

Не смотря на отсутствие, на первый взгляд, смысла в наборе случайных эмодзи в сообщении Ответчиков о намерении арендовать дом, суд принял во внимание смайлики и посчитал, что эмодзи в совокупности олицетворяют энтузиазм потенциальных нанимателей в заключении договора, что заставило Истца поверить в готовность заключить договор найма. Супруги пояснили, что выбрали смайлики случайным образом по предложению смартфона, однако данное высказывание осталось без внимания.

На данный момент судебная практика судов России по оценке эмодзи как доказательств по гражданскому делу невелика. Данный факт можно объяснить определенными сложностями. Во-первых, это отсутствие у судей опыта в оценки эмодзи, так и в использовании их в социальных сетях. Судьям важно проводить полный анализ не только самих эмодзи, но и лиц, которые эти смайлики отправили: их личность, круг общения, социальный статус и другое. Поэтому судьям необходимо иметь определенный объем знаний, где и как используется тот или иной смайлик в обычной жизни граждан РФ. Во-вторых, это проблема изображения эмодзи в текстах судебных актов. В основном эмодзи описываются с помощью текста либо им не уделяется внимание вовсе [9, с. 14]. При текстовом выражении эмодзи в судебных актах можно спутать смысл определенных смайликов. Большинство эмодзи выглядят схожим образом, но имеют разную трактовку. Если эмодзи будет описано как «улыбающийся», то у читателя может возникнуть вопрос, какой именно из «улыбающихся» эмодзи было рассмотрено в качестве доказательств. В-третьих, возникают сложности при интерпретации эмодзи, если одной из сторон спора является представитель зарубежной культуры [10, с. 1581]. Например, эмодзи «Ок» в большинстве стран означает, что все хорошо. В Японии же этот смайлик означает деньги. Эмодзи «Скрещенные большой и указательный пальцы» можно интерпретировать как знак денег, так и знак сердце.

Таким образом, способы коммуникации людей по всему миру стремительно развиваются, и эмодзи все чаще стали использоваться на стадии переговоров перед совершением сделок. Судам необходимо обращать внимание на наличие эмодзи в сообщениях сторон по делу, поскольку сообщения со смайликами могут при-

обрести особый смысл. Оценка эмодзи судами РФ как доказательств по гражданскому делу может сыграть важную роль при установлении важных фактов, которые повлияют на решение суда в дальнейшем. Судебная практика показывает, что исследование эмодзи в судах является новеллой в гражданском процессе в России. Судьям нужно опираться на зарубежный опыт, однако важно учитывать, что значение эмодзи в зарубежных странах может определяться совсем не так, как в его определяют граждане России.

Список литературы

1. Эмодзи : Википедия, Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эмодзи (дата обращения: 10.09.2023).
2. Gainsberg N. Emoji Appearing in Court Cases in Texts Submitted as Evidence. URL: https://www.gainsberglaw.com/blog/emoji-apperaring-in-court-in-texts-submitted-as-evidence/ (дата обращения: 10.09.2023).
3. Zhanhang Y. Chinese Courts See Rise in Emojis Used as Evidence in Lawsuits. URL: https://www/six-thtone.com/news/1010658/chinese-courts-see-rise-in-emojis-used-as-evidence-in-lawsuit?Source=channel_home (дата обращения: 10.09.2023).
4. Lantagne S. Famous on the Internet: The Spectrum of Internet Memes and the Legal Challenge of Evolving Methods of Communication // University of Richmond Law Review. 2018. Vol. 2. P. 401.
5. Behrens J. Unknown Symbols : Online Legal Research in the Age of Emoji // Legal Reference Services Quarterly. 2019. Vol. 4. P. 159.
6. Zhang v. Yan and Jia, Fuyang Intem. People's Ct., Anhui Province, China, 2021.
7. Арбитр.ру. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/cfc33257-7b61-4647-9d2f-a0935ef44d4b (дата обращения: 12.09.2023).
8. Livni E. Emojis prove intent, a judge in Israel ruled. URL: https://qz.com/987032/emojis-prove-intent-a-judge-in-israel-ruled (дата обращения: 16.09.2023).
9. Tenzer L. An Emoji Legal Dictionary // University of Pittsburgh Law Review. 2022. Vol. 1. P. 14.
10. Takahashi K. Is Smiling? Cross-Cultural Study on Recognition of Emoticon's Emotions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 10. P. 1581.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНОЙ И ВНЕСУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Алсу Рафиковна Пагубина

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

В качестве одного из видов защиты прав граждан и организаций в гражданском процессе применяется заключение эксперта. Наука российского права обычно выделяет два вида экспертиз: судебные и внесудебные. Основанием такого деления является субъект, назначивший проведение экспертизы. ГПК РФ законодательно закрепляет только судебную экспертизу, что указывает на наличие пробелов в законе [3].

Определение судебной экспертизы не содержится в нормах ГПК РФ, но имеет законодательное закрепление в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно статье 9 этого закона, «судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [2].

Не смотря на отсутствие законодательного закрепления определения, ГПК РФ в статьях 79–87 устанавливает основные положения касательно судебной экспертизы: основание ее назначения, порядок проведения, права и обязанности эксперта, положения о заключении эксперта и так далее.

На основании вышеизложенного определения и норм ГПК РФ И. В. Юдин выделяет следующие признаки, характерные для судебной экспертизы в гражданском процессе:

«1) судебная экспертиза проводится компетентным лицом - экспертом, обладающим специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла;

2) судебная экспертиза заключается в проведении исследований и изложении результатов этих исследований в виде письменного заключения;

3) судебная экспертиза – процессуальное действие, таким образом невозможно провести судебную экспертизу вне соответствующего процесса, в ситуации с судебной экспертизой в гражданском судопроизводстве – вне судебного производства;

4) в гражданском судопроизводстве судебная экспертиза может быть назначена только судом иди судьей;

5) эксперт при производстве судебной экспертизы не выходит за рамки поставленных перед ним вопросов;

6) цель проведения судебной экспертизы – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу;

7) заключение о результатах экспертизы является самостоятельным видом судебных доказательств» [5].

Как уже отмечалось ранее, внесудебная экспертиза не имеет законодательного закрепления. Поэтому определить что входит в это понятие и каковы его границы очень затруднительно.

Согласно части 2 статьи 55 ГПК РФ, «доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда» [1]. Исходя из нормы данной статьи внесудебная экспертиза не может применяться в качестве доказательства, так как не назначается судом, а, следовательно, проводится вне рамок гражданского процесса.

При этом суды все же используют результаты таких экспертиз, но в другом процессуальном статусе – статусе «письменных доказательств». Согласно части 1 статьи 71 ГПК РФ, «письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом» [1].

Использование результатов внесудебной экспертизы в качестве письменных доказательств является некорректным, так как это два самостоятельных вида защиты прав граждан и организаций, которые имеют разную правовую природу. Экспертиза основывается на «специальных знаний в различных областях науки,

техники, искусства, ремесла», без которых эксперт не сможет составить свое заключение. Для письменных же доказательств нет таких жестких рамок. Однако, ГПК не предусматривает иной альтернативы для рассмотрения результатов внесудебной экспертизы, поэтому такая практика имеет место быть. Таким образом, сопоставление данных способов защиты прав хоть и применяется на практике, но не решает полностью проблему [4].

Поэтому, по моему мнению, необходимо внести изменения в нормы ГПК РФ и помимо судебной экспертизы также закрепить положения, касающиеся внесудебной. В частности предлагается ввести в главу 6 статью 79.1 «Назначение внесудебной экспертизы», в которой будет установлено следующее:

1) в пункте первом данной статьи дать определение понятию «внесудебная экспертиза»;

2) в пункте втором указать кто правомочен ее проводить, а также кто и при каких условиях будет ее назначать;

3) в пункте третьем установить порядок проведения такой экспертизы;

4) в пункте четвертом закрепить права и обязанности эксперта;

5) в пункте пятом указать в какой форме будет составляться заключение эксперта, содержание такого заключения.

Данные изменения позволят избежать неточности, ранее допущенные из-за отсутствия законодательного закрепления такой формы экспертизы, а также облегчат применение судами результатов экспертизы в качестве одного из видов способа защиты прав.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828 (дата обращения: 10.10.2023).

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 (последняя редакция). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071320 (дата обращения: 10.10.2023).

3. Воронин С. А. Судебные и внесудебные экспертизы // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. С. 225–227.

4. Руденко М. Б. О правовых основах использования результатов внесудебной экспертизы в гражданском процессе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (7). С. 54–56.

5. Юдин И. В. К вопросу о понятии судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 4. С. 451–455.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гульназ Рашитовна Рамазанова[1], Татьяна Олеговна Ромашкина[2]

[1,2]студентка Юридического института Пензенского государственного университета

Законодатель в императивном порядке не закрепил в гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации понятия процессуального срока. По словам А. В. Оболенского, П. В. Каменевой «в гражданско-процессуальном законодательстве процессуальный срок означает определенный гражданским процессуальным законом отрезок времени для совершения судами, лицами, участвующими в деле, и другими участниками судопроизводства каких-либо процессуальных действий» [2].

Процессуальные сроки играют крайне важную роль в гражданском судопроизводстве. Значение процессуальных сроков состоит в том, что они служат юридическими фактами, в результате которых возникают, изменяются, прекращаются гражданские процессуальные правоотношения [3].

Кроме того, они обеспечивают динамику всего гражданского процесса и создают оптимальные условия для осуществления правосудия по гражданским делам.

Процессуальные сроки являются средством регулирования и упорядочивания судебных процедур. Они предоставляют сторонам и суду определенное время для выполнения необходимых действий, таких как подача документов, представление доказательств,

подготовка судебного заседания и т.д. Это способствует поддержанию порядка и эффективности в судебном процессе.

Соблюдение процессуальных сроков является обязательным для всех участников процесса, и их несоблюдение может привести к отказу в удовлетворении исковых требований или отмене решения суда. Кроме того, процессуальные сроки помогают обеспечить эффективность и своевременность рассмотрения дела, что в свою очередь способствует справедливости и законности в гражданском процессе.

Процессуальные сроки способствуют сохранению дисциплины и соблюдению правил судопроизводства. Они помогают поддерживать подходящий темп разбирательства дела, избежать необоснованных задержек и обеспечить своевременное принятие решений.

Также процессуальные сроки содействуют ускорению рассмотрения гражданских дел, создают ясность, устойчивость правоотношений, возникающих в ходе их рассмотрения.

Внедрение и применение этих сроков может сталкиваться с рядом проблем, которые затрудняют эффективную работу судов и создают неопределенность для сторон.

Одной из основных проблем является неоднозначность формулировок процессуальных сроков в гражданском процессуальном кодексе. Законодательство может использовать разные термины, такие как «надлежащий срок», «установленный срок», «приемлемый срок» и т.д., что создает путаницу и затрудняет интерпретацию этих сроков. Отсутствие четкого определения приемлемого срока ведет к различиям в практике разных судов и создает неопределенность для сторон [1].

Еще одна наиболее серьезная проблема связана с нарушением процессуальных сроков. В случае нарушения срока сторона может потерять возможность представить свои доказательства или аргументы, что существенно влияет на результат дела. Это может привести к несправедливым результатам и непропорциональным последствиям для сторон в судебных процессах. Оспаривание нарушения срока также может быть сложным и требовать дополнительного времени и ресурсов [5].

В целом, проблемы определения процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве создают неопределенность и затрудняют эффективную работу судов, а также могут приводить

к несправедливым результатам для сторон. Решение этих проблем требует не только четкого определения процессуальных сроков в законодательстве, но и согласованности практики разных судебных органов в их интерпретации и применении [4]. Это позволит обеспечить более справедливый и эффективный доступ к юстиции для всех участников гражданского судопроизводства.

Для решения проблемы неоднозначности формулировки процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве требуется внесение поправок в закон с целью создания четкой и понятной формулировки процессуальных сроков, а именно внести изменения в главу 9 ГПК РФ определение понятия «процессуальный срок». В данном определении следует указать, что процессуальный срок – это установленный законом период времени, в течение которого должны быть совершены определенные процессуальные действия или предъявленные определенные требования.

По нашему мнению для решения проблемы нарушения процессуальных сроков может послужить упрощение процедуры отлагательства судебных заседаний. В случаях, когда стороны по уважительным причинам не могут присутствовать на заседании, следует предусмотреть механизмы быстрого и простого переноса заседания на более удобный срок. Это позволит избежать проблем с нарушением сроков и ускорить процесс судопроизводства.

Определение процессуальных сроков и их правильное применение являются задачей судебных органов. Четко определенные и разумные сроки способствуют более справедливым и эффективным судебным процессам, позволяя сторонам в разумный срок защищать свои права и интересы. Однако решение проблем, связанных с определением процессуальных сроков, требует дальнейшего улучшения законодательства и согласованности практики судов с целью достижения более предсказуемого и справедливого судопроизводства [2]. Процессуальные сроки являются частью законодательства и процессуальных правил, которые устанавливаются судами. Соблюдение сроков в гражданском судопроизводстве основано на принципах справедливости, равенства сторон и обеспечения права на судебную защиту. Это помогает поддерживать легитимность и доверие к судебной системе.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 01.07.2021).

2. Оболенский А. В., Каменева П. В. Проблема процессуальных сроков в гражданском процессе // Наука и образование: проблемы и перспективы : материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. Нефтекамск, 2020. С. 240–247.

3. Митцукова Г. А., Шалаумова Т. В. Проблемы определения процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 187–189.

4. Байрамова (Амирова) У. М. К. Актуальные проблемы гражданско-процессуальных сроков // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 203–205.

5. Кулдыркаева К. И. Проблемы правильного исчисления начала и окончания сроков в гражданском процессе // Аллея науки. 2019. Т. 3, № 5 (32). С. 621–626.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Екатерина Викторовна Рассказова

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Стремительное развитие технологий оказывает существенное влияние на различные сферы жизни общества, в том числе деятельность правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений. Одним из достижений научно-технического прогресса, активно внедряемых в правоохранительную деятельность, является применение полиграфа. На протяжении последних лет сформировалась устойчивая практика его использования в работе кадровых служб и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем, использование полиграфа в уголовном судопроизводстве не является столь однозначным, как ввиду пробелов в правовом регулировании, так и по причине противоречивости правоприменительной практики и активных доктринальных дис-

куссий, не позволяющих прийти к окончательному осмыслению данной проблемы.

Относительно возможности использования полиграфа в уголовном процессе существуют две противоположные точки зрения: сторонники первой видят пользу в использовании данного прибора в уголовном судопроизводстве, другие отвергают возможность его применения расценивая в качестве недопустимого доказательства, либо не считают полиграф источником достоверных доказательств. Вне зависимости от избранной позиции очевидным является существование определенных проблем, возникающих в процессе использования полиграфа в уголовном судопроизводстве.

Для начала стоит определить понятие полиграфа и основные принципы его функционирования. К полиграфам относятся приборы, используемые для фиксации психофизиологических параметров человека посредством датчиков. Проведение опроса с применением полиграфа способствует: а) получению от опрашиваемого фактических данных, имеющих значение для своевременного проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а также для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений; б) осуществлению розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания, и без вести пропавших граждан; в) оценке достоверности информации, сообщаемой опрашиваемым; г) проверке опрашиваемого на причастность к подготавливаемым или совершенным противоправным деяниям[1].

Работа полиграфа основывается на следующих принципах. Данный технический прибор помогает установить динамику психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявленные стимулы (заданные вопросы, связанные непосредственно с событием или фактом, который подлежит проверке) с помощью регистрации физиологических показателей, таких как дыхание или потоотделение. Датчики, закрепленные на теле человека, фиксируют физиологические изменения в его организме. С помощью полученных показателей эксперт-полиграфолог делает вывод о наличии или отсутствии в памяти испытуемого лица воспоминаний об определенном событии [1, с. 1].

[1] Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан (утверждена приказом МВД РФ от 28.12.1994 № 437).

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит в себе положений, предусматривающих использование полиграфа ни в перечне источников доказательств, ни в качестве средства доказывания, что влечет необходимость обращения к положениям иных нормативно-правовых актов, в первую очередь ведомственного характера.

С другой стороны, системный анализ норм действующего УПК РФ позволяет сформулировать следующие тезисы:

– полиграф выступает техническим средством, а положения ч. 6 ст. 164 УПК РФ свидетельствуют о возможности использования технических средств при проведении следственных действий, в том числе таких как допросы либо производство судебных экспертиз;

– с согласия допрашиваемого лица, для подтверждения данных показаний могут быть использованы средства фото и видеофиксации, а также аудиофиксации (ч. 4 ст. 189 УПК РФ), что вполне можно соотнести со способами фиксации изменения эмоционального состояния, полученными путем использования полиграфа;

– на основании ч. 2 ст. 189 УПК РФ следователь при выстраивании тактики допроса допрашиваемого лица не ограничен в выборе средств, таким образом он может привлечь к допросу и специалиста-полиграфолога для использования полиграфа;

Более того возможность проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном процессе закреплена некоторыми подзаконными актами. Важную роль среди них играют ведомственные приказы Министерства внутренних дел Российской Федерации [2, с. 2]. Так, данный вид экспертизы указан в Приложении № 2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»[1]. Другим нормативно-пра-

[1] Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых

вовым актом, закрепляющим проведение рассматриваемой психофизиологической экспертизы, является Приказ ФСБ «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности». Проанализировав его, можно выделить следующие типовые задачи, решаемые при производстве психофизиологических экспертиз: диагностика наличия в памяти человека информации о событиях прошлого с использование полиграфа[1].

Из приведенных доводов можно сделать вывод о том, что действующее законодательство Российской Федерации прямо не запрещает использование полиграфа в уголовном судопроизводстве, более того существуют отдельные ведомственные нормативно-правовые акты, непосредственно регламентирующие процедуру психофизиологической экспертизы, которые в силу отсутствия противоречий с УПК РФ могут выступать в качестве самостоятельных источников уголовно-процессуального права.

Вместе с тем, стоит отметить, что на практике подавляющее большинство судов первой и вышестоящих инстанций не признают результаты психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа либо психофизиологического исследования в качестве доказательств.

Для примера можно привести Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.09.2017 № 45-АПУ17-18. В нем сказано: «заключение специалиста по психофизиологическому исследованию с применением полиграфа в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона не является доказательством по уголовному делу и не может быть принято судом во внимание»[2].

Подобный подход, отмечаемый в судебной практике, может быть объяснен несколькими факторами.

в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // Российская газета. 2005. № 191.

[1] Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 40.

[2] Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.09.2017 № 45-АПУ17-18. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 23.11.2023).

Представляется, что важнейшим из них является то обстоятельство, что отсутствие научно-апробированных методик психофизиологического исследования не позволяет в полной мере отнести его результаты ни к одному из источников доказательств указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в частности к заключению эксперта или специалиста. В то же время действующий уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень источников доказательств и средств доказывания, которые не подлежат расширительному толкованию.

Наряду с этим, ряд вопросов вызывает и механизм работы полиграфа, который характеризуется вероятностью получения недостоверной информации. Существуют возможности «обмануть» полиграф путем использования физического и механического методов противодействия психофизиологическому исследованию с использованием полиграфа. Они включают в себя кашель, намеренное изменение дыхания, осознанные движения в процессе проведения процедуры и др. Подобные действия нарушают динамику психофизиологических реакций обследуемого лица, что мешает регистрации физиологических показателей. Это в дальнейшем может привести к тому, что сделанные полиграфологом выводы о наличии или отсутствии в памяти испытуемого лица воспоминаний об определенном событии могут быть неверными [3, с. 5].

Кроме того, выделяются психологический и химический способы повлиять на показания, полученные специалистом-полиграфологом. Они связаны с принятием определенных препаратов, например, седативных, которые вызывают успокоение или уменьшение эмоционального напряжения.

Таким образом, несмотря на актуальность использования полиграфа в уголовном судопроизводстве, по этому поводу существуют противоречивые мнения, связанные в первую очередь со значительными проблемами в применении рассматриваемого прибора. Множество факторов могут оказывать непосредственное воздействие на результаты исследования на полиграфе, из-за чего заключения полиграфологов имеют вероятностный характер. Безусловно, информация, полученная с помощью данного исследования, является ценной для оперативных сотрудников. Ее можно назвать ориентирующей, помогающей в проверке версий следствия. Однако результаты психофизиологических исследований и экспертиз не являются самостоятельными доказательствами по

уголовному делу, что исключает их возможность использования в процессе доказывания.

Список литературы

1. Куликова Е. Г., Шигуров А. В. Проблемы использования полиграфа в современном уголовном процессе России // Политика, государство и право. 2016. № 4 (52). С. 23–27.

2. Мигачева Е. Д., Оточина И. А., Нестеренко У. А. Проблемы использования полиграфа при раскрытии преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1 (37). С. 2.

3. Журкина О. В. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве отдельных видов доказательств // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 7А. С. 240–249.

ГУМАНИЗАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Светлана Александровна Савкина

студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

В последние годы в Российской Федерации ведется масштабная работа по совершенствованию уголовно-правовой политики, основной вектор которой заключается в минимизации репрессивных начал и общей гуманизации действующего законодательства. О формировании устойчивых трендов в данном направлении свидетельствует значительное количество реализованных законодательных инициатив, предусматривающих декриминализацию отдельных уголовно наказуемых деяний, расширение сферы применения административной преюдиции, закрепление новых оснований освобождения от уголовной ответственности, что оказывает позитивное влияние на все сферы общественной жизни, включая предпринимательскую и иную экономическую деятельность, и согласуется с це-

лями создания и поддержания в России благоприятного делового климата.

В феврале 2021 года Верховный Суд РФ, реализуя право законодательной инициативы и действуя в русле общей тенденции по гуманизации уголовного законодательства, внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроект об уголовном проступке. В нем к категории уголовного проступка предлагается отнести 112 составов преступлений[1].Тем самым авторы законопроекта фактически предлагают ввести двучленную классификацию преступных деяний, предусмотрев в ней наряду с собственно преступлениями уголовные проступки в качестве деяний, обладающих менее высоко общественной опасностью. Это не первая попытка высшего судебного органа закрепить новый институт в уголовном законодательстве – похожий законопроект вносился в 2018 году, однако тогда он не получил поддержки правительства, поэтому новый проект федерального закона был существенно переработан.

Одна из главных целей введения нового правового института, как заявлялось председателем Верховного Суда РФ Вячеславом Лебедевым: снижение уровня криминализации общества и нивелирование масштабных социальных последствий судимостей[2].

Для решения вопроса о введении в УК РФ нового института, необходимо четко определить само понятие уголовного проступка.

По мнению В. М. Дмитрука, большую часть менее общественно опасных деяний, расцениваемых действующим уголовным законодательством в качестве преступлений, следует исключить из числа таковых, создав категорию уголовно-правовых проступков. При этом необходимо исходить из того, что проступки – это уголовные правонарушения, тщательно отобранный круг преступлений, имеющих малозначительную опасность [1, с. 54]. В свою

[1]О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : проект федер. закона. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7 (дата обращения: 23.11.2023).

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». С. 23. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7 (дата обращения: 24.11.2023).

очередь, Е. В. Рогова считает, что к уголовным проступкам необходимо относить умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы [2, с. 287].

Анализируя законодательство и опыт зарубежных стран по данному вопросу, можно заключить, что уголовный проступок является промежуточной категорией между преступлениями и административными правонарушениями, его отличительная черта состоит в относительно невысоком уровне общественной опасности, которая формирует необходимость определения особого режима ответственности (сокращенные сроки давности, применение не всех видов наказания, сокращение их сроков) [3, с. 3].

Таким образом, соответствующие деяния признаются уголовным проступком при условии, что они совершены лицом впервые, то есть если на момент его совершения лицо не имело неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности за уголовный проступок в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления.

К категории уголовных проступков предлагается не относить умышленное причинение легкого вреда здоровью, преступления против военной службы и некоторые другие деяния. Также исключаются налоговые и иные преступления в сфере экономической деятельности, если статьи Особенной части УК РФ об ответственности за их совершение уже содержат примечания, согласно которым лицо, совершившее соответствующее деяние, подлежит освобождению от уголовной ответственности при условии возмещения причиненного ущерба.

Авторы законопроекта исходят из того, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Если лицо, освобожденное в связи с совершением уголовного проступка от уголовной ответственности, будет уклоняться от назначенной ему судом иной меры уголовно-правового характера, она может быть заменена ему на уголовное наказание. Кроме того, при уклонении лица от назначенной иной меры уголовно-пра-

вового характера предлагается приостановление течения срока давности уголовной ответственности.

Как отмечали инициаторы законопроекта, анализ судебной практики свидетельствует о том, что количество лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести, в том числе лиц, осужденных за эти преступления впервые, весьма значительно: 51 % от всех осужденных в 2018 и 2019 годах получили судимость за преступления небольшой тяжести. И эта тенденция сохраняется. Так, в 2021 году за преступления небольшой тяжести было осуждено 287 895 лиц из общего количества осужденных 565 523, то есть 50,91 %; в 2022 году за преступления небольшой тяжести было осуждено 292 380 лиц из общего количества осужденных 578 756, что составляет 50,52 %. Таким образом, современная структура осужденных характеризуется тем, что практически каждое второе лицо осуждается за преступление небольшой тяжести. Следовательно, возникает необходимость в назначении справедливого наказания, которое в максимальной степени будет способствовать исправлению, а не деформации личности осужденного.

Мнения ученых по поводу введения такой новеллы разделились на ее активных сторонников и противников, что позволяет проанализировать как позитивные, так и негативные стороны анализируемого правового института.

Не вызывает сомнения, что наличие судимости у человека негативно влияет на его дальнейшую жизнь, так как препятствует социализации граждан, ограничивает возможности трудоустройства и реализации личности в профессиональном плане, а также может повлиять и на трудовые возможности близких. Даже погашенная судимость оставляет определенный след в жизни человека – факт судимости остается в биографии навсегда. А. Г. Кибальник, А. В. Наумов, Г. Есаков, С. Пашин и другие авторы считают, что введение в УК РФ норм об уголовном проступке даст шанс лицу продолжить «нормальную» жизнь после отбытия наказания, так как исключит наличие судимости. Возвращение такого человека к обычному ритму жизни станет более легким, так как социальные связи с миром будут сохранены. Реализация предлагаемых изменений недопустит десоциализации граждан, впервые совершивших преступления небольшой тяжести, особенно – в молодом возрасте, так как будет препятствовать их вовлечению в криминальную среду. Самым значимым же преимуществом введения категории «уголовного про-

ступка» является отсутствие судимости и всех связанных с ней правовых последствий после прекращения в отношении обвиняемого уголовного дела [3, с. 2].

Противники указанной позиции, например, Л. В. Головко, полагают, что отсутствие судимости при привлечении к уголовной ответственности за уголовный проступок, во многом ущемляет интересы потерпевших, поскольку при отсутствии данного статуса лицо ничем не рискует и в случае рецидива, что, в свою очередь, приведет к нарушению безопасности личности и общества и ухудшению состояния преступности [4].

Основная проблема, которую хочет решить Верховный Суд внесением законопроекта – снижение числа осужденных. Однако существующее законодательство уже предусматривает такие механизмы. Например, судебный штраф, который позволяет «оставить человека без судимости», или использование судом понятия «малозначительность преступления» [5].

Подводя итог, можно заключить, что гуманизация уголовного судопроизводства – одно из главных направлений совершенствования правосудия. В связи с этим Верховный Суд РФ уже дважды за последние годы становился инициатором законопроекта «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» – в 2018 и 2021 годах. Введение данной новеллы в российское законодательство поспособствует гуманизации системы наказаний и позволит человеку социализироваться наравне с остальными.

Список литературы

1. Дмитрук В. М. Критерии разграничения преступлений и административных правонарушений // Вопросы уголовного права и процесса в практике деятельности органов внутренних дел : сб. науч. тр. Киев. высш. школы им. Ф. Э. Дзержинского МВД СССР / отв. ред. Ю. И. Римаренко. Киев, 1979. С. 54.

2. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 287.

3. Алференок Е. А., Маргитич А. В. Гуманизация уголовного законодательства России: уголовный проступок // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 3.

4. Головко Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127−136.

5. Корсун Д. Ю. О законопроекте Верховного Суда РФ, связанном с декриминализацией ряда преступлений небольшой тяжести, а также предложением по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок»» // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 88–94.

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анна Саргисовна Смбатян

студентка Юридического института
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С. П. Королева (Самарского университета)

Научный руководитель – М. А. Агаларова,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С. П. Королева (Самарского университета)

Сегодня процесс медиации, признаваемый легальным методом разрешения споров, становится всё более популярным. Медиация – это процесс ведения переговоров, при котором медиатор-посредник играет роль организатора и руководит процессом переговоров таким образом, чтобы стороны достигли наиболее реалистичного и удовлетворяющего интересам обеих сторон соглашения. Результатом этого процесса является урегулирование конфликта между сторонами. Основой для регулирования медиации в России служит Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации)» [1], который вступил в силу в январе 2011 года и стал основополагающим законом для применения и развития этой процедуры.

Споры, касающиеся защиты прав интеллектуальной собственности относятся к сложным и отличаются своей спецификой, именно это стало предпосылкой для создания Суда по интеллектуальным

правам (далее – СИП), который начал свою работу в 2022 г. в СИП поступило 1252 исков. При этом в 2022 году Суд рассмотрел больше дел, чем в 2021 г. (1215 дел против 1090). В частности, было рассмотрено 30 дел с участием граждан, не имеющих статуса ИП (в 2021 г. этот показатель был вдвое меньше) [2].

Исследование тенденций развития и практики применения законодательства в сфере интеллектуальной собственности позволяет сделать вывод о том, что число споров, возникающих между субъектами данных правоотношений, неуклонно растет. Следовательно, их урегулирование при помощи участия посредника может быть достаточно эффективным механизмом как для «разгрузки» судов, так и для ликвидации возникших правовых конфликтов в более короткие сроки, нежели чем в судебном разбирательстве [3]. Преимущества разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности с помощью посредника однозначно есть. Однако почему на практике данный способ не пользуется популярностью? В Справке «О практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г.» [4] был отмечен ряд причин низкой популярности примирительных процедур, которые подразделены на организационные, экономические и субъективные (психологические). Среди них я выделила некоторые причины, которые актуальны и в данный момент.

К примеру, отсутствие практики использования процедур медиации и отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов, также выделяется высокая степень конфликтности в обществе и в то же время отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров.

Также можно выделить то, что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Данный факт приводит к недоверию в обществе к медиаторам. Как уже указывалось выше, споры в данной сфере обладают спецификой и требуют специальных знания. Именно из-за данного факта исходит недоверие к посредникам, так как есть вероятность того, что посредник не сможет оказать помощь и разрешить дела в данной категории на уровне, как это сделает Суд по интеллектуальным правам.

Единственное решение проблемы на данный момент, на мой взгляд, заключается в изменении требований, закрепленных в статье 15 Федерального закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» тем, что деятельность медиатора может осуществляться только лишь с юридическим образованием.

Таким образом несмотря на то, что в Российской Федерации решение конфликтных ситуаций через суды является достаточно популярной практикой и количество дел, которые ежегодно рассматриваются судами растет, все же научный и практический интерес к медиации как законному методу урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности постоянно растет. Однако, несмотря на наличие в Российской Федерации достаточной правовой базы для развития и использования этой процедуры, устойчивой медиативной практики пока не сформировалось, что в свою очередь, вытекает из факторов, о которых я говорила выше. Для решения данных проблем, как я указывала выше, необходимо дополнить статью 15 положением, что у медиатора обязательно должно быть юридическое образование, но данного факта будет недостаточно, если посредник не будет обладать такими качествами, как грамотное ведение диалога и навыками разрешения различных конфликтных ситуаций.

Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 (ред. от 26.07.2019).

2. Статистика деятельности СИПа. URL: https://ipc.arbitr.ru/node/13545?ysclid=lmw4nwj32f55975905/ (дата обращения: 21.09.2023).

3. Мавлютова Г. Р. Актуальные проблемы применения медиации по спорам в сфере интеллектуальной собственности // XVI Королевские чтения : сб. материалов Междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина : в 3 т. Самара, 2021. Т. 3. С. 1292–1293.

4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : справка о практике применения судами федер. закона № 193-ФЗ от 27.07.2010 за период с 2013 по 2014 гг.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW _200160 (дата обращения: 22.09.2023).

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СУДА ПРИСЯЖНЫХ, И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Владимирович Фомин

студент Юридического института
Пензенского государственного университета

Мы живем в современном демократическом государстве, в котором судебная власть является независимой. Вместе с тем суд присяжных является формой общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Собирание и анализ доказательств в ходе предварительного следствия не всегда находится на должном высоком уровне и, если профессиональный судья может, конечно, в пределах своей компетенции нивелировать и восполнять огрехи следствия (путем исключения приобщенных к уголовному делу доказательств, приобщения по ходатайству сторон новых, назначения тех или иных дополнительных либо повторных экспертиз), то присяжные заседатели, независимые от других участников судопроизводства, в связи с этим непредвзятые и более чутко реагирующие на ошибки следствия, с целью вынесения справедливого решения могут истолковать их в пользу обвиняемого.

Суд присяжных в России имеет богатую историю, является не только важной составляющей судебной системы нашей страны, но и воплощением конституционного права граждан, однако, в деятельности этого института существует множество проблем, которые будут более подробно освещены в данной статье.

Во-первых, это правовая неграмотность членов суда присяжных, которая нередко влечет вынесение незаконного вердикта, а затем и приговора, постановленного на его основании [1].

Как правило, суд присяжных состоит из лиц, не имеющих юридического образования, в связи с этим не обладающих способностью объективно анализировать и, соответственно, правильно оценивать совокупность имеющихся по делу доказательств, руководствуется в своей деятельности не вопросами факта, а в большинстве случаев все-таки своими эмоциями, в связи с чем допускает ошибки при принятии решения о виновности или невиновности подсудимого. С учетом того, что оправдательный приговор, поста-

новленный по делу, рассмотренному с участием присяжных заседателей, может быть отменён лишь по процессуальным основаниям, виновные уходят от ответственности за совершённые преступления, что недопустимо, поскольку при этом нарушаются конституционные права потерпевших.

Так, в 2010 году Пензенским областным судом с участием присяжных заседателей вынесен оправдательный приговор на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей в отношении А., имеющего судимость за совершение особо тяжкого преступления, которому органами предварительного следствия было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ[1] (в редакции последовательные и подробные показания несовершеннолетней потерпевшей, утверждавшей, что в ходе ее сопротивления А. высказывал угрозы убийством, которые она воспринимала реально, приставлял нож к шее, причинил им ранения, руками наносил удары по голове, после чего дважды совершил преступные действия, предусмотренные п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ; подтверждавшие показания потерпевшей заключения экспертов, зафиксировавших наличие у нее ножевых ранений и телесных повреждений, в том числе характерных для данного вида преступлений, коллегией присяжных заседателей был вынесен оправдательный вердикт. Кассационным определением Верховного Суда РФ оправдательный приговор был оставлен без изменения, а жалоба потерпевшей – без удовлетворения в связи с тем, что по уголовному делу не были допущены нарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 385 УПК РФ, при наличии которых может быть отменен оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей[2].

Можно только догадываться, что повлияло на решение присяжных, но очевидно, что эмоции возобладали при его принятии.

Во-вторых, количество факторов, оказывающих влияние на восприятие информации присяжными заседателями и последую-

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // КонсультантПлюс.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // КонсультантПлюс.

щей даче оценки, крайне велико. Учесть их полностью не представляется возможным, что негативным образом влияет на процесс отправления правосудия данным институтом [2].

Так, коллегия присяжных заседателей, как и любой другой коллектив, состоит из людей решительных и робких, эмоционально устойчивых и не очень, способных навязать свое мнение и, наоборот, внушаемых, склонных к сомнениям. Среди присяжных заседателей нередко выявляется лидер, который активно пытается склонить остальных к тому или иному решению, приводит доводы и обрывает, порой достаточно грубо, более робких коллег. А если при этом его поддерживают еще двое-трое достаточно волевых людей, то остальные могут просто уклониться от споров и принять их позицию, которая, к сожалению, не всегда является объективной и правильной [3, с. 116].

Все это происходит вопреки разъяснениям председательствующего, данным им в начале судебного заседания во вступительном слове и перед удалением в совещательную комнату в напутственном о том, что каждый из присяжных заседаний должен только свое решение держать в голове и голосовать за него.

В-третьих, сложности при формировании коллегии присяжных заседателей [4, с. 287].

Во время отбора присяжных заседателей стороны, как обвинение, так и защита, а также председательствующий задают кандидатам вопросы, касающиеся их пригодности к рассмотрению уголовного дела. Кандидат в присяжные заседатели не может участвовать в течение года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя более одного раза, не должен знать никого лично из участников процесса, не иметь опыта работы в правоохранительных органах, особенно в недавнем прошлом, не быть вовлеченным в расследование других уголовных дел, не иметь судимости, не привлекаться к административной ответственности, не обладать информацией об уголовном деле, опубликованной в СМИ, быть психически здоровым и т.д. [5]. Кандидаты в присяжные заседатели отвечают на заданные им сторонами вопросы, связанные с выяснением обстоятельств, препятствующих их участию в судебном заседании, после чего участникам процесса предоставляется возможность воспользоваться правом отвода.

Сложность формирования объективной коллегии присяжных заседателей состоит в том, что в небольших областных центрах,

каким является и наш город Пенза, а особенно в районных достаточно трудно найти людей, которые не знакомы с самим подсудимым или потерпевшим, с их друзьями и родственниками, не наслышаны об обстоятельствах дела по слухам либо из средств массовой информации, а правдивость ответов кандидатов не всегда удается проверить [6, с. 62]. Перед участниками процесса предстает совершенно незнакомый человек, который утверждает, что не знаком с подсудимым или с потерпевшим, а на самом деле знает кого-либо из них, заинтересован в исходе дела и впоследствии попытается навязать в совещательной комнате свое мнение другим присяжным заседателям.

Нередко присяжный заседатель скрывает важные обстоятельства, касающиеся его личности, не сообщает об имеющейся судимости, о наличии заболевания, препятствующего исполнению им обязанностей присяжного заседателя, и т.д.

Выяснение указанных и иных подобных обстоятельств после постановления приговора является безусловным основанием для его отмены. Но ведь имеются случаи, когда факты заинтересованности того или иного присяжного заседателя в результате рассмотрения дела так и не были выявлены, а фактически его участие повлияло на принятое коллегией решение.

Учитывая, что само по себе рассмотрение уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей требует больших временных затрат, чем рассмотрение дела в общем порядке, то после отмены приговора, сроки рассмотрения и материальные затраты, связанные с вызовом участников судопроизводства, особенно если дело после отмены приговора направлено на новое судебное разбирательство в иной регион, соответственно увеличиваются [7].

При этом не стоит забывать и о том, что рассмотрение дел в порядке главы 42 УПК РФ связано еще и с материальными затратами по оплате, как правило, из бюджета труда присяжных заседателей.

Но, несмотря на это, работающие не очень охотно соглашаются исполнять обязанности присяжных заседателей, в связи с тем, что работодателем их отсутствие на работе, пусть и в связи с исполнением гражданского долга, не приветствуется.

Существующим законодательством не предусмотрена ответственность за немотивированный отказ граждан от явки в суд для

исполнения обязанностей присяжного заседателя, это вызывает дополнительные трудности для формирования коллегии присяжных.

В-четвертых, возникают трудности при пресечении председательствующим в ходе проведения судебного процесса незаконных высказываний его участников.

Так, в соответствии с ч. 7 ст. 335 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Таким образом, закон запрещает доводить до сведения присяжных заседателей информацию, не относящуюся к фактам, доказанность которых устанавливается ими. Председательствующий обязан пресекать высказывания сторон, касающиеся вопросов, находящихся за пределами компетенции присяжных заседателей.

Но на практике пресечь незаконные высказывания бывает крайне затруднительно. Например, подсудимый, злоупотребляя своими правами и обращаясь к присяжным, рассказывает о своей невиновности, ставит под сомнение компетентность и добросовестность органов предварительного расследования в вопросах собирания и закрепления доказательств по уголовному делу, сообщает о примененных к нему незаконных методах, о версиях совершения преступления другим человеком. Конечно, председательствующий делает ему неоднократные замечания, разъясняет присяжным, что они не должны учитывать данные обстоятельства, но подсудимый на замечания не реагирует, а информация присяжными получена и на них было оказано соответствующее воздействие. Если судья удалит подсудимого за нарушение порядка, то это обстоятельство вкупе с полученными сведениями может вызвать жалость к нему и соответственно привести к неправильным выводам присяжных заседателей. А если так поступит свидетель, желающий помочь подсудимому? Его тоже можно удалить, но одновременно незаконно лишить стороны возможности задать свидетелю вопросы относительно обстоятельств дела.

Систематическое нарушение участниками процесса требований уголовно-процессуального закона, касающихся особенностей рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, доведение до сведения присяжных информации, не относящейся

к их компетенции, может повлиять не только на содержание данных присяжными ответов, но и явиться основанием для отмены приговора.

Данный вопрос требует правового урегулирования, поскольку с учетом менталитета граждан в современном обществе такие ситуации встречаются довольно часто.

Несомненно, что в условиях состязательности уголовного процесса с участием присяжных заседателей многократно повышается роль государственного обвинителя, который должен убедительно и понятным языком донести до сведения присяжных, не имеющих юридического образования, свою позицию, поскольку обилие в его речи правовой терминологии может привести к непониманию ими предоставленной информации. Большое значение имеет при этом уровень ораторского искусства, которым владеет прокурор, его умение аргументировать свои выводы, немаловажен и эмоциональный аспект [8, с. 527].

Подводя итог, следует отметить следующее: для дореволюционной России суд присяжных, безусловно, был передовым, шагом к будущему более совершенному обществу. В Российской империи, совсем недавно сбросившей оковы крепостничества, факт того, что народ в лице присяжных заседателей, решал судьбу подсудимого вопреки позиции власти, как это, например, имело место в деле Засулич, свидетельствовал о происходящих демократических переменах в обществе. Однако в настоящее время роль суда присяжных в рамках отправления правосудия несколько снизилась, а его механизм нуждается в реформировании.

Безусловно, требуется совершенствование законов, регулирующих производство по уголовному делу с участием присяжных заседателей, поскольку у данного института имеется огромный нереализованный потенциал, проведение реформ, укрепляющих его независимость.

Список литературы

1. Хамицевич Ю. О. Суд присяжных заседателей: достоинства и недостатки // Достижения науки и образования. 2018. № 17 (39). URL: cyberleninka.ru>article>sud

2. Михалева М. А. Суд присяжных – необходимый элемент судебной системы России // Развитие общественных наук россий-

скими студентами : сб. науч. тр. Вып. III. Краснодар, 2017. С. 100–103.

3. Гусейнова Г. М. Актуальные проблемы суда присяжных в России // Закон и Право. 2019. № 4. С. 115–116.

4. Сериева М. М. Суд присяжных // Форум молодых ученых. 2017. № 8 (12). С. 282–287.

5. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. закон № 113-ФЗ от 20.08.2004.

6. Васляева Н. Л. Суд присяжных: достоинства и недостатки // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 58–64.

7. Шайхутдинова Л. Н., Корнелюк О. В. Актуальные проблемы суда присяжных в России // Инновационная наука. 2017. № 6. С. 87.

8. Золотарев П. В. История суда присяжных, анализ его достоинств и недостатков // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 6 (63). С. 523–528.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Александр Владимирович Хорев[1],
Игнатий Сергеевич Веретенников[2]

[1]кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]магистрант Юридического института
Пензенского государственного университета

История становления российской прокуратуры – это несколько этапов формирования ее современной организации, это летопись ключевых начинаний глав России (империи, республики, федерации) с целью защиты прав и свобод народа, это непрерывный процесс искоренения беззакония и беспорядков в обществе.

У любого общественного явления есть свои предпосылки, поэтому считаем целесообразным отойти от общепринятой трехэтапной структуризации истории становления российской проку-

ратуры и начать ее анализ со времен Олега Вещего, когда князю, как, впрочем, и любому другому правителю, стала ясна мысль: для обеспечения как личной, так и государственной безопасности необходимо противодействовать наиболее опасным преступным проявлениям, прежде всего таким, которые сейчас называются государственной изменой, экстремизмом и терроризмом. Эффективное функционирование государственного аппарата возможно только при должном обеспечении общественной безопасности.

Так, в IX–XVI веках надзор за соблюдением законов государства и прав человека имел частноисковой характер и проводился только по челобитной (жалобе) потерпевшего, его семьи или рода. Следовательно, в роли обвинителя выступал сам истец (собирал доказательства, участвовал в поимке обвиняемого), а князь, посадники, наместники, волостели и дворцовые тиуны выступали в роли судей [10].

По мере становления централизованного российского государства меняется и характер уголовного судопроизводства. Так, в ст. 34 Судебника Ивана III Васильевича (1497 год) впервые появляются нормы, регламентирующие конкретные полномочия должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование от имени князя: проведение розыска и допроса обвиняемого, «добросовестное проведение ареста», запрет брать взятки (посулы) и вознаграждения (антикоррупционные нормы также содержатся в ст. 33), запрет на передачу «на поруки или продажу» обвиняемых (ст. 35) [6].

Судебник Ивана IV Грозного (1550 год) возлагал полномочия осуществления розыска и суда по делам «о ведомых лихих людях» на Разбойный Приказ (изначально Разбойную Избу) и губернские органы, подведомственные ему [6]. Если Судный Приказ мог начинать судопроизводство только на основании жалобы заинтересованного лица, то Разбойный Приказ сам от лица государства инициировал и осуществлял уголовное преследование обвиняемого. Обязанность разыскивать и преследовать «лихих людей» возлагалась на губных старост [4].

В 1613 году учреждается должность воеводы, который наделяется обширными полномочиями в области уголовного преследования, что фактически становится фундаментом для последующего формирования публичного (должностного) надзора за соблюдением законов и осуществления правовой защиты человека [2]. Следовательно, уже в Древнерусском и Московском периодах истории

нашей страны были заложены основы создания прокуратуры, которые в дальнейшем было экстенсивно развиты в период реформаторской деятельности Петра I Великого.

Рубеж XVII–XVIII веков принято считать началом нового этапа в российской истории, когда получили свое распространение разнообразные, фрагментарно бессистемные реформы Петра I, спонтанно зарождавшиеся в мыслях первого российского императора и заложившие основы централизации власти в стране.

Одной из главных новаций в его внутриполитической деятельности стала судебная реформа, следствием которой было создание прокуратуры. Несмотря на то что законодательное закрепление прокурорского надзора относится к январю 1722 года [7], нельзя не отметить тот факт, что до того надзор в разное время осуществляли и сенатский генерал-ревизор (должность введена в 1715 году), и обер-секретарь Сената (1720 год), который должен был надзирать за деятельностью Сената и следить, чтобы там «все было делано порядочно». В начале 1721 года Петр I возложил обязанность контроля над деятельностью Сената на штаб-офицеров гвардии – по замыслу императора затем данная компетенция должна была перейти государственному фискалу, но эта идея так и осталась лишь одним из замыслов [11]. Соответственно, вместо введения должности государственного фискала в стране был учрежден институт прокуратуры, в функции которого как раз входил надзор.

Всю относительно централизованную систему прокуратуры возглавлял генерал-прокурор, утвержденный при Сенате. Прокуроры же на местах осуществляли надзор за деятельностью всех центральных и местных органов государства. При коллегиях и надворных судах также имелись прокуроры [12].

В период правления Екатерины II Великой значение прокурорской службы усилилось. После разделения Сената на подразделения генерал-прокурор стал контролировать все их действия, а с издания Указа «Об учреждении для управления Губерний Всероссийские Империи» прокуратура стала централизованной системой: была регламентирована четкая ее организация, определен порядок назначения на должность прокурора и стряпчего, а также конкретизированы их основные права и обязанности в судебном и общем надзоре [8].

В сентябре 1802 года император Александр I подписал манифест «Об учреждении Министерств», которым учреждал подразделение управления государственными делами на восемь отделений. В их числе было Министерство Юстиции, которое должно было заниматься подготовкой актов законодательного характера, а также управлением деятельностью судов и прокуратуры, а генерал-прокурор из первенствующего сановника Российской Империи превращался в первого среди равных, в одного из министров [9].

После проведения судебной реформы Александра II на прокуратуру были возложены надзор за дознанием и предварительным следствием, поддержание государственного обвинения в судах, в связи с чем прокуратура стала органом уголовного преследования, а ее компетенции ограничивались судебным ведомством и судебно-следственным направлением [3].

Дальнейшие изменения в деятельности прокуратуры были связаны с Октябрьской революцией 1917 года, которая ознаменовала строительство государства нового типа.

Первым актом, положившим начало формированию единой советской судебной системы, стал Декрет Совета народных комиссаров «О суде № 1» от 22 ноября 1917 года. Он упразднил все дореволюционные судебные органы (ст. 1), ликвидировал прокуратуру, адвокатуру и институт судебных следователей, которые были заменены местными коллегиальными судами, состоявшими из судьи и двух народных заседателей [1].

26 мая 1922 года Всесоюзный центральный исполнительный комитет утвердил Положение о прокурорском надзоре. Государственная прокуратура была создана в составе Наркомата юстиции. На прокуратуру возлагалось осуществление от имени государства надзора за законностью действий всех органов власти, организаций и отдельных граждан, непосредственное наблюдение за органами следствия и деятельностью Государственного политического управления, поддержание обвинения в суде, наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Прокуратура в Советском Союзе прошла через целый ряд изменений, в чем-то аналогичных тем, что происходили в царскую эпоху. Так, в 1923 году появилась Прокуратура Верховного суда СССР, получившая право выдвигать законодательные инициативы

и совещательный голос в высших органах власти. В 1933 году прокуратура стала самостоятельным государственным органом [5].

Во время Великой Отечественной войны прокуратуре СССР пришлось столкнуться с серьезными вызовами. Прокуроры работали круглосуточно не только на тылу, следя за соблюдением законности, но и на передовой, где от их работы зависело обеспечение фронта необходимыми ресурсами для продолжения борьбы с нацистами. После победы в войне встал вопрос о восстановлении страны и возвращении к нормальной жизни, что было невозможно без строгого прокурорского надзора за соблюдением законности.

Распад СССР повлек за собой кардинальное изменение всех структур жизни общества, следствием чего, в числе прочего, стало принятие федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года, которое закрепило ключевые основы деятельности новой прокуратуры. Современная прокуратура Российской Федерации представляет собой централизованную систему органов государственной власти, обеспечивающую от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующего законодательства, осуществляющую уголовное преследование в рамках своей компетенции, координирующую деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, то есть гарантирующую равную защиту интересов, прав и свобод каждого человека.

Таким образом, история становления российской прокуратуры имеет свои истоки еще со времен первых князей – собирателей земли русской. Древнерусский и Московский периоды, Дореволюционный период, Советский период, Постсоветский период – каждый из этих этапов развития прокуратуры содействовал укреплению законности, сохранению правопорядка и централизации власти в государстве. Прокуратура Российской Федерации продолжает модернизироваться, адаптируясь к постоянно изменяющимся условиям жизни общества и организуя свою деятельность в соответствии с актуальными задачами на пути к обеспечению главенства норм права и защиты интересов граждан.

Список литературы

1. О суде : декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

2. Жуков Г. К. Зарождение публичного уголовного преследования как одна из предпосылок для учреждения должности прокурора в России // Beneficium. 2020. № 1 (34). С. 57–64.

3. Казанцев С. М. Дореволюционные юристы о прокуратуре / науч. ред., сост., авт. ввод. ст., биогр. слов. и рек. лит. С. М. Казанцев. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2001. 285 с.

4. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 329 с.

5. Положение о прокуратуре Союза ССР : постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 // Собрание законодательства СССР. 1934. № 1. Ст. 2б.

6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1985. Т. 2. 519 с. URL : https://search.rsl.ru/ru/record/01005423142 (дата обращения : 18.03.2024).

7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1986. Т. 4. 511 с. URL : https://search.rsl.ru/ru/record/01005423142 (дата обращения : 18.03.2024).

8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1986. Т. 5. 527 с. URL : https://search.rsl.ru/ru/record/01005423142 (дата обращения : 18.03.2024).

9. Россия. Законы и постановления. Высочайшие манифесты, воспоследовавшие по случаю некоторых важнейших событий государственной жизни в царствование императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II : справочное издание Канцелярии Совета Министров. СПб. : Гос. тип., 1914. 191 с.

10. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М. : Зерцало-М, 2014. 451 с.

11. Чекурда Е. А. Правительствующий сенат в России в начале XVIII века: учреждение и первоначальная компетенция // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 17. С. 10–12.

12. Шобухин В. Ю. Тенденции развития прокуратуры России в период 1722–1864 гг. // Журнал российского права. 2010. № 6 (162). С. 79–86.

ПРОКУРАТУРА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1922–1991 гг.)

Александр Владимирович Хорев[1], Игнатий Сергеевич Веретенников[2]

[1]кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета
[2]магистрант Юридического института Пензенского государственного университета

История прокуратуры СССР – это попытки отказаться от всего наследия царской России, это поиски новых способов восстановления законности в государстве, это опора современной прокуратуры Российской Федерации.

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала строительство государства нового типа, и первым актом, положившим начало формированию единой советской судебной системы, стал Декрет Совета народных комиссаров «О суде № 1» от 22 ноября 1917 года. Он упразднил все дореволюционные судебные органы (ст. 1), ликвидировал прокуратуру, адвокатуру и институт судебных следователей, которые были заменены местными коллегиальными судами, состоявшими из судьи и двух народных заседателей [2]. Следствием этого стали утверждение диктатуры, законодательный произвол и несправедливость приговоров, выносимых судами. Кроме того, рост общественных волнений, вызванный кардинальной сменой геополитической ситуации, усиление политических репрессий и отсутствие независимых органов судебной власти подорвали доверие к новой политической системе, которая еще только зарождалась, и стали катализаторами гражданской войны 1917–1922 годов. Этот период страна прожила по так называемым «революционным законам», когда основным источником права являлись революционное сознание, революционная идеология.

Для того чтобы снизить градус напряженности в обществе, а также с целью создания (возрождения) системы надзора за законностью 26 мая 1922 года Всесоюзный центральный исполнительный комитет утвердил Положение о прокурорском надзоре. Интересен тот факт, что определенные сложности у правительства

СССР вызвал вопрос поименования должности нового надзорного органа власти. По утверждению правоведа А. Г. Звягинцева, некоторые представители власти предлагали уйти от слова «прокурор» и, поскольку основной функцией создаваемого органа было укрепление революционной законности, предлагали назвать их «укрепревзаками» [6].

Тем не менее государственная прокуратура была создана в составе Наркомата юстиции как совершенно новый орган государственной власти (хотя и прослеживались определенные связи с дореволюционной прокуратурой: схожие круг обязанностей; организационная структура – до 1917 года прокуратура манифестом Александра I входила в систему министерства юстиции, а министр был также государственным прокурором [5]). На прокуратуру возлагалось осуществление от имени государства надзора за законностью действий всех органов власти, организаций и отдельных граждан, непосредственное наблюдение за органами следствия и деятельностью Государственного политического управления, поддержание обвинения в суде, наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

В 1923 году появилась Прокуратура Верховного суда СССР, получившая право выдвигать законодательные инициативы и совещательный голос в высших органах власти, а спустя еще 10 лет прокуратура стала самостоятельным государственным органом [8]. Она конкурировала с Верховным судом СССР и обладала исключительными полномочиями по контролю за соблюдением конституционных норм во всей правоприменительной практике СССР. Если нормативные акты противоречили законам СССР или постановлениям Совета Народных Комиссаров, Прокурор СССР мог предложить свои поправки к этим актам в соответствующих государственных органах. В случае нарушения положений Конституции СССР он делал это после предварительного заключения Верховного суда СССР [4].

Нельзя не отметить и тот факт, что сталинские репрессии нанесли серьезный урон не столько имиджу института прокуратуры в СССР, сколько вообще СССР как государству, поскольку вновь ставился под сомнение принцип законности, неукоснительное соблюдение которого должно было обеспечивать действующее на тот момент правительство. На первый план вышли карательные органы (ОГПУ, НКВД, МГБ), приоритет которых признавался

и использовался в своих интересах высшими органами государственной власти [1].

Во время Великой Отечественной войны прокуратуре СССР пришлось столкнуться с серьезными вызовами и в быстром темпе перестраиваться на военный режим функционирования. Так, 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О военном положении», в соответствии с которым все государственные органы и учреждения СССР, включая органы прокуратуры, были обязаны обеспечивать полное содействие военному командованию страны для защиты ее территории, общественного порядка и безопасности [10].

В эти непростые, трагичные для страны годы прокуроры работали круглосуточно не только на тылу, следя за соблюдением законности, но и на передовой, где от их работы зависело обеспечение фронта необходимыми ресурсами для продолжения борьбы с нацистами. Кроме того, в это время постепенно вводилась сравнительная градация чинов прокуроров и следователей.

Победа в Великой Отечественной войне обусловила, в числе прочего, необходимость очередной перестройки жизни общества, его переориентации к восстановлению страны, что также было невозможно без строгого прокурорского надзора за соблюдением законности.

Отказ от сталинской политики уголовного преследования и репрессий, в период «хрущевской оттепели», ознаменовался принятием 24 мая 1955 года нового Положения о прокурорском надзоре в СССР. В нем были законодательно закреплены и получили развитие идеи о значении законности в советском государстве и о роли органов прокуратуры в ее обеспечении, впоследствии подробно разработанные в Положении о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1956 года и закрепленные в Конституции СССР 1977 года [9].

В период перестройки в СССР особую остроту приобрела проблема правового просвещения граждан. Руководство страны и партии требовало от всех государственных и общественных организаций, в том числе от прокуратуры, активно заниматься правовым воспитанием населения. Так, в соответствии со ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 года № 1162-X «О прокуратуре СССР» одним из направлений деятельности прокуратуры было участие ее сотрудников в совершенствовании действующего на тот момент

законодательства и пропаганда советских законов, правосознания советского человека и гражданина [3]. Прокуроры играли важную роль в предупреждении и профилактике правонарушений, поэтому часто выступали на сессиях местных советов народных депутатов, фабриках и других предприятиях с докладами о состоянии законности и борьбе с преступностью [7].

Таким образом, история формирования и функционирования прокуратуры в советский период 1922-1991 годов обусловлена целым рядом общественно-политических факторов, существенно меняющих подходы не только к организации работы прокуратуры СССР, но и к вопросу о необходимости ее существования вообще. Одним из последствий гражданской войны 1917–1922 годов стало понимание советским правительством необходимости постройки государства нового типа, основанного на принципах законности и справедливости. Фактически главной целью деятельности прокуратуры СССР было именно обеспечение законности на территории всего Союза. Ликвидированный, восстановленный, видоизмененный – институт прокуратуры в советский период 1922–1991 годов постепенно становился центральным надзорным органом, конкретизировал круг своих компетенций и стремился обеспечивать правопорядок, осуществляя надзор в основном за реализацией директив государства.

Список литературы

1. Вазеров И. Д. Советская прокуратура: наследие прошлого или историческая необходимость? // Наследие предков – молодым: сб. работ Всерос. конкурса на лучшую работу по русской истории. 2014. URL: https://clck.ru/39omyW (дата обращения: 30.03.2024).

2. О суде : декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

3. О прокуратуре СССР : закон СССР № 1162-X от 30.11.1979 // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

4. Коваль С. П. Судебная власть и прокуратура по Конституции СССР 1936 г.: историко-правовые аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2023. № 2. С. 40–47.

5. Россия. Законы и постановления. Высочайшие манифесты, воспоследовавшие по случаю некоторых важнейших событий государственной жизни в царствование императоров Александра I,

Николая I, Александра II, Александра III и Николая II: справочное издание Канцелярии Совета Министров. СПб. : Гос. тип., 1914. 191 с.

6. Перекрест В. Александр Звягинцев: «Прокуроров хотели назвать укрепревзаками» // Культура: официальный сайт газеты. 2013. URL: https://clck.ru/39omEP (дата обращения: 30.03.2024).

7. Петров А. И. Понятие и содержание правового просвещения как особой функции органов прокуратуры (теоретико-правовой анализ) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4. С. 159–165.

8. Положение о прокуратуре Союза ССР : постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 // Собрание законодательства СССР. 1934. № 1. Ст. 2б.

9. Пупышева Л. С. Развитие органов прокуратуры СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы // Пермский период : сб. материалов X Междунар. научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. Т. 4. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 363–365.

10. О военном положении : указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Марина Сергеевна Чунина[1],
Тимур Алексеевич Акбердиев[2]

[1]старший преподаватель кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студент Юридического института
Пензенского государственного университета

В соответствии с основополагающими доктринами возникновения и развития государства важным этапом его формирования является создание бюджета как особого фонда денежных средств.

«Бюджет состоит из доходов, расходов и источников финансирования дефицита бюджета. Доходы любого бюджета создаются за счет налоговых, неналоговых поступлений и безвозмездных перечислений» [1].

Неотъемлемой частью доходов бюджета является государственная пошлина. Государство, как инструмент самоорганизации общества, всегда прибегает к взиманию различного рода платежей с проводимой экономическими субъектами хозяйственной деятельности. Позже по мере усложнения государственных институтов возникла необходимость формирования дополнительных доходов, которые могли быть направлены на обеспечение административной деятельности и снижения бюрократической нагрузки.

Необходимо понимать, что государственная пошлина во всех развитых правовых государствах существует для превентивной цели (сдерживание сутяжничества), а также имеет частично компенсационную функцию и, разумеется, не является «платой» за правосудие, она имеет несколько иной характер. Деньги поступают в бюджет, а уже оттуда их направляют на общественные или муниципальные нужды.

В истории России государственная пошлина в гражданском процессе подвергалась значительным изменениям, пошлины как таковые различались по судебным инстанциям и взимались за оказание судом правосудия. Исключением, пожалуй, была мировая юстиция, которая первоначально была бесплатна для всех, но в начале XX в. в ней стали предусматриваться незначительные сборы в пользу государства.

В то время пошлины делились на несколько видов:

1) гербовый сбор, включающий в себя соответствующие марки, прикрепляемые к прошениям, документам и т.п.;

2) судебные взносы со стороны лиц, участвующих в деле, своеобразный аналог цене иска;

3) канцелярские пошлины – на содержание канцелярии;

4) сборы по производству дел, включающие в себя публикацию, зарплату судебному персоналу и вознаграждение свидетелям и экспертам.

«В современном гражданском судопроизводстве пошлина представляет собой разновидность судебных расходов, а если более точно – это денежные суммы, взыскиваемые с лиц, участвующих в гражданском деле в связи с рассмотрением и разрешением гражданского спора или вопроса» [2].

При установлении размера государственной пошлины по имущественным требованиям, подлежащим оценке, необходимо определить цену иска, представляющую собой стоимостное выражение материального объекта иска. Цена иска устанавливается истцом, который указывает ее в своем исковом заявлении. К определению размера пошлины необходимо добавить, что в относительно недалеком прошлом ведущие судьи выступили с предложением повысить судебную пошлину по ряду дел. При этом было подчеркнуто, что повышение не должно коснуться процессов, связанных с защитой социальных прав граждан, а также споров граждан с чиновниками. Обосновали они это тем, что российские суды рассматривают огромное количество гражданских дел, в то время как 10 лет назад нагрузка была значительно ниже, и в будущем будет наблюдаться ее дальнейший прирост (8–10 %). Целесообразным шагом, по их мнению, в такой ситуации станет соразмерное повышение государственной пошлины, позволяющее «отсечь» целый массив очевидно надуманных исков.

Но бытует и другое мнение, утверждающее, что судебная система существует для граждан, а не наоборот. Когда-то знаменитый ученый И. Бентам утверждал, что сбор госпошлины аморален, поскольку требует от пострадавшего лица дополнительной платы для восстановления своего права, особенно когда ответчиком является государство.

Понятно, что такая позиция является в настоящее время устаревшей, но тем не менее нельзя не отметить, что бороться с судебной нагрузкой необходимо не заградительными размерами госпошлины, а введением совсем иных механизмов: практическим внедрением и правильным применением института взыскания судебных расходов с проигравшей стороны, и не в тех малозначительных размерах, а в истинном размере, которым можно наказать, причем не повально (как это происходит с увеличением госпошлины), а зряче, т.е. с учетом обстоятельств конкретного дела, процессуального и иного поведения лиц, участвующих в деле.

При этом недопустимо утверждать, что нельзя увеличивать размер пошлины в принципе или в отношении конкретных правовых действий, но, по нашему мнению, это должно осуществляться с учетом возможности наступления отрицательных последствий для потенциальных истцов и ответчиков. Размер госпошлины, как и всех налогов и сборов, находится в компетенции федерального

законодателя, но, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, он имеет определенные пределы и границы, а главное – не может носить произвольного характера.

Безусловно, проблема судейской нагрузки является не просто назревшей, но уже давно перезревшей, хочется предложить следующий альтернативный комплекс действий для ее снижения:

1. Истинный, а не для галочки переход на электронный документооборот, тайм-менеджмент, кейс-менеджмент при отправлении правосудия.

2. Полноценное использование института взыскания судебных расходов не в символических размерах, а в реальных, причем в отношении сутяжников и злоупотребляющих своими процессуальными правами лиц – с повышающим коэффициентом.

3. Наложение значительных, а не символических штрафов на недобросовестных лиц, затягивающих процесс или препятствующих рассмотрению дела, включая лиц, которые не участвуют в процессе, но у которых истребованы документы или сведения.

Список литературы

1. Белозеров С. А., Бродский Г. М., Горбушина С. Г. Финансы : учебник / отв. ред. В. В. Ковалев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 936 с.

2. Гражданский процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Укусова. М. : Проспект, 2015. 736 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Марина Сергеевна Чунина[1],
Елена Александровна Пухова[2]

[1]старший преподаватель кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Человек является самой сложной сущностью в мире. Желание понять его сложность существовало всегда и проявлялось

в самых различных формах. В настоящее время это стало заметно актуальнее. Системы, повторяющие поведение, свойственное человеку, называются системами искусственного интеллекта (далее – ИИ) [5]. Простыми словами можно сказать, что искусственный интеллект – это способность машины моделировать человеческое мышление, поведение. Это современные технологии, способные решать различные задачи по заранее заданным алгоритмам.

Распространение современных технологий является естественным элементом жизни людей. Стремительный процесс развития судебной системы, а также значительный рост качества правосудия в Российской Федерации представить без применения новейших технологий достаточно сложно. Использование технологии ИИ в судопроизводстве является многообещающими интересным направлением, хотя и очень дискуссионным.

На современном этапе искусственный интеллект стремительно продвигается в организационную деятельность суда. Ранее был введен электронный оборот документов, электронное правосудие предоставляется через Государственную автоматизированную систему «Правосудие», также была введена справочная система «Мой арбитр» и многое другое [4].

Интересной и обоснованной является точка зрения А. К. Нестеренко, которая считает, что «системы искусственного интеллекта могли бы массово применяться в судебной системе, особенно в части рассмотрения стандартных дел. Например, взыскание долгов за ЖКХ или просроченных кредитов в большинстве случаев носит типовой характер, т.е. выносятся идентичные по своей сути решения на основании похожих исковых заявлений и заявлений на выдачу судебного приказа, но в различных форматах на усмотрение судьи. Это позволило бы сократить функции значительно перегруженных секретарей судов и дать судьям возможность работать с правовым помощником на базе искусственного интеллекта, который за секунды готовит проекты документов, оставляя конечное решение за судьей» [1].

Опираясь на понимание искусственного интеллекта, а также его возможной помощи судьям, можно предположить некоторые его перспективы в гражданском судопроизводстве:

1. ИИ способен стать надёжным помощником судей по определённым вопросам делопроизводства;

2. ИИ может стать партнёром судьи, то есть помогать ему в различных вопросах, включая вопросы расценивания доказательств;

3. Уже в дальнейшем искусственный интеллект может заменить судью в некоторых функциях [3].

Стоит выделить несколько основных положительных моментов распространения ИИ в гражданском судопроизводстве.

Во-первых, проблема растущей нагрузки на судей и недостаток мер, нацеленных на расширение судейского корпуса. Если возрастёт судейский корпус, то и, как следствие, возрастут экономические затраты.

Во-вторых, проблема со сроками рассмотрения дел является одним из обстоятельств обращения к искусственному интеллекту. Оперативность, свойственная ИИ, способна помочь ускорению судопроизводства. Процесс станет более систематизированным, быстрым и эффективным.

В-третьих, искусственный интеллект поможет справиться с коррумпированностью судебной системы. Автоматизированное принятие решений уменьшит уровень пристрастности судьи или совсем исключит его.

Четвертый положительный момент заключается во внешних и внутренних проблемах, связанных с чрезвычайными ситуациями, пандемиями, когда в привычном режиме рассматривать дела становится проблематично из-за отсутствия возможности работать судье в обычных условиях.

Пятая положительная причина заключается в возможности искусственного интеллекта быстро обрабатывать большое количество информации, в момент проводить анализ ситуаций и документов, а также легко находить нужную информацию. Один из главных аспектов автоматизации в судебной системе – это анализ правовых документов с помощью ИИ.

Но в то же время трудностей использования искусственного интеллекта много. Из основных и самых существенных можно выделить следующие:

Во-первых, недостаточное количество разработок, которые выработают алгоритмы, необходимые для отправления правосудия. Проще говоря, в компьютере отсутствует та самая гибкость, которая присуща человеку. Разрешение дел искусственным интеллектом возможно исключительно в той степени, в которой рассчитал и заложил в алгоритм разработчик. Предусмотреть и запро-

граммировать все варианты возможных событий и дел будет весьма затруднительно.

Во-вторых, очень важным является и то, что нет правового регулирования положений, связанных с использованием искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении дел.

В-третьих, ИИ вызывает беспокойство и опасность у населения страны. Тут играет роль возможное перепрограммирование системы, а также доступ к персональным данным и вариант их изменения [2].

По результатам опроса ВЦИОМ за 2022 год, в числе основных неблагоприятных результатов развития технологий ИИ люди видят: опасность мошеннических действий, похищение личных данных (62 %), использование в корыстных целях (61 %), отсутствие ответственных за принимаемые решения ИИ (58 %), а также риск принятия неверных решений (54 %). На данный момент население России не может полноценно доверять искусственному интеллекту в самых важных вопросах, хотя и заинтересовано в его совершенствовании и развитии [6].

Обоснованной является и точка зрения секретаря Пленума Верховного Суда Российской Федерации В. В. Момотова, который считает искусственный интеллект быстро развивающимся. ИИ воздействует на человека и незаметно овладевает им. Это «может вырасти в опасный для человека мир, что отчасти происходит сегодня и становится неотвратимой угрозой». По его мнению, действия судьи, его работа, мышление и рассуждение «являются гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы» [4].

Подводя итог, можно сказать, что искусственный интеллект не способен стать стопроцентным защитников прав и свобод человека и гражданина, однако автоматизация процессов в судебной системе с использованием искусственного интеллекта поможет в повышении эффективности и качества правосудия. Использование ИИ в гражданском судопроизводстве возможно только в узком виде и с точными границами. Он может применяться судьями при рассмотрении тех гражданских дел, в которых решения в основном имеют технический характер и не требуют серьёзного анализа. Например, в ГАС «Правосудие» можно внедрить подсистему, которая бы в автономном режиме формировала судебные приказы по бесспорным делам. Автоматизация процессов в судебной системе с использованием искусственного интеллекта значительно повысит эффективность работы судов и улучшает доступ к правосудию. Это поможем сделать судебный процесс более быстрым и эффективным.

Список литературы

1. Журавлева М. Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1. С. 20–28.
2. Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4. С. 160–168.
3. Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2021. № 5. С. 115–122.
4. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 188–191.
5. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Науковедческие исследования. 2018. № 11. С. 129–153.
6. Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3521. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee (дата обращения: 11.09.2023).

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Марина Сергеевна Чунина[1],
Алина Анатольевна Цветкова[2]

[1]старший преподаватель кафедры правосудия
Юридического института
Пензенского государственного университета
[2]студентка Юридического института
Пензенского государственного университета

Развитие примирительных процедур является важной задачей в решении конфликтов, возникающих из-за нарушения прав и неучета интересов. Основная цель этого развития заключается

в обеспечении эффективной защиты прав граждан, с учетом интересов всех сторон. Практики и исследователи считают, что примирительные процедуры не ставят своей целью абсолютную истину и справедливость на основе правовых норм, а скорее стремятся к достижению целесообразного результата и взаимной выгоды для спорящих сторон. В России законодательство предусматривает возможность примирения на всех этапах гражданского процесса. Результатом может служить, в частности мировое соглашение [5].

Мировое соглашение как правовая категория не определена законодателем, но активно используется. Отсутствие определения порождает в юридической литературе живой интерес и бесконечные дискуссии.

Д. Л. Давыденко раскрывает понятие мирового соглашения и указывает, что это «…гражданско-правовой договор, посредством которого стороны устраняют неясность в своих правоотношениях посредством взаимных уступок» [4].

Е. В. Андреева полагает, что «под мировым соглашением понимается заключенное сторонами в гражданском судопроизводстве и утвержденное судом соглашение, в силу которого истец и ответчик путём взаимных уступок заново определяют свои гражданские права и обязанности и на этой основе устраняют между собой гражданско-правовой спор» [1].

Ю. Г. Городилова мировым соглашением называет «соглашение сторон о прекращении судебного спора на определённых, не противоречащих закону, и ненарушающих права и интересы других лиц» [3].

Проанализировав представленные подходы, стоит дополнить статью 158.3 ГПК РФ примечанием следующего содержания: «Под мировым соглашением в настоящей статье понимается механизм защиты личных прав в Российской Федерации, а также предполагает, что стороны правового конфликта добровольно отказываются от разрешения спора в судебном порядке» [2]. Принятие мирового соглашения обязывает стороны выполнять все условия и обязанности, указанные в нем. Также мировое соглашение является процедурой примирения, основанной на взаимных уступках и соглашениях. Заключение мирового соглашения повышает вероятность

получения желаемого результата и достижения справедливости для каждого их сторон. Как гласит французское изречение «Лучше плохое мировое соглашение, чем хороший процесс».

Статистика заключения мирового соглашения составляет за 2022 год 30 547 из 1 096 383 дел по гражданскому судопроизводству, что повлекло изменениям в законодательстве в 2023 году [7].

Новая редакция статьи по мировому соглашению имеет следующее дополнение:

1. Внедрение электронного документооборота предоставляет возможность сторонам соглашаться на обмен документами и информацией в электронном формате, что значительно упрощает процесс обмена и позволяет оптимизировать использование времени и ресурсов.

2. Возможность проведения встреч и слушаний онлайн. Теперь стороны могут участвовать в процессе из разных мест посредством видеосвязи. Это особенно ценно, когда стороны находятся в разных городах или даже странах.

3. Увеличение количества экспертов, принимающих участие в мировом соглашении. Помимо судьи и сторон в процессе рассмотрения дела могут быть задействованы и другие лица, например эксперты, свидетели и переводчики.

4. Увеличение суммы согласия на примирение. Так стороны могут договориться об урегулировании спора на сумму до 100 000 рублей. Это позволяет избежать больших расходов на рассмотрение дела.

Указанные изменения, вносимые в нормы о мировом соглашении в гражданском судопроизводстве с 2023 года, призваны облегчить процесс разрешения споров, сделать его более современным и эффективным. Кроме того, они учитывают новые потребности и возможности, которые открывают современные технологии. Показательным примером может послужить статистика судов Пензенской области: из 133 485 гражданских дел, рассмотренных судами области в 2022 году, 100 смогли урегулировать мировым соглашением. А уже в первой половине 2023 года этот показатель насчитывает 439 дел из 10 814 разрешенных гражданских дел [6]. Таким образом, внесенные изменения оказывают положительное влияние на конфликтующие стороны.

В последние годы суды проявляют высокую степень либерализма в отношении условий мировых соглашений и стремятся минимально вмешиваться в договоренности сторон. На примере анализа практики судов Пензенской области за 2023 год, можно выявить какие категории дел, по которым приходят к мирному соглашению: это споры, связанные с земельными отношениями; дела о защите неимущественных благ; о защите чести, достоинства, деловой репутации; споры, связанные с жилищными отношениями; споры, возникающие из семейных правоотношений; отношения, связанные с защитой прав потребителей; иски, связанные с возмещением ущерба; споры, возникающие из трудовых отношений; прочие исковые дела (дела об уменьшении размера алиментов, развод, раздел имущества, наследственный спор) и т.д.

Таким образом, дальнейшее развитие института мирового соглашения поможет расширить перечень возможных условий и обязательств, которые могут быть предметом соглашения, а также возможность устанавливать более детализированные и специфические условия, которые регулируют их взаимодействие и ответственность перед друг другом.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 551–557.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Городилова Ю. Г. Утверждение мирового соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 17–19.

4. Давыденко Д. Л. Мировое соглашение и мировая сделка: соотношение понятий // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 12. С. 83–85.

5. Пешкова О. А. Мировое соглашение как правовая категория // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 68–73.

6. Сборник основных показателей статистической отчетности о работе районных судов и мировых судей за 6 мес. 2023 г.

URL: http://usd.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=61 (дата обращения: 20.09.2023).

7. Сборник основных показателей статистической отчетности о работе районных судов и мировых судей за 12 мес. 2022 г. URL: http://usd.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=61(дата обращения: 20.09.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеев Н. В., Сутягин П. К.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 3

Акулов Д. В.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА 11

Акулов Д. В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВА 18

Артемова Д. И., Барбакова К. В.
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА 28

Артемова Д. И., Костригина М. Ю.
ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: НАКАЗАНИЕ ИЛИ БЛАГО?..... 40

Байдарова М. А.
К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРОКУРОРОМ ТРУДОВЫХ ПРАВ
ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 43

Баринова Н. И., Крюкова К. Н.
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА И ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 49

Боброва А. А.
ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ 53

Ванькова К. Г.
ИНСТИТУТ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ..... 57

Гапоненко Е. С., Гусев В. П.
ОСНОВЫ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 64

Гусева А. А.
НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИГОВОРА КАК ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ЕГО ОБЖАЛОВАНИЯ 68

Загудаев М. П., Митусова Я. Д.
К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕТОДАХ РЕШЕНИЯ
СПОРОВ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ 72

Засыпалова В. И., Колгатина О. С., Ванькова К. Г.
ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСЧИСЛЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 78

Засыпалова В. И., Куликова А. А., Ишкаева В. Р.
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И КИТАЕ 81

Каминин Д. В., Степанычев А. А.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ 85

Квашнина Е. И.
ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАВЛА ДЕГАЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 93

Квашнина Е. И.
РОЛЬ Я. И. БАРШЕВА В МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 1840-х гг. 99

Климов С. Н.
МОДЕРНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 105

Кравцов А. И.
МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В ОТНОШЕНИИ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ 108

Куликова А. А., Чунина М. С.
ПЕРЕДАЧА ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ИЗ ОДНОГО СУДА В ДРУГОЙ 116

Лукьянова П. Д., Шилина Г. С.
ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 119

Львова Т. С., Иванчева А. М.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ДОСТУПНАЯ СРЕДА» 123

Львова Т. С., Сметанина Е. С.
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 128

Львова Т. С., Трофимова А. П.
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 135

Львова Т. С., Цапова А. В.
ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ДЕТЕЙ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ ПО РЕЦЕПТУ ВРАЧА БЕСПЛАТНО 141

Мананников Д. Ю.
ПРОКУРОРСКАЯ ПРОВЕРКА КАК СРЕДСТВО ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 146

Мартышкина Т. А.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 156

Мельников Д. Ю.
ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ 161

Мещерякова А. Ф.
СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 168

Надеждин В. Ю.
ЭМОДЗИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 172

Пагубина А. Р.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНОЙ И ВНЕСУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 177

Рамазанова Г. Р., Ромашкина Т. О.
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 180

Рассказова Е. В.
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 183

Савкина С. А.
ГУМАНИЗАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 188

Смбатян А. С.
ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 193

Фомин В. В.
ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СУДА ПРИСЯЖНЫХ, И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 196

Хорев А. В., Веретенников И. С.
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ 202

Хорев А. В., Веретенников И. С.
ПРОКУРАТУРА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1922–1991 гг.) 208

Чунина М. С., Акбердиев Т. А.
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 212

Чунина М. С., Пухова Е. А.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 215

Чунина М. С., Цветкова А. А.
МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 219

Научное издание

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Актуальные проблемы науки и образования», посвященной
80-летию Пензенского государственного университета

г. Пенза, 19–25 октября 2023 г.

Под редакцией
Терехина Виктора Александровича,
Артемовой Дарьи Игоревны

Материалы публикуются в авторской редакции

Корректор *Т. Н. Судовчихина*
Технический редактор *Р. Б. Бердникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *К. В. Крыловой*

Подписано в печать 07.10.2024. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 13,3. Заказ № 437. Тираж 100.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru